

Владимир Крайнев

**ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА И
УДИВИТЕЛЬНА**

Санкт-Петербург
2021 г.

Крайнев В. В.

Жизнь прекрасна и удивительна / Крайнев В. В., – Санкт-Петербург. –

ООО «ГАЛАНИКА», 2021. – 176 с.

ISBN 978-5-6046542-5-5

© Крайнев В. В., 2021

ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА И УДИВИТЕЛЬНА

Глава: Босоногое детство.

Мне было года четыре, когда к нам приехала в гости моя бабушка Александра Васильевна. Моей постелькой был красивый сундук, а на его крышке были прикручены шурупами металлические зеленые полоски. Эти полоски пересекались друг с другом и получались на крышке сундука узоры ромбиками. Что хранилось в этом сундуке внутри я не знал, но мой взор притягивали эти узоры. Вы спросите, а что же хранилось в этом сундуке внутри? Но ответить вам, дорогие читатели, не смогу. Сундук был заперт всяческим замком.

Любопытство распирало меня, мою душу. Но ключ от замка хранился неизвестно где. Зато я на крышку к вечеру укладывал на сундук матрасик и с подушкой и, укрывшись вечером солдатским одеялом, крепко засыпал. Может быть мне и снились какие-то сладкие сны, но я их позабыл или не запомнил. Дневные впечатления для меня были намного важнее, чем сны разума.

Но реальность была совсем другой. С приездом бабушки моя мама уложила ее на постель, которая была на сундуке и укрыла ее одеялом, а мне сказала:

– Сынок полезай-ка ты на лежанку кухонной печи, я к вечеру ее тоже топлю, чтобы испечь к утру свежий хлеб. А с утра ставлю во внутрь печи чугуны, чтобы вы были сытыми и здоровыми.

Слова мамы были для меня законом, и я быстро забрался на теплые кирпичи русской печки. Слава богу, был и приступочек у печки. Поэтому в два прыжка я уже укладывался спать.

Утром бабушка взяла меня за ручку босоногого и в одних трусиках без майки, и мы направились на Барсуки. Это были такие две горы, спереди заросших кустарниками и папоротниками.

Бабушка объяснила мне:

– Внучок, на Барсуках, сказала мне твоя мама Вера Михайловна, выросло столько землянички – видимо-невидимо. Я возьму с собой лукошко, а ты забери маленькое ведерочко, с которым ты в песочнице игрался. Вот в него и будешь укладывать сладкие ягодки.

Над нами с бабушкой сияло чистое голубое небо. Но как раз в стороне Барсуков проплывали, как в море корабли, белоснежные облака. А солнце уже поднялось высоко, высоко в зенит. Пыль на дороге так прогрелась на жгучем солнце, что мои босые ноги ощущали себя так комфортно, что я старался идти как можно медленнее.

А Александра Васильевна и не торопила меня, а восхищалась:

– В здоровом теле, здоровый дух. А я тебе песенку спою: «Ни мороз мне не страшен, ни жара. Удивляются даже доктора. Почему я не болею, почему я здоровее всех ребят из нашего двора!»

Я шел и думал:

– Какая веселая моя бабушка, не то что наши соседи Кутузовы. Там бабушка совсем, совсем другая. Выйдет со своим внуком на улицу и так ласково ему говорит: «Касатик, ты мой! Ненаглядный! Возьми, дорогуша, да отведай такого тепленького и сладенького пирожка. А дорогуша возьмет пирожок и бежит поделиться со мной. Отламывает мне большую половину этого сладкого пирожочка. Тут его бабушка как заорет на всю улицу: «Ах, ты гад косопузый! Я тебе покажу как нищету подкармливать!» Но гад косопузый – хитер бобер. Упадет около ног бабушки на спину и давай ногами сучить и орать: «Скоро ты всех моих друзей по углам разгонишь. И мне не с кем даже погулять будет....»

Я, раздумывая об кутузовском дружке, не заметил, как мы подошли к подножию Барсуков. А бабушка и сказала мне:

– Папоротники и кусты создают тень. И у подножия Барсуков нам землянику не отыскать. Давай подниматься в гору. Хоть и говорят люди: «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет. Но мы с тобой, Вова, мудрее того, кто придумал эту поговорку. Солнышко освещает склон горы. Вот на один холм мы с тобой и поднимемся, чтобы собирать ведро земляники!

Я ответил ей:

– Вы старше меня и поэтому я полезу на вершину одного холма за вами.

Бабушка была еще очень крепкая и помогала мне подниматься по склону холма вверх. И вскоре увидела около какой-то траншеи, потом я узнал от Александры Васильевны, что это были окопы, в которых засели красноармейцы и не давали фашистам продвигаться дальше. Наши советские солдаты и офицеры заняли круговую оборону и задержали надолго гитлеровских солдат.

Потом я услышал песню:

– Где ж вы, ребята безусые, что в сорок первом году, где-то под Старую Руссою, вы заслонили беду?!»

Когда я подрос, то понял, что в деревне Переезд после войны и проживала наша семья, которая находилась совсем неподалеку от Старой Русси.

Когда же мы с бабушкой добрались до окопов, я так обрадовался:

– Земляники-то около окопов красным-красно!

И стал быстро срывать сладкие спелые ягодки и забрасывать их в рот. Но, сбив охотку, стал помогать бабушке набирать землянику в ее лукошко.

– Молодец, Вова, - добрила она меня, когда лукошко наполнилось до краев.

А я тут же спросил ее:

– Я никогда не видел, чтобы на стенках окопов было красным-красно. Почему бабушка?

И тут Александра Васильевна произнесла мне фразу, которую я запомнил на всю жизнь:

– Это, Вова, земля, которая была залита кровью наших отважных бойцов, погибших защищая нашу Родину! Но не буду говорить тебе сегодня о грустном. И за то, что ты мне помог собрать землянику, я дарю тебе подарок – букетик, где есть стебельки с земляничными листочками. Есть белые цветочки с золотистой пупышечкой посередине этого цветка, а по краям букетика, видишь, свисают красные ягодки земляники.

И этот букетик, подаренный мне бабушкой, я запомнил на всю жизнь.

Когда она уехала к себе домой к мужу в Самару, которого тоже звали Александром, я опять улегся на крышке сундука и невольно подслушал разговор мамы и папы:

– Витя, – спросила его мама, – ты же родился в Самаре в 1918

году. Твои родители дворяне, имели двухэтажный дом с каретным двором, где всегда стояли кони. Но ведь все э в этом году уже после Великой Октябрьской революции в 1917 году началась война гражданская? И на чьей же стороне оказался твой отец, поручик артиллерии?

– Мой отец – ответил мне Виктор Александрович – в Первую мировую войну был ранен в ногу. Ему сделали операцию и он, прихрамывая, вернулся в свой дом в Самару. В этом городе комендантом был Ярослав Ташек, который потом написал роман «Бравый солдат Швейк». Так вот Ярослав Ташек послал арестовать царского офицера, чтобы выяснить, что это за фрукт Александр Павлович Крайнев. А моя мама была на сносях мною.

– Вот это биография – удивилась Вера Михайловна. – Куда ни кинь, везде клин.

– Да, Вера, – ответил отец, – когда красноармейцы пришли арестовывать поручика, то он им сказал:

– Ребята, моя жена на сносях. Поэтому выведите меня на улицу, а не расстреливайте меня, как врага революционного народа там, а не здесь, во дворе моего дома.

– Ишь, храбрый какой! – проворчал старший из красноармейцев. – А где ты воевал и в каких войсках?

– Я служил в артиллерийском полку – красotka ответил мой отец, а старший обрадовался этому ответу и сказал:

– Вот что, Александр Крайнев, я предлагаю тебе обучать наших красноармейцев, чтобы они могли научиться хорошо стрелять из пушек. Цели далеко и нужно стрелять по ним точно по траектории. Пусть снаряды попадают в цель.

– Вот так, вера, мой отец и стал обучать красноармейцев, а потом стал и профессором математики – кончил свой рассказ Виктор Александрович.

Вскоре бабушка уехала к своему мужу в Самару, а мой старший брат Шурик, который родился 3 июня 1941 года за 19 дней до Великой Отечественной войны, вместе с моей мамой эвакуировался в Ташкент.

Эшелон, в котором ехала моя мама с сыном, попал под бомбежку. Она выскочила из вагона и попыталась унести этот маленький комочек, только что родившегося мальчика, подальше от взрывов бомб. Но взрывы гремели рядом и Веру Михайловну взрывной

волной отбросило в одну сторону, а одеяльце с малышом в другую.

Когда бомбежка прекратилась, то маму охватило отчаяние.

– А где же Шурик?!

Она метр за метром осматривала все воронки и вдруг... увидела в рыхлой земле краешек одеяльца, в котором был запеленован Саша.

В вагоне ребенок заплакал. Она потрогала лоб мальчика, который пылал жаром. Отчаяние охватило мою маму. Но добрые люди помогли найти в эшелоне врача и он поставил диагноз: воспаление среднего уха. Нужна операция.

Но разве в эшелоне была операционная палата? Были только беженцы, которых везли в тыл. Когда прибыли в Ташкент, то Сашу мама положила на операцию. Говорят, что один снаряд не попадает дважды в одну воронку. Но оказалось, что бывают и исключения. Операцию моему старшему брату Шурику сделали неудачно, задели какой-то нерв, и левая нога малыша стала вялой. Таким образом Шурик и стал инвалидом детства. Ногу не стали ампутировать по настоянию моей мамы. Но когда Саша подрос он стал ходить на костылях, а нога безвольно волочилась за ним по земле.

Сначала, после демобилизации, Виктор Александрович вернулся в село Семеновщина Валдайского района Новгородской области. Хотя он и окончил до войны в Питере педагогический университет, но мобилизовали его в пехотный полк рядовым солдатом. С боями мой отец прошел до Праги, где танковый корпус Гудериана бился до последнего патрона, снаряда и капитулировал 9 мая 1945 года. Получив звание старший сержант, моего отца с его подразделением уже 12 мая направили на железную дорогу, где стоял эшелон, в который и загрузили воинскую часть, в которой служил Виктор Александрович.

Ах, как радовался он, мечтал о встрече с женой, с маленьким сынишкой. Но когда эшелон дошел до Самары, где проживали его отец и мать и Вера Михайловна с Шуриком, состав не остановился, а продолжил двигаться на восток. Потом оказалось, что подразделение моего отца отправили на Дальний Восток, где японские милитаристы были в Манчжурии и защищали Японию не только на своем острове, но и на материке.

Война закончилась победой Советского Союза и отца наградили медалями и за Победу над Германией и за Победу над Япо-

ней.

Отец получил во время Великой Отечественной войны четырнадцать наград. Все они хранятся у моей младшей сестры Людмилы.

Поэтому я родился не в конце 1945 или 1946 года, а в феврале 1947 года. Мой брат первенец Саша меня старше почти на 6 лет.

В Семеновщине отцу предложили стать директором средней школы. И когда он появился в ней, то учителя удивились, что на директоре военная гимнастёрка, брюки галифе. Пилотку он оставил дома, а вот ремень с бронзовой бляхой со звездой на пряжке сиял как новый пятиалтынный.

Зато я, повзрослев до 5-6 лет, с мамой ходил по карточкам получать на нашу большую семью продукты, а она ежегодно пополнялась и пополнялась пока не родился десятый ребенок, которого назвали родители Колей, Николаем.

Мама брала меня за руку и вела к дверям магазина, которые были заперты. И мы дожидались там, когда подъедет дядя Миша на лошади с телегой, на которой был поставлен огромный сундук, оббитый жостью, где хранились буханки ржаного хлеба.

А очередь за моей мамой была, как мне казалось, почти километровая. Меня же мама брала за руку и подводила к дверям магазина, чтобы мы могли с ней быть первыми за своей долей по карточкам. Семья то у нас уже была большая, а кормильцев то было два человека: отец и моя мама.

Продавец до последнего миллиграммам взвешивала сначала на весах гирями буханки, а потом отрезала от нецелой буханки небольшой довесочек, чтобы он заставил тарелку на весах с хлебом остановиться так, чтобы два гуська на весах посмотрели друг на друга, а их носики остановились на одной линии.

Но я, сглатывая голодную слюну, дожидался, когда мы с мамой выйдем из магазина на улицу и она мне подарит роскошный подарок – подаст мне этот малюсенький кусочек добавленного хлебушка.

Повзрослев, я написал стихотворение об этом малюсеньком кусочке ржаного хлеба:

Разбита церковь, нет к ней веры,
Уж до войны, как без креста.
Уж до войны... Начало эры,
Как с дня рождения Христа.

А я родился в Новой эре...
Мои сестренки и два брата
Ночами бредят хлебом серым,
Рот раскрывая, как галчата!

Большой ломоть ржаного хлеба
Посыпан круто крупной солью...
Такого вкусного обеда... во сне,
Я больше не припомню!

Теперь кирпичики, буханки
Батоны, булки, караваи
У магазина перебранка,
Чтоб дверь быстрее открывали!

Но хлеб поштучно не давали
А измеряли точный вес
В какие ж дебри я и дали
В своей я памяти залез?

Большой ломоть ржаного хлеба
Посыпай круто крупной солью,
Мне в сердце отозвался болью:
«Не надо больше Новой Эры!!!»

Когда же папа мне рассказал, что во время войны фашисты, захватив нашу огромную территорию радовались, что «завоюют по плану «Блиц криг» (молниеносная война), то я лет в 13 написал вот такое стихотворение:

Он невысокого роста
Прическа на левый глаз.
Кричит он: «Вперед нах остен!»
И бог не оставит нас.

Имя его как буря
Знает его весь мир.

Это немецкий фюрер,
Гитлер – фашистов кумир.
Его обожают как бога,
Глядят фанатично вдаль...
И, выходя на дорогу,
Коротко бросают: «Зиг хайль!»
Завоевав пол Европы,
Он с Россией начал войну.
Но с ней не заладилось что-то
Костью в горле стала ему.
И, получив пинок под зад,
Пришлось принять крысиный яд!

Когда мой отец услышал от меня это стихотворение, то рассказал мне одну историю про поступок наших хлеборобов, который врезался в мою память на всю жизнь. Поэтому, дороги друзья и читатели, я написал об этих патриотов вот такое стихотворение:

Хлеб разрежешь – он белый, белый,
С золотистой корочкой спелой.
Сверху чуть потемней, румяней,
От разреза запах дурманный!

Цвет зимы и весны, и осени,
Хлеб впитал своими колосьями
Умывался дождями, росами
Хлеб зерном наливался к осени.

Только осенью этой горькой
Не дождалось поле уборки,
А сапоги, на подковках из стали,
Хлебные стебли без жалости мяли.

Вечером в небо взметнулась зарница
В поле костром загорелась пшеница
Тот, кто ладонями поле взлелеяла,
Труд свой не на ветер, на пепел развеял.

Лишь на щеках, закопчённых и грязных
Белые шрамы прорезались сразу...

Мой отец был скуп на похвалу. Но, услышав это стихотворение, мне сказал:

– Сынок, это уже довольно зрелое и патриотическое стихотворение. Я еду завтра в район и обязательно загляну в редакцию газеты «Заря коммунизма» и предложу твои стихи напечатать в этой газете.

Это было для меня неожиданностью. Значит «Заря коммунизма» озарит мое творчество и мои имя и фамилия прозвучат в нашей школе, где я когда-то учился.

Но после этого эпизода, мне снова захотелось вернуться назад и хотя бы одним глазком посмотреть на себя со стороны в этом босоногом детстве.

После меня родились у мамы две девочки: первую папа предложил назвать Людмилой. Так звали его сестру. У его отца Александра Павловича и матери Александры Васильевны были три сына: сергей, Виктор (мой отец), Александр и дочка Людмила. Так в нашей семье и появилась первая девочка после меня – Людмила.

Когда я стал учиться в школе у учительницы начальных классов Елизаветы Александровны Казаковой, то в ее класс поступила и моя сестра Люся, так ее тогда называли сверстники. Люда была младше меня на полтора года и учились мы с ней в одном классе. Да, да, уважаемые читатели, не подумайте чего-нибудь плохого и не был я второгодником и лентяем. Я учился в школе на одни пятерки, но она была начальной. И обучались за деревянными партами сразу же ученики первого и третьего классов. Поэтому мы и сидели в классе, где парты стояли в два ряда. Людмила пошла в первый класс, а я после второго класса- в третий.

И Елизавета Александровна Казакова посадила меня еще в первом классе с ее младшим сыном Витей. Ее старший сын Сергей родился еще до войны и был переростком. Но и в войну она учила Сережу грамоте дома, а не на улице хулиганить. Но когда родился Витек после войны в голод и холод, то он стал «инвалидом детства», глухонемым, а руки в кистях скрученные.

Тут мне следует сделать экскурс в историю семьи Казаковых и рассказать вам, дорогие читатели, как все было. Началось с того, что в селе Семеновщина была церковь. Но неподалеку от Семеновщины была еще и деревня Новая Семеновщина.

Прошу не удивляться этим двум названиям этих населенных пунктов. Да вроде бы и не стоит удивляться, что другой населенный пункт назван Новой Семеновщиной. Наверное потому, что Новая Семеновщина появилась чуть позже.

Не тут-то было. Как говорят одесситы, что тут есть большая разница! Ведь селом называют населенный пункт, где есть церковь, а где церкви нет, то его называют деревней.

Муж Елизаветы Александровны Казаковой был членом партии. А когда после Великой Октябрьской революции начались гонения на верующих людей, христиан, как тут не вспомнить одно стихотворение поэта Сергея Есенина, где он беседует со своим дедом:

– «Ты коммунист? – Нет!
А сестры стали комсомолки.
Такая гадость, просто удавись.
Вчера иконы выбросили с полки.
На церкви коммунист снял крест.
Теперь и Богу негде помолиться.
И я теперь хожу украдкой в лес,
Молюсь осинам... Может пригодится».

Так вот муж Елизаветы Казаковой и сбросил крест с колоколом с церкви в селе Семеновщина. Но сначала, разумеется, сбросили и колокол. Крест куда-то ночью исчез, а вот колокол разбился в дребезги и осколки его сносили в пункт приема металлолома.

Потом муж Елизаветы Александровны объелся груш и она осталась одна-одинешенька. Но обучала ребятшек как своих родных. Она отозвала меня в сторону когда я пришел к ней в первый раз в первый класс, все-таки мой отец был директором школы, и просила меня:

– Володя Крайнев, пусть мой сынок Витя будет сидеть за партой с тобой, а ты на переменах поучи его говорить.

– Елизавета Александровна – пожал я плечами – ведь он же глухонемой. Как я его буду учить говорить?

– Володя, мой Витя научился уже меня понимать по губам. Так неужели он не поймет и твою мимику?

– Хорошо, Елизавета Александровна, чем могу, тем и помогу.

А ее старший сын Сергей родился еще до войны. А после

войны учиться ему не хотелось. Зато он устроился в колхоз пасти вечером и до утра лошадей. Лошадки за день так устанут и пахать, и грузы на телегах перевозить куда надо, что они в конюшни летом и не захотели стоять в стойлах.

Их душа рвалась на свободу. Но не тут-то было. Любой крестьянин, колхозник после работы спутывал веревкой ноги жеребцам, и кобылам и пускали их на луг, чтобы они пощипали травку. А Сергей Казаков перегонял от одного «вкусного» поля на другое, где трава еще не тронута, но вкусная и сочная.

Иногда Серёга брал меня вечером с собой. Он был благодарен, что я обучаю с осени до весны его брата Витю. Сергей многим пацанам давал подзатыльники, затрещины если они провинились. И даже когда они были не в чем не виноваты, все равно обижал их. И вот когда кони уже поедят, то Сергей Казаков становился лихим казаком. Он ловко освобождал от пут статного красивого вороного коня, упирался левой ступней ноги Буяна, так звали этого вороного коня, и вскакивал жеребцу на спину, ухватив левой рукой за гриву. Уздечки Буяну Серега не надевал. Ведь Буян слушался, когда его хозяин, похлопав по шее то с одной стороны, то с другой, трусцой бежал в ту сторону, куда ему приказывал наездник.

А для меня Серега выделил такого же коня и такой же масти по имени Бупчик. Правда этот конек-горбунок был кургузым. Круп Бупчика был короче, чем у Буяна. Но когда мы садились на коней, то они слушались нас и бежали вскачь галопом по Европам или же трусили мелкой трусцой, чтобы сделать передышку.

Однажды Сергей решил устроить гонки около леса, где уже начинались овраги. Мы пару раз распутывали и других жеребцов, и кобыл и устраивали гонки, как на ипподроме, чтобы узнать какая же лошадка резвее всех других коней.

И в этот день, когда мы Сережей распутали передние ноги всем лошадям и погнали их вдоль обрыва около леса, хлынул дождь. Ливень превратил нашу одежду в мокрые половые тряпки. И Сергей развернул табун лошадей и к дому, где на окраине стояли конюшни. Я тоже подстегнул Бупчика и он даже перегнал Буяна.

– Ага, – с радостью восхищался я, – дуралеи. Мой Бупчик хоть немного и несуразный, но проявил все-таки свою прыть и перегнал буяна.

Но радость моя тут же растаяла. Бупчик нарушил конную

иерархию и перегнал буяна, но сразу же опомнился и встал как вкопанный. Как будто читал Бупчик русские народные сказки: «Встань передо мной, как лист перед травой».

Вот тут-то я и почувствовал начини ужасное: Бупчик то остановился, а я по инерции перелетел через его голову и упал на сырую землю в метрах трех от ног Бупчика.

Испугался моего кувырка и свободного полета по воздуху и Сергей. Ведь он считал, что за эту катастрофу ему не поздоровится. Но я то шлепнулся на мягкую землю, не почувствовав даже боли.

Но когда табун уже был в метре от моего распластанного тела у меня мелькнула мыслишка:

– Вот теперь то мне хана!

Но... ни одна лошадь не наступила на меня, делая невероятные прыжки, табун благополучно перелетел через мое худенькое и тщедушное тельце. Сергей тоже остановил Буяна около Бупчика. Лихо спрыгнул и поднял меня с мокрой травы. А я дрожал в его руках, как в лихорадке. Не знаю, бил озноб меня от страха или от холода. Но Серега поднял меня с земли и помчался со мной к копне свежего сена только что скошенного или сегодня днем, или может быть и вечером.

Сергей поставил около этой копны меня на ноги и раздвинул в копне сена щель, куда и запихал мое тельце.

Но я уже оправился от испуга и сказал Сергею:

– Зачем же ты, Сережа, меня в мокрую траву то запихиваешь. Я же тут и простужусь.

Но Сергей весело улыбнулся и произнес:

– Эх, ты, Володька, да сено то в копне уже преет. И в ней ты согреешься как дома на печке. Поэтому и не заболеешь, но согреешься и перестанешь стучать зубами.

– А как же ты, Серега? – спросил я у своего дружка. – Залезай с другой стороны в копну и тоже не простынешь.

– Володька, ты маленький, но удаленький. Лежи в копне и грейся. А я пойду табун лошадей собирать, да загонять их в конюшню. Вот тогда у нас тобой будет все тип-топ!

Я заснул крепким сном и очнулся, когда услышал голос Сергея:

– Эй, сивка-бурка, вещая каурка. Встань преedo мной, как

лист перед травой! Я вылез из копны. Потянулся и, сладко зевнув, сказал:

– А ты, Сережа, добрая душа! Не только на Буяне ко мне приехал, а даже Бупчика мне подогнал. Огромное тебе спасибо.

– Володька, это все мелочи жизни – ответил мне Сергей. – ты моего младшего брата инвалида учи понимать хотя бы нашу речь. А про наш гандикап на лошадях никому не говори. Молчи громче, и все дела...

Я пришел домой и лег спать почивать на свою лежанку. Мой старший брат Саша спал. Спали и на одной кровати две сестры Люда и Таня. Когда проснулся, то увидел, что Сашка, которого многие наши знакомые называли Шуриком, уже проснулся. А меня смутил его шлем летчика, натянутый на голове. И я спросил брата:

– Откуда ты взял этот шлем, Шурик? Ты в нем похож на Маресьева, которого сбили фашисты, а самолет рухнул в лесу и повредил при падении ступни ног. А у тебя, Шурка, есть преимущество: одна нога-то у тебя здоровая и крепкая и ты можешь ходить на костылях.

– Ах, Володя, – сморщил лоб брат и снял шлем с головы, – ты представляешь на первом этаже приехал, отслужив на флоте четыре года, сны Костя к двум своим родственникам: к Анне – матери и к Анне – бабушки. Так вот Константин увидел, что на костылях моих, куда я под мышками опираюсь, на моей рубашке уже дырки порвались. Так он оторвал от своей морской тельняшки два рукава, обмотал эти колодки на костылях, чтобы мне легче было ходить.

– Вот это да, – удивился я – и не жалко было Косте свою тельняшку порвать. Ходил бы в своей тельняшке да щеголял перед девчонками. Они моряков любят. Туда же на флот берут только здоровых, очень крепких ребят.

Потом я ему еще так сказал:

– Зачем же ты Костя рукава на тельняшке оборвал?

А он махнул и заявил мне:

– Не беспокойся, Шурик, у меня еще одна тельняшка есть. Так что не переживай, дружок!

Тут мне необходимо, уважаемые читатели, рассказать, что Константин на флоте отслужил по тому времени четыре года, а

сухопутные солдаты служили тогда только три года. И в квартире у Кости проживали Анна-старшая, его бабушка Анна Егоровна, на первом этаже в доме помещика Павловского. Анне Егоровне было около ста лет, а ее муж Антон Станиславович и был тем помещиком Павловским. После Октябрьской революции Антон эмигрировал во Францию, а его жене Анне Егоровне после раскулачивания в своем доме выделили на первом этаже две комнатухи: в одной две Анны, а в другой – сын-моряк Балтийского флота Константин.

Рядом с этими комнатами на первом этаже около самого крыльца, видимо, была у помещика Павловского столовая. Она была огромная, а потому там и разместили столярную мастерскую, чтобы в ней старшеклассники на уроках труда строга́ли, пилили и делали школьные столы и парты. Младшие ребяташки в этой мастерской на фанерке, по шаблону, выпиливали лобзиком забавные фигурки: зайчиков, кота в сапогах, дюймовочку и бабу-ягу в ступе и с метлой.

А на второй этаж вела шикарная лестница. Перила ее были отполированы до блеска руками жильцов, а витиеватые балясины ласкали когда-то глаз помещика Павловского.

И на втором этаже тоже были две огромные комнаты. В дальней жила семья завуча семилетней школы Ираиды Андреевны со своим сыном Сергеем Павловичем. Именно Сергей и преподавал уроки труда ребяташкам в той столярной мастерской на первом этаже.

А в большой комнате на втором этаже жили мы: отец Виктор Александрович, директор школы, да зоотехник и моя мама Вера Михайловна Крайневы. И, разумеется, жили на втором этаже их дети, то есть мы: Шурик, я – Володька, и сестры Люда и Таня.

Виктор Александрович за это время пока мы рождались и росли на втором этаже в той огромной комнате, приобрел приличный костюм и пару красивых рубашек. А вот галстук навязывать не научился. Сколько его моя мама Вера Михайловна не просила купить и носить галстук в школе, он отказывался наотрез.

А Новый год уже был за не порогом. Вот, вот и по радио начнут быть кремлевские куранты. Сергей Павлович тому способствовал. У него были золотые руки. Он на свалке достал старенький радиоприемник, купил в Валдае нужные детали и мог с Ираидой Андреевной слушать передачи из Москвы.

Затем Сергей достал какой-то репродуктор в виде тарелки, по которому может быть Вячеслав Михайлович Молотов объявлял 22 июня 1941 года, что на Советский Союз напала фашистская Германия. И эту тарелку установил он в нашей квартире, сказав моему отцу:

– Виктор Александрович, в этот год вы будете слушать поздравление с Новым годом какого-нибудь диктора из Москвы.

Вот тут-то моя мама и сказала мне:

– Володя, пойдем-ка мы в воскресенье с тобой в лес и срубим там небольшую елочку. Мне одной даже волоком не получится дотащить, а с тобою, ты же сильный мальчишка, доволочем ее до дома.

Я завязал свою фуфайку веревкой на поясе, засунул за нее рукоять топора, и мы пошли с мамой в лес. И хорошо, что метров за пять-шесть около опушки леса мы увидели такую пушистую, не выше двух метров, елочку.

А мама обрадовалась и запела:

– В лесу родилась елочка, в лесу она росла, зимой и летом стройная, зеленая была. Теперь она нарядная на праздник к нам пришла. И много-много радостей детишкам принесла.

Через минут десять мы поволокли по снегу эту елочку. Но когда выволокли ее из леса, я поволок ее один уже проторенной нами с мамой дороге. А мама сказала мне:

– Вот уже и есть у меня помощник. Давай я тебе буду помогать.

Но я с гордостью сказал ей:

– Мне папа сказал, что тебе нельзя не носить, не таскать тяжелого. Воду из колодца я уже ношу для кипятка, а поднимать тебе тяжелое вообще запретил. Ты, мамочка, иди впереди меня по нашему следу, а уж елку то я приволоку без передышки. Мороз крепчает, а нам ее еще нужно и нарядить.

– Так у нас сынок нет никаких игрушек – грустно произнесла мама, а я ее успокоил:

– Ты, мамочка, не переживай! Мне папа сказал, что придет из школы домой и сам займется наряжать ее и меня возьмёт ему помогать. А ты уж приготовь что-нибудь на ужин.

– Ну вот, – сказала мама, – я и дождалась, что у меня помощники появились. Живи и радуйся!

Когда я притащил елочку в квартиру, то увидел, что папа уже приготовил для елочки крестовину и мы с ним установили в нее елку. Затем мы с ним сели за стол, где лежали листы бумаги покрашенные красными, фиолетовыми и зелеными чернилами. Но были около цветной бумаги и белые, белоснежные листочки.

– Володя, – сказал мне папа – бери ножницы и режь ими цветные листки на полоски. Мы сделаем из них цепочки, флажки и повесим их на елочку.

– А белые то листы для чего? – спросил я отца, а он мне сказал:

– Да, чтобы елка была наряжена четырьмя цветными гирляндами и флажками. Пусть Саша клеит эти флажки и гирлянды, а мы с тобой будем их развешивать.

Когда елочка стала нарядной и пригожей отец шепнул мне на ухо:

– Пока вы по лесу с мамой ходили, я тут сделал из картона пятиконечную звезду пустой внутри. Я купил батарейку для фонарика и мы прикрепим два проводочка к маленькой лампочке накаливания. Закрепим звезду на самой макушке и: «Гори, гори ясно, чтобы не погасло».

– Вот здорово, – радовался я. А когда папа подключил звезду к батарейке, то я увидел с двух сторон звезды цифры – 1955 год!

– Да, да, – восторгался я, – наступает тысяча девятьсот пятьдесят пятый год.

Вскоре папа и мама легли спать и заснули. А Шурик натянул на голову «Маресьевский» шлем и подполз на животе к крестовине и шепотом сказал мне:

– Вовка-морковка, спереди винтовка, а в руках барабан: как вдарим по всем сторонам!

Я ему тоже прошептал:

– Папа проснется, да как оттянет солдатским ремнем по заднице, так ты ужом завьешься под елочкой. Но все-таки немного ее красавицу подвигаем туда, сюда, обратно и пойдем с тобой спать.

Забегая вперед скажу, что Новый год мы хорошо отпраздновали. И на следующий год под Новый год елочку также нарядили. А когда папа включил лампочку, то посередине пятиконечной звезды загорелась цифра – 1956 год.

– Вот какой умница наш папа! – восторгался я. – Он всего-то сделал фокус-покус: провел у пятерки только одну черточку вниз, соединив внизу завитушку с палочкой и получилась «шестерка». Только через год на конце шестерку уже не переделаешь в семерку.

Но уже в 1957 году елку в нашем доме не поставили. Но я несколько не жалел об этом.

А вот в 1953 году, в начале марта, когда мне 4 февраля исполнилось шесть лет и я еще не ходил в школу, мама и папа повели меня в школьный спортзал. Там уже было много и взрослых, и ребятишек-школьников и зал гудел как улей.

По радио директор сообщил, что в эту ночь умер вождь нашей страны Иосиф Виссарионович Сталин.

Я оглядывался по сторонам и увидел, что по щекам моего отца и матери тоже катятся слезы. А мама верила в Бога уже тогда. Хотя папа слыл коммунистом и не верил ни в Бога, ни в черта. Мама мне шепнула на ушко:

– Сталин святой человек. Если бы он не разгромило фашистов. То были бы мы с папой рабами, а вас бы и на свете то не было!

Я от горечи маминой и сам заплакал, но не навзрыд, как некоторые мамы подруги. Слезы катились у меня по лицу, от того, как же мы будем жить дальше без Сталина.

Вскоре мы узнали, что тело Сталина положили в Мавзолей на Красной площади, где уже много лет лежал Ленин.

Теперь на Мавзолее появилась и вторая надпись: Сталин. А я услышал, что Хрущев, заменивший Сталина, объявил Берия, который был правой рукой нашего вождя, врагом народа. Но я еще до этой новости слышал вот такое: «Товарищ Берия вышел из доверия. А товарищ Маленков надавал ему пинков. Не хотел он жить в Кремле, а теперь лежит в земле». Хотя, когда я вырос, то слышал от бывшего зека вот такую песенку:

– Отец наш – Ленин, а мать – Надежда Крупская! Наш старый дедушка Калинин Михаил. Мы жили весело в Москве на Красной площади, к нам дядька Сталин часто в гости приходил.

На этом месте зек сделал паузу и благодная картина этого куплета превратилась в лютую ненависть к советской власти:

– Долой нарком и совнарком и власть советскую! Долой

ЦКВКПБ большевиков. А мы надеемся на силу молодецкую и никогда не буду я носить оков.

Вот тогда-то я и понял, что люди то в нашей стране живут очень разные. И никакой благодной картины маслом Репина не существует.

Глава: Мои друзья детства.

Летом к нашей соседке тете Ньюше из Питера, когда я еще не учился в школе, приезжала родственница Мария Ивановна со своими детьми: Славка Попков и его двоюродный брат из Одессы славка Токарь.

Тетя Ньюша была добрая и щедрая женщина и Марию Ивановну принимала с радостью. А вот судьба над тетей Ньюшей поиздевалась. Ньюша была дояркой на ферме и доила там коров. Однажды ночью ферма загорелась. Скорее всего это был умышленный поджог из «врагов» народа, а может быть это сделали хулиганы. Ньюша бросилась в коровник и стала выгонять коров на улицу. Когда она выгнала на улицу всех своих коровушек, то поднялся сильный ветер и языки пламени пожара опалили красивое лицо тети Ньюши. Но ожоги на лице Ньюши изувечили ее красивую внешность. И она осталась бобылкой на всю оставшуюся жизнь. Хотя и говорится в народной поговорке: «С лица нам не пить!» Но на Ньюшу никто из мужчин села Семеновщина не женился.

А Ньюша двух своих Славков и Марию Ивановну благоворила. Пекла в печке пироги такие вкусные, про которые Славка Попков говорил:

– Такие вкусные – пальчики оближешь!

А Славка Токарь, он приезжал из Одессы сначала в Питер к Марии Ивановне, а потом уже всей своей гвардией приезжали в Валдайский край в село Семеновщина есть блинчики, не только пирожки. А Попков есть блины брезговал и говорил:

- Блинами то все руки и физиономию так извазюкаю, что отмывать мордашку целый день придется. Вот Токарь-пекарь, инженер, кислая капуста сколько не дай ему блинов и пирогов, все до крошечки слопает!

К тому же щедрость у Славки Попкова была безразмерна. Он, отведав пирожков, брал парочку, а то и три себе про запас и говорил:

– Тетя Ньюша, я подольше погуляю на улице, а когда проголодаюсь, то эти пирожки и съем. Пока же наелся вот так.

И Славка-старший проводил пальцем по подбородку. Тетя Ньюша догадывалась, что Попков Слава эти пирожки взял для меня. Но громко говорила:

– Проголодаешься и подкрепишься пирожками. Они же такие вкусные.

Но Славка эти пирожки нес для меня и торжественно вручал мне:

– Голодное брюхо к учению глухо. А ты на пятерки учишься. Так хоть летом поешь до отвала.

Я всегда хотел поест пирожки не торопясь, но они были такими вкусными или я был таким голодным, что всегда не жевал, а почти целиком их проглатывал.

Славка Попков грустно смотрел на меня и говорил:

– Володя, ну куда же ты так спешишь, как на пожар. Ешь и пережевывай пироги спокойно.

А я кивал головой и мычал, бормотал что-то невразумительное:

– Мычу-чу-чу!

А Славка, пожимая плечами мне отвечал:

– Понял, Вовка, понял, чем старик старуху донял.

Когда я, проглотив все пирожки, запоздала спрашивал:

– Так чем же старик старуху то донял?

Слава первый отвечал:

– Подрастешь, Володя, и поймешь. А пока сходим-ка мы на Барсуки...

Тут я оборвал Славку, сказав:

– Так земляника уже отошла, а малина еще не поспела, зеленая.

А он сказал:

– У Сереги Казакова есть винтовка, а патроны к ней подходят только русские. На Барсуках у подножия есть немецкие патроны, а русских нет. Но он плохо искал их. И русских патронов можно много отыскать. Так за пять русских патронов Серега дает мне

выстрелить из винтовки в заросли ольхи один разик. Насобираешь пять патронов и тебе разрешит выстрелить.

Патроны со Славкой Попковым мы разыскали и хотели уже уходить домой, как он предложил:

– Володя, давай-ка заглянем на другой склон горы. Может быть и там патрончики отыщем.

Я возразил:

– Окопы были открыты на этой стороне потому что немцы шли лавиной на восток. На западной стороне мы с тобой ничего не отыщем.

– Как сказать – усомнился Слава. – И на «е» бывает и на «ё» бывает. Поглядим для очистки совести и на западную сторону Барсуков. Согласен?

Мне пришлось ответить:

– Я не Вася и на все согласен. Подымимся на вершину и прогуляемся с другой стороны Барсуков.

Мы лихо забрались на вершину, перебрались на западный склон и увидели снаряд. А Слава сказал:

– Видимо у наших бойцов была пушка-сорокапятка. Так она стояла на вершине Барсуков, а снаряды лежали на западном склоне. Вот один снаряд и остался здесь когда отбили атаку фашистов. Давай, Володя, шандарахнем мы его вон об тот валун с макушки Барсуков и сразу же, не дожидаясь взрыва скроится на восточной стороне.

Сказано – сделано. Мы проделали эту работу, но... снаряд не взорвался.

– Наверное в снаряде порох или динамит отсырел – почесав затылок произнес Слава и добавил:

– Спички у меня есть. Давай разведем под снарядом костёрчик.

– Давай – кратко ответил я и мы, насобирав хворост, развели костер.

Эх, знал бы Вахтанг Кикабидзе, что Слава задолго до него произнес такие слова: «Вот и встретились два одиночества, развели у дороги костер. А костер разгораться не хочется... Вот и весь разговор.»

Костерок под снарядом не хотел разгораться. Видимо хворост был сыроват. И мы стали собирать сухие, сухие и тонюсенькие

хворостинки. Пламя, нехотя разгорелось, а костерок затрещал, зашелкал и стал облизывать сучья и покрупнее. Мы же залегли на другой стороне холма. Взрыва же как не было, так и не было. Мы вылезли со Славкой из засады и подошли к снаряду. Слава плюнул на снаряд и он зашипел как гадюка, которой кто-то наступил неосторожно на хвост.

– Ишь ты, огрызается – хмыкнул Славик и предложил:

– Володя, давай мы его подымим с двух сторон, раскатаем на раз, два, три, четыре, а на счете пять как долбанем головкой снаряда по валуну. Авось и взорвется. А мы, бросив снаряд, спрячемся на другом склоне.

– Попробуем и пойдем восвояси. Потому что я нашел уже штык от винтовки. И буду я теперь ходить с холодным оружием.

– Володя, не советую! – покачал головой Слава. – Милиционер узнает и все равно отберет у тебя штык от винтовки Мосина.

Я отмахнулся от Славкиного совета, как от надоедливой мухи и сказал:

– Поднимаем снаряд, а ты, как главный артиллерист, веди счет.

Мы так и сделали. Поэтому успели, сбросив снаряд на валун, отпрыгнуть на другую сторону холма.

Оглушительный взрыв не только прозвучал, а взметнул вверх груды земли. Долетели комья земли и до наших спин. Поэтому они занемели от страха. А если бы мы не успели отскочить вовремя до взрыва, то осколки снаряда превратили бы наши тела в решето.

На другой день мы со Славой сходили на кладбище, где были захоронены родственники Марии Ивановны. Он насобирал букет полевых цветов, и мы положили этот букет на могиле Славкиных родственников.

На обратном пути мы заглянули в изувеченную церковь. Купала на ней отсутствовали, как и крест. Внутри же ее когда-то были насыпаны удобрения, а без кровли они отсырели. Их как-то сумели вывести на поля. Так на полу церкви даже от этих удобрений трава не росла. Зато Славка увидел на обратном пути выросшую березку на стене обезглавленной церкви и сказал:

– Вот какая жизнестойкая березка. На кирпичной стене выросла. Хоть и хилая, но какая же она живучая!

Потом я написал об этом стихотворение. Но это было потом.

А тогда я, посмотрев на выщербленные кирпичи на стене церкви, высказался:

– Я смогу забраться по стене на верхотуру и там есть внутри стен купола площадка. С нее все наше село видно, как на ладони. В куполе есть металлическая балка, на которой и висел колокол. Тогда если на этой балке привязать веревку, то всем нашим друзьям можно забраться на площадку по веревке и любоваться красотой нашей Семеновщины. У Славки даже глаза загорелись от восторга и желания посмотреть с высоты птичьего полета нашу Семеновщину. И он согласился на мою авантюру.

– Если ты не боишься без страховки забраться на эту площадку, где висел колокол, можешь лезть. Лично я туда не полезу...

Я обошел вокруг церкви и внимательно искал где на церковной стене каменщики сложили кирпичи чуть-чуть под наклоном внутрь храма, а штукатурка от дождей и ветром отмокла и обвалилась вниз на землю.

– Была не была! – подумал я и снял свои вдребезги изношенные ботинки, которые, открыв рты, просили кашу. – Так я с веревкой, которую прикрепил на левом плече под мышкой и полезу на верхотуру. Потом завяжу веревку на балке, где когда-то висел колокол, а Славка и его брат залезут тоже на колокольную площадку. Вот и посмотрим на свое село с птичьего полета.

Тогда я, разумеется, не верил ни в Бога, ни в черта. Но к маме заходили богомольные женщины и вели задушевные беседы пока мой отец преподавал уроки старшекласникам, а потом проверял тетради по русскому языку и литературе. И эти богомольные женщины, намного старше моей мамы, расспрашивали ее как поступить по-божески в той или иной житейской ситуации. Одна из них принесла даже чекушку водки, сделала пару глотков спиртного и даже не поморщилась. Но зато запела: «Стаканчики граненые упали со стола. Упали разбились – разбилась жизнь моя».

Но их посиделки меня не интересовали. Но все-таки потом я подумал, что кто-то свыше мне помог залезть на церковь и не сорваться со стены.

Я перелез через разломанную стенку на площадку, хотя таких дырок в этой стене было достаточно, я завязал веревку на балке и спустил веревочный хвост до пола. Оба Славки полезли по веревке, как юнги на парусном корабле, радостные и счастливые. Ах, как

они радовались, осматривая наше село. Ведь вся Семеновщина была как на ладони. Разумеется, мы осмотрели с другой стороны и кладбище. А Славка-старший стал рассказывать нам, он был старше нас на два года, как по ночам вурдалаки приходят на это кладбище, разрывают могилы и обгрызают останки людской плоти, которая осталась еще на костях. Обьевшись мертвечиной, вурдалаки воют, как лесные волки, которые хотят встретиться с волчицей.

Я не верил в эти небылицы, а Славка-младший, когда начало смеряться, но солнышко еще не закатилось за горизонт, сказал своему старшему двоюродному брату:

– Слава, а не пора ли нам пора, что мы делали вчера?

Старший спросил его:

– А что мы с тобой Славик вчера делали?

– Как что, бабушка Нюша на ужин испекла оладьи и мы их ели со сметаной, запивая сладким чаем.

Тогда я сказал им:

– Давайте спускайтесь по веревке, а я развяжу узел на балке и сброшу веревку вниз.

– А как же спустишься ты, Володя, с колокольни? – спросил меня Слава-старший.

– Как залез, так и слезу! – пожал я плечами. И они быстренько спустились на церковный пол.

Но когда я начал спускаться вниз, то испугался. Я не мог нащупать пальцами ноги тех выбоин, которыми ловко цеплялся руками.

Вот тут-то я и ощутил страх:

– Брякнусь с такой высоты и моих костей не соберут.

Ловко и быстро я опять очутился на площадке и крикнул:

– Ребята, мне трудно спуститься вниз. Я не могу нащупать выбитые на стене кирпичи. Когда залезал на верх, то все видел. А тут... Глаз на спине у меня нет.

Даже старший Славка удивился и огорчился:

– Так как же мне теперь быть. У нас вертолета нет.

– Слава – обратился я к Попкову, – ты сбегай домой с веревкой и возьми еще одну такую же длинную. Свяжи их вместе, а на один конец привяжи какую-нибудь тяжелую железяку. Швырнешь мне ее и получится у тебя в руках два конца длинной верев-

ки. Тогда я за полминуты спущусь на пол церкви.

– Молодец, Володька, – обрадовался Слава, – мы сейчас мигом добежим до дома и вернемся минут через двадцать...

Я ждал двадцать минут. Но ни тот Славка, ни другой так и не появились. Не пришли они даже не через час, два, три, пять, шесть. После шести часов я услышал с колокольни мычание коров. Они стремились уйти в поле на зеленую траву-мураву. Не зря же говорят в народе: «У коровы молоко на языке». Хозяйка Славок, видимо, тоже погнала свою коровушку под опеку пастуха и подпасков, а они-то этот момент и поджидали, и появились у меня в церкви. Слава Попков покрутил над своей головой веревку с камнем на одном конце и метнул в мою сторону и попал в самый центр проема на высоте, как говорят в «яблочко» про мишень. Через минуту я уже был на церковном полу. Слава-старший мне повинулся:

– Ты уж прости меня, Володя. Но наша бабушка не хотела и слышать от нас, что мы опять куда-то уйдем.

– Ладно, проехали – ответил я, – старших надо уважать! Бегите к себе домой, а мне придется объясняться с мамой или папой. А мне и так мерещились мертвецы в белых саванах. Папа уже ушел в школу, ну а маме не привыкать к моей отлучке. Она подумала, что я с Серегой Казаковым в ночное поехал.

Когда я уже подошел к крыльцу нашего дома, то утренний туман уже стелился по земле. И, о, ужас! На крыльце было какое-то привидение в белом балахоне. Тут я вспомнил, что наш сосед из другого дома любил, подпив рюмочку, а может быть и стопочку водки, спеть тихую песню, которую любили и его товарищи-забуддыги.

– Ему мерещится, что водка плещется, закуска бегаёт вокруг стола.

И я снял солдатский поясной ремень с тяжелой латунной пряжкой и приготовился хлестануть по башке это привидение. Но или мои глаза стали поострее видеть, или туман исчезал от солнечных лучей, но я увидел это привидение.

– Это моя мама вывесила исподнюю белую рубашку посушиться на веревке между двумя кронштейнами, которые подпирала как атланты на Эрмитаже в Питере, жестяную кровлю над нашим крыльцом.

Я тихонько открыл дверь в нашу квартиру и улегся на свой сундук, на котором лежал мой тонюсенький матрасик.

А Слава Попков зашел ко мне с новой идеей, когда мы с ним отдохнули каждый у себя дома.

– Володя, наша речка Поповка хоть и мелководна, но холодная. А все-таки там в воде кое-какие рыбешки водятся: одних я называю малявки, они бело-серебристые, а другие – усачи, похожие на сомов, но только вырастают чуть больше моей ладошки. Вот мы такую уху сварим, что никто из нас не отведал такой вкуснятины.

– Да, Слава, – ответил я, – будем мы руками около камней малявок и усачей ловить долго. Так за это время они на солнце-пеке и завоняют.

Меня Славка успокоил:

– Наша речка Поповка, наверное, в честь меня названа. Ведь моя фамилия же Попков. Поэтому я у бабушки своей взял трехлитровую стеклянную банку. Нальем туда речной воды и будем рыбешек туда бросать. Это банка на крыльце уже стоит. Пошли?

– Пошли! – ответил я бодренько. Банку мы поставили на берегу, а рыбешек стали ловить у прибрежной осоки. На стремнине речки этих юрких рыбешек не поймаете. Через час мы с ним наловили больше половины малявок и усачей. Когда я бросил в банку очередного крупненького усача, то похвастался:

– Да, нам сегодня столько ухи и не съесть. Посмотри сколько рыбы то мы поймали.

Чтобы Славки было видней наш улов, я ступил на большой валун, который бугрился над водой и... Камень то был мокрый и скользкий и я на нем поскользнулся, а банка вырвалась из моих руки с глухим стуком, ударившись об этот валун, вдребезги разбилась.

Славка остолбенел, да и мне было весьма неприятно. Но когда Попков оголтело рявкнул:

– Да, что же ты натворил, падла!

Тоя не стал дожидаться, когда он набросится на меня с кулаками, а бросился бежать куда глаза глядят. Но бросился то бежать не от страха, а от чувства вины перед Попковым.

Моих сестренек, инвалид Сашка не в счет, Люду и Татьяну пацаны старше меня обижали.

Но услышав их плач и причитания: «Вовка, меня обижают! И меня тоже за волосы дергают!»

Я тут же бросился на обидчиков. Но они были переростки, в войну то они не учились в школе, была оккупация фашистов, вот и стали хулиганами.

Поэтому они могли и ударить меня. Но плач девочек, не позволял сдаваться на милость победителей. Когда они ринулись на меня, то я прижался спиной к поленнице дров и березовые «снаряды» полетели в сторону хулиганов.

Их самый старший, махнув рукой, высказался:

– А, ну его в баню, ребята. он как псих сумасшедший, может нам поленом и по башке звездануть.

Но, уважаемые читатели, вернемся как мне пришлось пережить целую ночь на площадке для колокола в разбитой церкви.

Повзрослев, я написал про этот эпизод чуть позже, стихотворение:

Разбита церковь, нет к ней веры.
Уж до войны как без креста!
Уж до войны... Начало Эры,
Как с дня Рождения Христа.

А я родился в новой эре
Мои сестренки и два брата
Ночами бредят хлебом серым,
Рот открывая как галчата.

Большой ломоть ржаного хлеба
Посыпан круто, крупной солью
Такого вкусного обеда
Во сне... Я больше не попомню.

Теперь «кирпичики»-буханки
Батоны, булки, караваи
У магазина перебранка,
Чтоб дверь быстрее открывали

Но хлеб поштучно не давали,
А измеряли точный вес!
В какие ж дебри я и дали
Своею памятью залез?

Большой ломоть ржаного хлеба
Посыпан круто крупной солью,
Мне в сердце отозвался болью
Не надо больше Новой Эры!

Слава Попков пришел ко мне на следующий день и свисну на заходе в коридор под моими окнами. И мне вспомнилась одна песенка:

Убегаю наутек. Убегаю наутек,
Все, все было, как будто вчера.
А закадычный мой дружок,
И по имени Витек
И свистит и свистит со двора...

Я спустился на улицу и увидел, что мои сестрички Люся и Таня играют в классики, а Славка смотрит на них. Увидев меня, он сказал:

– Ну, что, великий воин Албании Скондербек! Мирись, мирись и больше не дерись!

А я ему ответил:

– Мы мирные люди, а наш бронепоезд стоит на запасном пути. Давай поиграем с Люсей и Таней в классики?

– Предложение неплохое! – одобрил Слава. – Но раз ты предложил и начинай играть.

Люда и Таня сразу же заговорили: «А ну ка попробуй, попробуй пройти, зажмурив глаза, по клеточкам. Но только не подсматривай и не заступай на черту.

У классиков было начертано сначала три первых квадрата и нужно было не наступать на их границу. Затем на прилепившиеся еще два квадрата нужно было ступить на них двумя ногами, а потом в один. После, если путь был пройден не наступив черту, стать двумя ногами опять же в два квадрата и тогда только открыть глаза.

Я начал шагать по квадратам, выкрикивая:

– Мак! – услышав, что никто из девочек не произнес: «Дурак!», снова сделал шаг, потом еще. И когда мне было нужно шагнуть на последние два спаренных квадрата, то услышал радостный визг Тани и Люси, которые заметили, что я наступил на черту одного из двух квадратов.

– Дурак! Дурак, дурак...

А когда мои сестры стали уговаривать пройти путь по квадратам, то Слава тут же отказался:

– Я не хочу Люся и Таня, чтобы вы мне сказали при моей ошибке «Дурак ты, Слава, и уши у тебя холодные!»

Затем Слава повернулся ко мне и сказал:

– Вечером в сельском клубе будут показывать кинофильм «Свадьба с приданным». Ты пойдешь?

– Конечно же пойду. А сколько стоит билет? – произнес я, а он ответил: «Взрослым двадцать копеек, а детям пять.»

– Хорошо, – согласился я – за пять минут до начала кино буду там как штык. Но ты меня не поджидай, а садись на первую скамейку. Она для детей, чтобы взрослым можно смотреть было на экран, не задирая голов.

А у меня в кармане не было ни копейки. Поэтому я потолкался в толпе взрослых, у которых были на руках билеты, и когда один широкоплечий мужчина стал подавать контролеру взрослый билет, я пригнулся и шмыгнул сразу, не раздумывая, в зрительный зал. Но сел не на первую скамейку, а между рядов для взрослых. А когда фильм начался, я ползком пробрался до первой скамейки и лег у ног ребятни. Экран был мне виден и я наслаждался артистом Кулоглиным, который пел красивым голосом песню: «Хвастать милая не стану, знаю сам, что говорю... С неба звездочку достану и на память подарю. А про новую рубаху и костюм, что в праздник сшил, мне районный парикмахер комплименты говорил».

Но героиня фильма не обращала внимание на хвастуна. Ей нравился другой мужчина и они в финале и сыграли свадьбу. А приданным жениху и невесте стала настоящая любовь. Но малыши это не понимали и, увидев, что мальчик дружит с девочкой, орали:

– Тили-тили тесто, жених и невеста!

Прикоснулся я к искусству и в школе. Там старшеклассники ставили спектакль бесплатно для любого школьника. Славка уже уехал в Питер, а мне удалось посмотреть и эту пьесу. Сюжет был завораживающий. В Великую Отечественную войну оказывается многие ребята попали в концлагеря. Среди них был и негр. А когда война закончилась, то эти ребята оказались в зоне американского влияния. Конечно же американцы кормили всех белых детей в их столовой, а негров они презирали. Но где же в Семенов-

щине разыскать негра? Вот кудрявого мальчика с черными волосами гримеры окрасили сажей лицо Константину.

Весь зал возмутился, когда «американец» ткнул голову Кости в миску манной каши, испачкав все лицо «негра».

На переменах в школе мы забегали с одноклассниками в спортзал и, став в шеренгу по пять-шесть человек с огромным разрывом, нагибали спину. Самый последний мальчишка лихо разбежался, опирался на лопатки переднего, перепрыгнув через него, делал новый разбег пока не перепрыгнет всю эту шеренгу.

Но если кто-то из них застревал на спине другого мальчишки, то тут же усаживался на скамейку запасных, играющих в этом спортзале старшеклассников в волейбол.

Я хоть ростом был чуть ниже других моих одноклассников, но умел играть в «кенгуру» лучше их. И они удивлялись моей прыгучести. Но однажды в спортзал забежали два переростка-хулигана, которые учились другом классе и один из них стал перепрыгивать через нашу «кенгуру», а когда запрыгнул на мою спину, то не стал прыгать дальше, а уселся на меня, как на лошадь и стал орать:

– Вези меня извозчик по ровной мостовой.

Мне удалось выскользнуть из-под «седока», и он плюхнулся своим толстым задом на деревянный пол.

Ах, как он возмутился и стал лупить меня, пока у меня не потекла кровь из носа. «Здоровячек» тут же со своими друзьями убежали из спортзала.

Перемена была большая и я решил искать справедливость у своего отца и зашел в его кабинет.

– Это что такое? Явление Христа к народу?

Я вкратце рассказал о хулигане, а он перестал улыбаться, подумав, что я упал случайно на пол и разбил себе нос. И, встав из-за стола, взял меня за плечи и вывел меня из своего кабинета. Напоследок он сказал мне фразу, которую я запомнил на всю мою оставшуюся жизнь:

– Володя, ты не ябедничай, а научись защищать себя см.

Но следующее событие в нашей жизни затмило все мои прошлые переживания. Мой отец вызвал к себе вечером мать «здоровяка». Да не одну, а вместе с хулиганистым сыном. Конечно же я об этом не знал, но правда жизни всегда всплывает даже через многие годы. Звали мать хулигана необычно – Акулина. А среди

народа это русское имечко было на слуху и даже песенка была такая: «Светит месяц, светит ясный, светит полная луна! А Марья, Дарья, Акулина танцевать пришли сюда!»

Но Акулина уже поняла для чего ее вызывает директор школы и пришла не одна, а со своим отпрыском. А в руках ее были вожжи от лошади.

– Виктор Александрович, – рухнула на колени Акулина, – я то уже знаю, что мой Антошка натворил и выпорю его сейчас как сидорову козу!

Отец увидел, как Антон вжал голову в свои могучие и крепкие плечи, ожидая экзекуцию. Папа сказал:

– Уважаемая Акулина Петровна, я вызвал вас двоих не по библейскому принципу: око за око, зуб за зуб. А я же знаю, что вы глубоко верующая женщина. Поэтому прошу вас сменить гнев на милость. А дома прочтите десять заповедей божьих. Пусть он остался без отца, но распоясываться и бить детей, которые не дадут ему сдачу, нехорошо.

Акулина все-таки хлопнула сына ладошкой по спине и сказала директору школы:

– Спасибо вам, Виктор Александрович, за науку. Говорят, что Вера Михайловна родила пятого ребенка. И уже после двух девочек третий – мальчик. Это очень хорошо. Так что вы не только умный человек, но стараетесь пополнить свою семью.

– Вы знаете, Акулина Петровна, что я прошел во время войны огонь, воду и медные трубы. Но из моих боевых друзей за эту ужасную войну осталось только два человека, а все остальные погибли. Многие погибли даже на моих глазах. Так теперь мне просто необходимо восполнять наше население.

– И то правда – всхлипнула Акулина и, достав из кармана жакета носовой платочек, вытерла слезы. – А вот моего мужа и убили на этой подлой и жестокой войне. Вот я и воспитываю и рощу своего оболтуса, чтобы хотя бы он смог мне помогать в старости. А ведь сколько же после войны осталось вдов?!

Они ушли, а Антон взял свою маму под ручку, а вожжи забрал от своей мамы в другую руку. Хотя и понимал, что за вожжи она схватилась от своего бессилия.

После уроков мы играли в лапту. Наше четыре урока в младших классах пролетали быстро и Елизавета Александровна Казакова

оставалась в классе, чтобы подготовиться к следующим занятиям и проверить тетради. Поэтому мы напротив двухэтажных зданий: одно для четырехклассников, а второе – трехклассников семилетней школы и играли в лапту. Разбивались на две команды: одна становится на черту, где нужно при подаче мячика вверх так ударить по нему, чтобы он летел не только вверх, а по большой траектории к следующей черте. Ударивший по мячику палкой бежал, петляя как заяц, на которого натравили собак. А игроки второй команды пытались поймать резиновый мячик хоть как-то руками. Вот тут-то игрок второй команды и пытался «засолить» бегуна из первой команды, то есть попасть в него мячиком.

Я же несся не только сломя голову до второй черты, но мячик, по законам скоростей, все же летел быстрее меня. И поймавший игрок бежал ко мне наперерез, чтобы попасть в эту живую мишень.

Чаще всего я уворачивался от брошенного в меня мячика. Многие мне говорили: «Везет же дуракам и пьяницам». Хотя не был ни тем, ни другим. Но бывало и находился в другой команде меткий «стрелок» и я, склонял голову понимая, что подвел своих игроков, шел водить. Так и шла азартная игра.

Но однажды заядлый «лаптежник», который был ловчее и взрослее нас, так хлестанул по мячику, что он полетел выше крыши двухэтажной школы и запрыгал там по жестяной кровле. Игроки подбежали к школьному зданию, надеясь поймать его внизу. Но мячик застрял на жестяной кровле у бортика ливнесточка около воронки ливнесточка. Вот когда и пригодился для своей команды я. Меня старшеклассники спросили, а вернее попросили:

– Володя, ты самый легонький и шустрый парнишка. Залезь на чердак и вылез в слуховое окно на крушу. А потом не рискуй, а ползком по-пластунски подползи к ливнесточку и брось мячик с крыши нам.

Я сделал все, как меня попросили мои друзья, но не совсем так, как я думал. Как говорил баснеписец Иван Андреевич Крылов: «От радости в зобу дыханье сперло». И я запнулся левой ногой за гребень жестяной крыши. И хорошо, что я еще был легоньким и у самого края крыши меня задержал этот желоб ливнесточка. Мячик-то я тут же с кровли сбросил, а потом тихонько, не торопясь пополз вверх по скату и вылез на чердак в слуховое окно. Игра

уже продолжалась, когда я пришел к своей команде. Моего дублера тут же выставили на запасную скамейку.

Оно и правильно. Хотя и говорят: «Риск – благородное дело!» Но у меня долго-долго бежали мурашки по моей коже. И все же я больше обращался к фразе Максима Горького: «Безумству храбрых – поем мы славу!»

Папа дружил со своими коллегами-учителями, которые преподавали, Марией Алексеевной – преподавателем математики и геометрии, и ее мужем Евгением Яковлевичем Жемчужниковым, преподавателем зоологии и биологии. Но злые языки говорил, что Евгений Яковлевич был сыном священника, а потому раз отец его был попом, то речку нашу и назвали Поповкой. Разумеется, это бред сивой кобылы, но ведь и Слава – старший был Попков. А у него и отца то не было. Он умер очень рано и Славу воспитывала интеллигентная женщина одна, без всяких нянек и мамок.

Но вернемся к Жемчужниковым. Под Новый год, или под старый Новый год, точнее сказать не могу, они пригласили меня, Таню и Люду на этот праздник. Но не на вечер, а днем. Разумеется, был у них и папа.

Моя мама родила недавно еще одного сына, которого она назвала Васей, Васильком, Василием. Ведь ее отец Михаил Васильевич Котов воевал еще в Первую мировую империалистическую войну. И участвовал в атаке «мертвецов». Когда немцы применили, чтобы выкурить российских солдат, ядовитый газ. Он и отравил свои легкие. Вот в честь деда своего Вера Михайловна Крайнева и назвала своего пятого ребенка мальчика – Васей.

Я даже помню, когда ее папа привел домой из роддома. А мама развернула, распеленала Васю и с удивлением в голосе произнесла:

– Ой, так он же рыженький, как я!

Я спросил маму:

– А разве ты рыженькой была?

А мама засмеялась и сказала:

– Была, была. Но потом, с возрастом, стала темнорусой. Но золотистые искорки нет, нет, да и промелькнут.

Но вернемся на встречу Нового года. Евгений Яковлевич предоставил своей жене Марии Алексеевне провести праздник, а сам ушел с папой в дружную комнату, сказав:

– Ребятки, вы уж извините меня, но я хочу переговорить с вашим отцом Виктором Александровичем о профессиональных вопросах. А вами займется моя жена Мария Алексеевна.

Мария Алексеевна решила в первую очередь нас накормить. Она испекла вкусные сочные пирожки с капустой, творогом и повидлом. Налила по фаянсовым чашкам ароматный и вкусный чай и сказала: «Садитесь, дорогие гости, за столик и кушайте на здоровье!» Мы ошалели от такого роскошного угощения.

– Вот это да, – думал я, – какие тут красивые чашки для чая, да ложечки сахар размешивать. Наверняка серебрянные. А от аромата пирогов у меня даже голова закружилась. Как в русской сказке: «Ты сначала напои, накорми, а потом уж говори и расспрашивай!»

И тут я спохватился:

– Пока витал в облаках, Таня и Люда уже уплетают такие вкусные пирожки за обе щеки. Надо и мне попробовать.

А Мария Алексеевна смотрела на нас, а в глазах ее я увидел, как заблестели слезы. И она аккуратно промокнула их кружевным платочком.

После того, когда мы уничтожили все пирожки на блюде, наша хозяйка предложила:

– Итак, я хочу, чтобы вы выступили с каким-нибудь стихотворением под елочкой. Володя пусть выступит после своих сестренок. А первой будет выступать старшая сестра Люда. Какое ты расскажешь стихотворение?

Люда смело подошла к елочке, где мигали лампочки красным, синим и зеленым светом, и прочитала стих: «Наша Таня громко плачет – уронила в речку мячик. Тихо, Танечка не плачь! Не утонет в речке мяч».

Мы с Таней похлопали, и я ей сказал:

– Таня и ты не ударь в грязь лицом. Прочитай стихотворение, чтобы все слова четко звучали.

– Не беспокойся, Володька, я выучила одно такое бойкое стихотворение, что все обрадуются.

Затем Таня подошла к елочке и стала декламировать:

– Меня маменька родила, думала – красивая! Развернула, посмотрела, как кобыла сивая.

Мария Алексеевна заулыбалась, засмеялась и захлопала в

ладоши:

– Bravo, Танечка, бис, бис.

Затем подошла к вазочке и дала Люде и Тане по конфетке с красивым фантиком.

– А что ты прочитаешь нам, Володя? – спросила меня хозяйка праздника.

Я подошел к елочке и прочитал:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубой
Что ищет он стране далекой?
Что кинул он в краю родном?

Играют волны – ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы, он счастья не ищем,
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бури есть покой.

Наступила тишина. Люда и Таня тоже не отреагировали никак, а молча дожидались, что же скажет Мария Алексеевна. Но она обратилась не к ним, к ко мне и спросила:

– А кто же написал, Володя, это стихотворение? Ведь в третьем классе, в котором ты учишься, еще не проходят.

Я, не задумываясь, ответил:

– Это стихотворение написал поэт Михаил Юрьевич Лермонтов. А читать научился я, когда мне было всего шесть лет. Моя мама тогда дала мне букварь и помогала мне писать и читать. А когда я научился читать, то меня потрясло стихотворение Лермонтова «Бородино».

– А ты сам то, если научился читать и писать в шесть лет, то в свои годы ты не пробовал написать какое-нибудь стихотворение? – спросила меня Мария Алексеевна.

– Я не пытался, но обязательно попробую когда-нибудь сочинить стихотворение.

И свое слово я сдержал. Когда мне исполнилось двенадцать или тринадцать лет, то я написал:

Облака, белее снега
Путешествуют по небу
Небо, чисто голубое
Отражается рекою.

Серебристая река
По камням журчит тихонько
Да в глубоких омутах
Кружит листья беспокойно...

Вдруг вспенилась гладь реки
И вихрастые мальчишки
Понеслись вперегонки
Поднимая с шумом брызги.

И опять на речке тишь,
Только ветер озорной
Молча гнет сухой камыш
Над притихшею рекой.

После мы к Жемчужниковым ни разу не приходили в гости. Да и пока не было времени ходить по гостям. После уроков уходил гулять на улицу, а потом ложился на свой сундук и засыпал крепко-крепко. Вернувшись домой с улицы, я видел, что мой отец сидит за столом и проверяет тетради старшеклассников. Их литературные сочинения, исправляя ошибки сочинителей. Осенью и зимой рано темнело, и он зажигал керосиновую лампу с «пузырым» стеклом около фитиля с пламенем, а чтобы лампа не чадила это стекло после пузыря поднималось вверх трубочкой в диаметре два с половиной – три сантиметра.

Спал я чутко: кашляет отец или тихонько скажет себе под нос: «Эх, Ваня, Ваня, сколько же у тебя ошибок-то. Когда же ты будешь обходиться без них?».

Он заботился и обо мне. На стекло лампы он одевал лист бумаги, вырезав по середине отверстие ножницами. Делал папа это, чтобы свет керосиновой лампы не падал мне в глаза, и я не просыпался так часто.

Вот так папа и делал работу над ошибками школьников-старшеклассников.

Но в одну студеную зимнюю пору, нет, нет, уважаемые читатели, я не читал стихотворение про мужичка с ногтей, а вернее

мальчика, как он поднимался с лошадкой, везущей хвороста воз в гору. Одежка на мне обтрепалась и при лютом морозе на улице я простудился. Как не пыталась меня вылечить мама, отпаивая меня горячим молоком с растопленным кусочком сливочного масла, мой кашель только усиливался. И мама повела меня в больницу. Врач, осмотрев меня, замерил градусником, сунув его мне под мышку, температуру моего тела. Вот тогда впервые я понял фразу: «Глаза полезли на лоб». Да, у врача они в самом деле полезли на лоб. И он сказал маме:

– Вера Михайловна, у нас нет в больнице отдельной палаты для подростков. Вы уж не обессудьте, что я положу вашего сына в палату для взрослых. А его одежду положу вот в этот шкафчик, а ему дам больничный халатик.

В палате на самом деле лежали только взрослые мужчины. Но один из них прировнял меня с ними, сказав мне вместо приветствия:

– А вот и нашего полку прибыло!

А потом добавил к этой фразе:

– Как же тебя зовут?

Я только назвал ему свое имя, как в палату вошла сестра милосердия и стала пичкать меня порошками и таблетками. Чтобы мне было легче их глотать, она мне принесла в граненом стакане теплой воды. А мне она сказала:

– Буду, Володя, я к тебе приходить через каждые два часа, а ты будешь принимать лекарства, которые мне для тебя прописал лечащий врач.

Первый раз она появилась ровно через два часа. В нашей палате висели настенные часы-ходики, и я отметил время, когда она должна была подойти ко мне второй раз и в третий, пока не придет на работу мой лечащий врач.

Но медсестра через два часа не пришла. Поэтому я решил проведать ее и зашел к ней в кабинет. Ведь дверь-то у нее была открыта. Но она так заморилась днем, что ночью ее и сморил крепкий и здоровый сон. Поэтому я вышел из кабинета медсестры на цыпочках, открыл дверцу шкафчика, в котором висела моя одежка, а внизу стояли валенки, на подошве которых было по три дырки на каждом. Ведь из овечьей же шерсти валяют валенки. Да и шагать по скрипучему полу мне в валенках было лучше.

На мое счастье мороз на улице перестал крепчать, и я потихоньку направился домой. Почему потихоньку? Да потому, что меня ветром качало от одного края улицы до другого. Труднее всего было мне подняться по нашей барской или дворянской лестнице с перилами с балясинами, но гладко отполированными нашими ладонями. Когда я очутился около нашей двери, то только поскребся по ее полотну. Как она открылась. Как в сказке: «Сим-сим откройся». Эту фразу я прочитал еще в шесть с лишним лет. Но открыл дверь мне не волшебник, а моя мамочка. Она только покормила моего братика Васю грудью и поняла, что в дверь скребутся не мышки-нарушки, а я...

И она вскипятила на плите молоко и заставила попить его. Когда я прилег на свой уникальный сундук, меня тут же сморил сон. Снилось мне, что я иду со своей бабушкой по дороге на Барсуки и мои ноги утопают в прогретой солнышком мягкой пыли и несу в руках букетик с земляничными ягодками, с белыми еще не созревшими бутонами и с зелеными листочками. Вот тогда-то я и понял, что такое горячее материнское сердце. Оно нам и светит, и греет, комфорт создает и уют. Понять его каждый сумеет. А ангелы песни поют...

А эти многоточия только подтверждают, что есть такая притча про сердце матери. Я как-то прочитал одну такую притчу: «Один жестокий хан взял в плен своего высокопоставленного вождя из другой орды и сказал ему:

– Я могу отрубить тебе голову хоть сейчас. Но даю тебе единственный выход, чтобы остаться живым.

– О, великий хан! – воскликнул пленник. – Не томи меня. А скажи мне, что нужно сделать, чтобы ты меня помиловал?

– Вернись домой к своей матери и вырви из ее груди сердце. Когда вернешься с ним, то отпущу на все четыре стороны.

Пленник выполнил требование жестокого хана и вырвал сердце из груди своей матери. Когда он понес этот «подарок» хану, то спотыкнулся и ударился сильно об дорожный камень. А сердце матери произнесло: «Сыночек, ты не сильно ли ударился об камень?»

И эту притчу я запомнил навсегда!

Глава: Открылись новые горизонты.

Все четыре начальных класса я закончил на одни пятерки. Елизавета Александровна Казакова сожалела, что я перехожу из начальной в семилетнюю школу. Ведь ее сын Витя уже стал понимать по губам речь, но сам говорить не мог. Зато мог взять лист бумаги и написать два-три слова. И это он писал, несмотря на то, что и руки-то у него плохо слушаются из-за скрюченных ревматизмом кистей.

Но я огорчал Казакову, когда начинался урок чистописания. Тогда мы писали деревянными ручками с металлическим наконечником на конце куда и вставлялись перышки, чтобы обмакнув перо в чернильницу на промокашку можно было писать в тетрадках. Перышки были со звездочкой или с «гусиными лапками». Тетрадки тоже выдавались нам разные: в клеточку и с продольными линейками. В тетрадках в клеточку мы выводили цифры. А в тетрадях в линейку писали буквы, а потом и слова. Многие мои одноклассники писали хорошоб буквочка к буквочке – в линейку, и циферка к циферке – в тетрадях в клеточку. Для меня же это было одно мучение. Если я писал буквы для Вити Казакова, чтобы он потом попробовал их написать в его личную тетрадку, в которой никогда не ставились оценки, то я лично сам писал в тетрадках и цифры, и буквы, то они получались какими-то корявыми и косо-пузыми.

Видимо Казакова рассказала про мою ахиллесову пяту отцу, и он пару дней пытался научить меня каллиграфическому почерку. Но его старания были тщетны.

На третий день папа даже возмутился моим иероглифам и сказал раздраженно, что это было очень редко: «Володя, ты уже стал большим мальчиком, но то, что делаешь ты, то это не чистописание, а грязномарание. У тебя все пятерки, а тут будет двойка.

Я не стал возражать папе, но свое мнение ему высказал:

– Может быть это грязномарание, но зато, папочка, я не сделал по чистописанию ни одной ошибки. Да и когда-то в древности египтяне писали иероглифами, так их сейчас ученые и то не могут расшифровать. А в любой работе нужен результат.

Папа не ожидал моего такого ответа и даже улыбнулся, а по-

том сказал:

– Да, Володя, ты вырос в моих глазах за какую-то минуту. Я согласен с тобой, что в любом деле важен результат. Но постарайся и на чистописании показать свое умение.

И я ему ответил уже кратко:

– Я постараюсь, папа. Терпение и труд – все перетрут. И торопиться теперь никогда не буду. Спасибо за науку.

Между тем наступало лето. Но если горожане приезжали в село Семеновщина отдыхать, то для меня начиналась трудовая страда.

Папа выпросил в колхозе коня, чтобы плугом вспахать нам выделенный огород из двадцати соток. Но пахарь из него бы никакой. Получив в Самаре диплом с серебряной медалью после 10 классов, он поехал в Питер поступать в Педагогический университет. Это был один из лучших педагогических заведений. А так, как у него была серебряная медаль, то моего папу приняли без экзамена. И в студенческом общежитии ему выдали койко-место.

После окончания университета он и познакомился с мамой, которая тоже получила образование в зоотехническом среднем заведении, то есть в техникуме. Это было для сельской девушки большое достижение. И она запомнила, когда она подавала аттестат зрелости в зоотехникум, то ее спросили:

– Вера Котова, а на какой факультет вы хотите поступить к нам?

А она простодушно ответила:

– Я хочу поступить куда-нибудь на коров. Я люблю этих животных.

Женщина из приемной комиссии и записала ее.

– Я поняла, будете учиться на зоотехническом отделении.

На какой-то студенческой вечеринке и встретились Виктор Александрович Крайнев с Верой Михайловной Котовой.

Увидев красивую девушку Веру, Виктор понял, что такое любовь с первого взгляда и поженились. У них родился сын Саша 19 июня. А 22 июня началась война...

Но вернемся к вспашке огорода. Пахарь из него действительно был никакой и его выручил сосед Сергей Павлович, умелец на все руки.

Он подозвал меня и сказал мне:

– Володя, я буду в огороде вспахивать борозду, а ты с мамой и папой укладывайте картошины. На обратном пути я привалю молохом плуга эти картошины, а вы вслед за мной опять кладите клубни в новую борозду. И так будет пока весь огород не вспашем и засеем картошкой.

На огороде росла на окраине липа. Под липой мы и положили в тени свой обед: две бутылки молока и восемь кусков ржаного хлеба. А папа в обед еще испек в небольшом костерке несколько картошин. Они были горячие и я, перекидывая их из руки в другую руку, чтобы не обжечься губами. Но завтрак на траве мне запомнился намного лучше, чем потом в каком-то шикарном ресторане.

Сергею Павловичу папа предложил перекусить с нами, но он отказался:

– Спасибо огромное за приглашение, но мне надо лошадь с плугом отогнать в конюшню. Я им обещал пригнать лошадку вовремя.

А мама ответила ему:

– Это вам огромное спасибо. Посадили картошку мигом, а целую зиму и весну мы будем есть ее, нашу кормилицу.

Когда Сергей Павлович отправился в конюшню, я даже спел песню:

– Ах, картошка, объеденье – пионеров идеал! Тот не знает наслажденье, кто картошку не едал, дал, дал!

Осенью, первого сентября, я пошел в пятый класс и распрощался с Елизаветой Александровной Казаковой. Теперь нас обучали несколько учителей. Супругов Жемчужниковых я уже знал. Но уроки они преподавали нам каждый отдельно. А вот русский язык и литературу нам стала преподавать Татьяна Ильинична Складчикова. Физкультуру и уроки труда стал преподавать нам Сергей Павлович, мой сосед.

Но если в первый класс я пошел в первый раз, то уже в этот раз, как когда-то в первом классе, мне новый костюм, брюки и пиджачок не сшили. Брюки были у меня потрепанными, на коленках появились пузыри, а сзади они протерлись и после стирки можно было видеть просветы на заднице. Но зато маме принесли соседки детскую рубашку светло-коричневого цвета, которая была похожа на форму моряка: сзади гюйс, спереди разрез уголком-треуголь-

ником. Но тельняшки мне не выдали, и я одевал под морскую форменку обыкновенную белую рубашку. На ноги я обул резиновые сапоги, но...

Всегда бывает это заковыристое но... Сапог на левой ноге в районе ступни я порвал, зацепившись за гвоздик. А мой сосед по парте тоже порвал резиновый сапог на левой ноге. Но Митьке тут же купили новые резиновые сапоги и он проявил щедрость и отдал мне без сожаления правый сапог. Носки моих сапог стали «смотреть» теперь только в одну сторону. Но я не отчаивался: под партой и при ходьбе их не видно. А когда я стою, мои собеседники смотрят мне в лицо, а не на мои сапоги.

Но вот перед первым уроком первого сентября в наш пятый класс пришёл Сергей Павлович, мой сосед и учитель труда, и в его руках был фотоаппарат. Наш класс выстроили около стены второго корпуса школы. Но чтобы весь класс уместился в объективе фотоаппарата, то для первого ряда школяров, где был и я, поставили низенькую скамеечку. Для второго ряда пятого класса мы принесли из учительской стулья со спинками, а третий ряд стоял шеренгой на своих двоих ножках. И я старался поставить гони перед объективом, чтобы на фотокарточке было не так заметно, что сапоги-то обуты и смотрят только направо. Никто из моих одноклассников не обратил на это никакого внимания.

Мария Алексеевна Жемчужникова на первом же уроке стала нам давать азы алгебры. Мне эти головоломки давались легко, а Митьке эта наука давалась с трудом. Но его мама старалась изо всех сил, чтобы ее сынок хорошо учился. В нашей школе была и своя библиотека. И вот Митька взял перечень учебников и оптом несколько книжек. Но для Митьки эти учебники, как египетские иероглифа. Поэтому он смотрел в книгу, а видел фигу. Через три дня он отнес эти учебники снова в школьную библиотеку.

– Дима, – спросила его библиотекарша, – неужели ты проштудировал все эти книги? А Митя ответил ей:

– Но ведь вы мне не поручали штудировать книги?

Библиотекарь удивленно спросила его второй раз:

– И вот эту книгу ты изучил?

Книга эта была – алгебра. А Митька коротко сказал ей:

– Да!

У библиотекарши, видимо, были стальные нервы, и она опять

спросила школьника:

– Тогда расскажи мне, Дима, о чем говорится в этой книге?

И Митька твердо произнес на этот вопрос свой ответ:

– Алгебра всех победил!

Дима не понял, когда библиотекарь захохотала так, что на глазах у нее заблестели слезинки, а потом смачно произнесла Митькину фразу:

– Вот это да, Димочка: «Алгебра всех победил!»

Вот так и прилепилась к Митьке кличка-имечко «Алгебра».

Евгений Яковлевич на уроке ботаники рассказывал ученикам нашего класса про то, как на деревьях созревают плоды. И вызвал одну девочку к доске, сказав ей:

– Маша, нарисуй на доске как созревают яблоки.

Машенька взяла кусочек мела и стала рисовать на доске. Сначала она нарисовала ветку с листочками. Потом нарисовала на этой веточке расцветающие с белыми лепестками цветочки. Затем на этой ветке появились у Маши и весьма крупные яблочные плоды.

Митька хмыкнул и раскритиковал творчество Маши.

– Где же ты, Маня, видела, чтобы на одной ветке у яблони были и листочки. И цветочки, и даже такие крупные и сочные, наливные и вкусные яблоки?

Машенька покраснела от стыда, а Евгений Яковлевич заступился и раскритиковал Митьку:

– А ты, любезный мой Дима, не знаешь, что на экваторе нашей замечательной планеты Земля яблоки, вишни и груши цветут и дают плоды круглый год. Поэтому Маша не знала об этом, но интуиция ей подсказала, что цветут сады там как в райском саду.

Я запомнил недолго эту фразу Евгения Яковлевича и вспомнил потом, что его отец Яков Евгеньевич был, как говорили тогда, попом, а на самом деле был священником. И, разумеется, что Евгений Яковлевич тоже читал и Библию. Что когда-то на заре Бог сотворил Человека, которого Он назвал Адамом. А потом из адамова ребра создал и женщину Еву.

А уж Еву соблазнил хитроумный Змей, ввел ее в искушение – сорвать яблоко на яблоне раздора. Господь запретил всем срывать эти сладкие плоды. Но, как говорится, запретный плод всегда сла-

док.

Таким образом и появились на земле первые люди. Ева родила Каина И Авеля, а затем произошло на нашей грешной Земле и первое преступление: Каин убил Авеля.

А потом, когда я услышал песню «Катюша», то с наслаждением пел ее: «Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой! Выходила на берег Катюша, на высокий берег на крутой. Выходила песню заводила про степного сизого орла. Про того, которого любила, про того, чьи письма берегла».

Потом я узнал автора этой песни. Ведь я родился после войны, когда Сталину помогли уничтожить фашизм руководители еще двух стран: Соединенных штатов Америки, которыми управлял Рузвельт и Великобритании, где властвовал Черчилль. Но об этом потом, а я тогда услышал имя поэта, который и создал «Катюшу»: «Пели негры русскую «Катюшу» ту, то Исаковский написал».

С Екатериной Алексеевной у меня были совсем другие, дружеские отношения. Сколько бы я не поднимал руку, когда она задавала всему классу, то мне говорила:

– Крайнев Володя, дайте мне поговорить с учениками, которым трудно дается математика. Ваши ответы я запомнила: «Биссектриса – это такая крыса, которая бежит по углам и делит угол пополам». Или по символу «пи»: «нужно только постараться и ответить все как есть: три, четырнадцать, пятнадцать, девяносто два и шесть...» И так до бесконечности. Ты лучше возьми шефство над твоим соседом Димой, чтобы он смог решать задачки, как лужают на базаре торговли семечки.

И я ответил с сожалением:

– Сначала я думал: ему хоть кол на голове теши, а он в ответ: «Это не стрижено, а брито!» Но теперь на мой вопрос: «А» и «Б» сидели на трубе «А» упало «Б» пропало, что осталось на трубе? Митька отвечает мне уже четко: «Осталась на трубе буква «И»!

И вдруг моя мама, когда я пришел из школы домой, сказала:

– Володя, наш сосед Василий Иванович – шофер. И завтра на полуторку он погрузил несколько мешков колхозной картошки, чтобы продать ее на рынке в Питере. А я уговорила его загрузить и нам с тобой два-три мешка картофеля в его кузов. Говорят, что на рынке ее купят одним махом. А наши финансы поют романсы.

Я засмеялся, и мы поехали в Ленинград: в кузове посадили меня, а маму разместил дядя Вася в кабине. Поехал Василий Иванович вечером в пятницу, чтобы мы могли переночевать у маминых родственников, которые жили в Ленинграде около Нарских ворот. А он прилег поспать до утра прямо в своей кабине. Рано утром мама меня разбудила и мы покатались втроем на рынок. Наши три мешка были куплены мгновенно. Мама и я вернулись к родственникам. И у нас получалось побыть в Питере целых два дня: в субботу и в воскресенье.

А вечером к нам подъедет дядя Вася и поздно ночью мы уже вернемся домой в свое село Семеновщина. Тетя Полина встретила радушно мою маму. Ее муж работал на Кировском заводе кузнецом. Но не кувалдой он плющил раскалённые до бела металлические болванки, а пневматическим молотом. За работу в горячем цеху его наградили орденом Трудового Красного Знамени. Но умер он очень рано. Зато ее сын Петр свою мать очень здорово огорчал. Купила тетя Полина ему хороший костюм, а он ушел в запой.

– Ты знаешь, Вера, – рассказывала тетя Полина моей маме, – Петька то мой ушел, одев этот шикарный костюм вечером и почти целую неделю где-то шлялся. Вернувшись я ахнула. Вместо пиджака и белоснежной рубашки, на нем была одета какая-то лопнувшая по швам, с дырами на спине, морская тельняшка. Про рваные, латанные-перелатанные брюки и говорить не хочу. В общем – теляга!

Вот тут-то и я постарался вставить в их разговор хоть какое-то словечко и поправил тетю Полину:

– Дядя Петя, хотели вы сказать, не теляга, а стилига.

Тетя Поля вздохнула и грустно произнесла:

– Да это, Володя, что в лоб, что по лбу. Сейчас он скатился в такую яму, что я его скоро выгоню из нашей квартиры куда его глаза глядят. И будет он обыкновенным бомжом.

– Тетя Полина, а я не слышал даже слово то такое «бомж». Что оно обозначает? – задал ей вопрос. На что она ответила, вздохнув второй раз:

– Это означает «без определенного места жительства». Пусть по помойкам бутылки собирает и ночует в подворотнях, как брошенная собачонка.

И тут Полина спохватилась:

– Володя, а ты, что сидишь с нами с женщинами? В кинотеатре «Прогресс» идет фильм «Красные дьяволята». Правда он немой. Но по титрам на экране можно понять, о чем говорят герои этого фильма. Стоит билет двадцать копеек. Я тебе дам двугри-венный. А мы с мамой твоей еще поговорим. Ведь сколько зим, сколько лет мы с ней не виделись.

Я радостно схватил монетку и зажал ее в кулачке, поблагодарив тетю Мотю и собрался уходить:

– Огромное вам спасибо! Это надо же в Питере даже днем кинофильмы показывают. А у нас в Семеновщине только вечером в клубе.

Тетя Мотя махнули рукой и опять заговорила с мамой. А я вышел на улицу.

Кинотеатр «Прогресс» был напротив дома тети Полины, но наискосок. А напрямик по диагонали проход в Ленинграде запрещен – машины несутся как сумасшедшие и тормозят только перед светофором, когда не нем загорается красный свет. И я потопал по тротуару до светофора. Шел медленно, не торопясь. А навстречу мне шли красивые мужчины и женщины хорошо наряженные и элегантно выглядевшие. С грустью я понял, что как убого я выгляжу в своем наряде: заплатки на коленях, протертые сзади штаны и сапоги, которые носками смотря в одну сторону.

Я пытался закрыть руками колени, а спиной повернулся к стене и бочком, бочком двигался до пешеходного перехода. Но купив билет, я сел на свое пронумерованное кресло и стал смотреть фильм.

Действующие герои были также подростками, как я сам. Может быть чуть даже постарше. Все они были русскими, но среди них был и один негр для колорита и для политики. Ведь в Америке я слышал об этом, неграм в транспортном средстве: автобусе или в трамвае, есть кресла, где может сидеть негр. А бандиты – это куклуксклановцы в белых халатах и с капюшонами на голове, где лицо закрыто таким же белым материалом, вырезаны даже дырки для глаз. А на экране негр действует с бледнолицыми друзьями наравне. И они, эти подростки, «охотятся» за батькой Махно.

Когда «красные дьяволята» поймали батьку Махно в Гуляй-

поле, то накинули на него мешок на голову и связали этому бандиту руки и повели, как бычка на веревочке, в Чека. Позже я узнал, что фильм «Красные дьяволята» – чистая выдумка кинорежиссера. Оказывается, Махно еще при царском режиме был посажен в тюрьму, а потом и отправлен в Сибирскую ссылку, как революционер, который был за свержение царя.

Когда же произошла революция, то Махно был на Украине и бил и белых, и зеленых, и серо-буро-малиновых. Его Ленин наградил тремя орденами Красного Знамени. Кроме Махно были на самостоятельной Украине такие экземпляры, как батька Ангел, у которого на тачанке стоял пулемет, а на задней доске тачанки было написано: «Бей белых - пока не покраснеют, бей красных – пока не побелеют».

Но боевик «Красные дьяволята» мне запомнился навсегда. И, выйдя из кинотеатра «Прогресс», где еще стоял памятник Сергею Мироновичу Кирову, я уже не стеснялся идти по улице Ленинграда, сверкая заплатками на брюках и смотрящих в одну сторону резиновых сапога. Ведь я учусь на «отлично» и для меня это превыше всего.

А кроме супругов Жемчужниковых нам преподавала в пятом классе учительница Татьяна Ильинична Складчикова предметы русский язык и литературу. У нее было красивое русское лицо, хорошо поставленный голос и огромное знание не только советской. Но и зарубежной литературы. Но почему-то если Жемчужниковых называли хулиганистые подростки «Поповичами», так Татьяне Ильиничне Складчиковой прилипло кличка «Монголка».

А почему же хулиганы в тайне, за глаза, называли Татьяну Ильиничну «Монголкой»? Может быть потому, что у нее были широкие скулы? Но я любил слушать ее на внеклассных чтениях лекции о романах писателя Джека Лондона, Майн Рида и французского фантаста Жюль Верна. Чего только стоит его роман о капитане Немо, который бороздил в океане на подводной лодке. И это в эпоху парусных кораблей.

Я узнал от Татьяны Ильиничны Складчиковой чего только стоит ее одна фраза: «О, Линда Флорида, о прекрасная страна цветов!». Так воскликнул мореплаватель Колумб, ступивший на Землю Америку. А потом я узнал, что Америку открыл первым не Колумб, а Америкго Веспуччи. Но в истории осталось имя Колумба.

Но и тот, и другой не знали, что вместо того, чтобы переплыть два океана: Атлантический и Тихий, достигнуть Индию. А Колумб и Америке открыли в 1492 году только берега Северной Америки.

И все эти знания я получил от «монголки» Татьяны Ильиничны Складчиковой.

Зато имя ее мужа было как у меня – Владимир. И когда я отслужил три года в Советской Армии и выполнив свой гражданский долг, меня какой-то огромной силой потянуло проведать мою родную Семеновщину. Ведь после пятого класса мы всей семьей переехали в деревню Переезд под Старой Руссой из-за болезни моего отца Виктора Александровича Крайнева. Он уже не мог занимать должность директора. Ведь четырнадцать медалей за войну и победу над Германией и Японией, сказались на его здоровье.

И когда я появился после демобилизации из армии и вышел на гражданку, то мне так захотелось хотя бы на минутку, но заглянуть в родную и любимую Семеновщину.

Дом Складчиковых был напротив здания школы, где я учился четыре года у Казаковой. Но в школе были еще каникулы, и я стал прогуливаться у дома моей «Монголки», надеясь, что она увидит меня из окошка и позовет в дом. Но с крыльца спустился муж Татьяны Ильиничны Владимир, мой тезка, и спросил, не узнав меня, ведь пролетело много времени:

– Ты, парень, по делу пытаешь или без дела лытаешь?

Я улыбнулся и спросил его:

– Дядя Володя, неужели я так возмужал, что вы не узнали меня?

Складчиков еще раз внимательно поглядел, окинув своим взором меня с ног до головы и спросил:

– Да, никак ко мне заявился сын Виктора Александровича Крайнева. А я тебя не узнал. Ведь ты лицом-то похож на свою маму – Веру Михайловну.

Я кивнул головой утвердительно и кратко признался:

– Да, это я.

Складчиков повернулся к распахнутой двери на крыльце и крикнул:

– Таня, приготовься встречать незваного гостя, но все-таки желанного гостя. Володю Крайнева.

А потом обнял меня крепко-крепко, а я сказал ему тут же Есенинскую фразу:

– Обьятъя у мельника круты, от них заревет и медведь! Но все же в такие минуты приятно друзей иметь.

Татьяна Ильинична тоже обрадовалась и ее вопросы посыпались на меня, как горох из разорванного случайно мешка в эту дыру.

Вот тут-то я и вспомнил про ее прозвище хулиганов и их фразу:

– Тары-бары, растабары к нам приехали татары. Для них и монголы и татары были всегда азиатами. Но Татьяна Ильинична была грубой русской женщиной и обучала когда-то меня нашему великому русскому языку и литературе.

Ведь многих наших русских предков считали надменные жители Западной Европы неграмотными и грязными варварами. Хотя русские славяне мылись в банях, чтобы ходить чистенькими, а берестяные грамоты отыскивали краеведы в Кремле Великого Новгорода.

И потом после разговоров со Складчиковыми я прочитал даже одно свое стихотворение:

Новгородский край мой милый
Край лесов и край болот.
Не забыть мне Ильмень синий,
Он к себе меня зовет.

По над озером с туманов
От костра на берегу дым смешался
Скоро встану
И пойду бродить в тайгу.

Где-то тетерев бормочет.
Для тетеркиной любви
Разорвать готов он в клочья
Всех соперников своих.

А напротив, в перелеске
Ствол осины бел как кость...
Или заяц тут наелся
Иль содрал копытом лось.

И с осинкой нет сладу
Вся трясётся, страх погнал
Или заяц косоглазый
Иль могучий великан.

А я люблю бродить по лесу:
Березняк, сосновый бор
Может быть по тропам этим
Александр невский шел?

Били немцев, били шведом
Деды, прадеды мои
Весть про славные победы
Разнеслась по всей земли.

Невский дал врагам урок
И пусть крепко помнит в жизни:
«Кто на нас с мечом пойдет
От меча тот и погибнет!»

Прочитав это стихотворение, Татьяна Ильинична мне сказала:
– Вот теперь я понимаю, что ты стал писать стихи и благодаря моим урокам по литературе. И ты, Володя, не забывай своих учителей.

И я ей ответил:

– Татьяна Ильинична, один популярный и талантливый поэт произнес вот такую фразу: «Учителями славится Россия. Ученики приносят славу ей. Не смейте обижать учителей!»

Мне казалось всегда, что Татьяна Ильинична очень сдержанна в эмоциях, но после моей реплики, мне показалось, что на ее глазах блеснули слезинки.

А я вспомнил, что, когда мы жили в доме Павловский, во дворе у нас был колодец. Но поила этой водой из колодца Анна только свою корову, которую гладила ее мать, тоже Анна, которой было больше ста лет. Мама давала мне коромысло и два ведра, чтобы я принес чистой родниковой воды из речки Поповки. Но не просто черпануть водички из реки. А надо было там, где была вкопана огромная бочка без дна. И из песка этой бездонной бочки, где пульсировал родничок, я и набирал одно неполное ведро родниковой воды, а затем и второе. Полные ведра почти за полкилометра было бы не донести – силенки не хватало. Но говорят, что

родниковая вода и придавала мне силу.

Вспомнил я, приехав после армии в Семеновщину, еще несколько эпизодов. Мой отец, как директор школы, задерживался в ней вечерами, а мама меня посылала в школу, чтобы я побыстрее его уговорил уйти домой. Но он мне заводил патефон, чтобы я послушал песни Утесова, а сам проверял тетради по русскому языку старшеклассников.

Я удивлялся, что он не обращал никакого внимания на песни, а сам впитывал слова и музыку знаменитого Утесова, которая называлась «Песня извозчика».

– Только встанет над Москвою солнце вешнее, золотятся потихоньку облака. Выезжаем мы с тобою друг по-прежнему и как прежде поджидаем седока. А катались мы с тобой, мчались вдоль страстной. Искры сыпались с булыжной мостовой. А теперь плетемся тихо по асфальтовой, ты да я, поникши буйной головой. Я ковал тебя железными подковами, я телегу чистым лаком покрывал. Но метро, сверкнув перилами дубовыми сразу всех он седоков околдовал.

Да, да, дорогие мои читатели, хочу вам заметить, что теперь метро считается среднего рода, а тогда метро считался – мужского рода.

Но когда приходил в кабинет папы его старший бухгалтер дядя Митя и предлагал ему:

– Виктор Александрович, а не сыграть ли нам с тобой несколько разиков партий в домино? Отвлекись хоть на полчаса от своих тетрадок.

Играли они азартно, хлопая по столу костяшками домино. А дядя Митя даже напевал: «Хорошо тому живется – у кого одна нога! И одна штанина шьется и одна сапога».

Дядя Митя во время войны после разрыва мины, на которую он наступил на заминированном поле, потерял свою ногу. Фашисты, когда отступали, то и ставили эти заграждения, чтобы русские солдаты, шедшие в атаку, теряли свои жизни. Это теперь он так бравенько напевал про одну «сапогу», а когда он вернулся после госпиталя домой началась гангрена и ему эту ногу ампутировали до самого паха. Да, дядя Митя никогда не шил себе брюки с одной штаниной для экономии. Он покупал себе брюки по своему росту в магазине одежды. И левую штанину он запихивал

себе за пояс. Кроме того, дядя Митя был в войну снайпером. А после войны в наших лесах развелось столько волков – целые стаи. Они до того обнаглели, что забегали по ночам в нашу Семеновщину, чтобы «покушать» собачатины. Голодный волк опасен и не боялся наших мирных граждан, ведь в своем большинстве в нашем селе жили солдатские вдовы.

Но, как говорится в народе, и на каждого хитреца найдется и бесстрашный мудрец. И дядя Митя делал засаду для обнаглевших волков в бане. Дверь в баню мощная, прочная, а окошечко в бане хоть и застекленное, но оно очень маленькое и не одному волчаре туда морду с огромной пастью не просунуть.

Дядя Митя раму этого окошечка вытаскивал под утро, а возле него бросал не до конца обглоданную кость барана. Соблазн для голодных волков был огромен и к бане волки подходили не боясь. Они же не знали и не понимали, что дядя Митя сидит в еще неостывшей бане с ружьем двустволкой. Если он не убьет с первого выстрела, то шандарахнет по серому хищнику со второго ствола ружья.

И вот, подпрыгивая на костылях, шел по улице нашего села, привязав веревкой серого волка к хомуту гнедой лошади. Лошадка всхрапывала и встряхивала головой от запаха волчары, а дядя Митя ее успокаивал:

– Не бойся, Зорька, не бойся. Видишь у меня за плечами два ствола торчат и оба заряжены. Я тебя в обиду не дам.

Но игра в домино прекращалась, когда мама посылала меня в школу, в которой заседали только два фронтовика: дядя Митя и папа.

Когда я появлялся в кабинете отца, то дядя Митя сразу же включал патефон с пластинкой одессита Леонида Утесова, а мне говорил:

– Ты, Вовка-морковка, спереди винтовка, а сзади барабан, так грохни по всем городам. Мы сейчас с Виктором Александровичем закончим эту партию домино. А ты послушай Утесовскую песню:

– Рыбачка Соня как-то в мае,
Направив к берегу баркас
Она сказала: «Я вас знаю!»
А я вот вижу в первый раз.
Но я вам расскажу про всю Одессу,

Вся Одесса очень велика
Но и Молдаванка и Пересы
Уважают Костю-моряка!
Бульвар черемухой покрылся
Каштан, зеленый весь в цвету...
Наш Костя, кажется, влюбился
Кричали грузчики в порту.

Когда на пластинке закончилась эта песня и она с завыванием повторяла последнюю фразу этой бравой песенки, папа, отбросив в сторону костяшки домино, вставал из-за стола и говорил:

– Все Дмитрий Иванович, песня вся, песня вся, песня кончилась... Посланец моей жены Володя уже заскучал, и мы пойдем с ним домой и нашу песенку веселую споем.

А дядя Митя подхватил мотив папы:

– Пора в путь дорогу, дорогу дальнюю, дальнюю идем. Над милым порогом махну серебряным тебе крылом. Мы парни brave, brave, brave. А дома ждут уже нас девчоночки кудрявые. Мы выпьем раз, мы выпьем два за наши славные «У-2». Но так, чтоб завтра не болела голода.

Но я задал дяде Мите вот такой вопрос:

– А вы, дядя Митя, когда пьете водку, голова не болит?

И он ответил мне присказкой:

– Когда я был молод, то для меня были интересны вот такие вещи: лодка, водка и молодка. А теперь – кино, вино и домино! Вот я с твоим батей и отвадил свою душу грешную за партией в домино. А чтобы тело не потело, не болела голова, нужно мне любое дело, а остальное – трын-трава.

А я ему сказал в ответ:

– Вы такой балагур, дядя Митя, что ваши присказки и шуточки-прибаутки так и сыплются у вас, как из рога изобилия. А успеваете вы эти шуточки записывать?

– Нет, Володя, – ответил Дмитрий Иванович. – Я никогда не записывал их в тетрадки. А они так прочно засели в моей голове, что на любой твой «чих» я всегда отвечу тебе «здравствуйте» и живите долго-долго и счастливо.

Мне осталось сказать ему:

– И я вам, дядя Митя, желаю тоже жить долго и счастливо, как в сказке.

Но дядя Митя не унимался и сказал на прощание еще фразу:
– Сказка – ложь, но в ней намек, добру молодцу урок!

Вот такие жизненные уроки я получал не только в школе, но и в быту...

А в быту в нашей семье Крайневых после рыженького и голубоглазенького Василия, родилась девочка, которую мама назвала Галей, Галиной. Кто-то из подруг Веры Михайловны сказал ей когда они пришли посмотреть на родившуюся девочку:

– Вера, а ты умеешь подбирать имена своим детям. Вот и шестого ребенка ты назвала Галиной. Галкой и точно попала в цель. Галки все черные, а у твоей Галинки и волосы черные. Как смоль, да и глаза темнее ночи – черные, черные.

Галя родилась 24 марта. А почти ровно через год родился мальчик, которого мама назвала Сережей, Сергеем. Он родился 23 марта и Дни рождения и Гали, и Сережи отмечают в один день – 24 марта.

Но Галина больше дружила не с Сергеем. А с Васей. Их даже фотограф снял, когда они держат друг друга за руку. После Сергея родился у Веры Михайловны и Виктора Александровича опять сын, которого они назвали Женей, Евгением.

И опять наша мама отметила:

– У Жени то, как и у меня, на лице веснушки. Но они у меня с возрастом исчезли, как и с личика Жени.

Четвертой и последней девочкой в нашей огромной семье, родилась наша сестричка – Валя, Валентина. А последним десятым ребенком родился Коля, Николай, сиди дома не гуляй.

Мама называла Колю: «Моя золотая звездочка» Почему? Да очень просто: в то время присвоили женщине звание «Мать-героиня» за рождение десятого ребенка, а не за третьего или даже за пятого. Кроме того, этот ребенок должен был прожить хотя бы два года. Мало ли что бывает при рождении...

Получать свою награду «Мать-героиня» Веру Михайловну пригласили в Москву. Награждение прошло прекрасно. Ведь нашу мамочку награждал лично Леонид Ильич Брежнев, который знал, что такое звание, только не материнское, а боевое «Герой Советского Союза» он получил перед народом на Красной площади в день Победы. После войны Брежнев был еще полковником. Но, учитывая его заслуги в боях на Малой земле, он получил звание

Генерал-майор.

В итоге у нас в семье Веры и Виктора родилось десять человек: шестеро ребят и четверо девочек. Теперь два брата Александр и Василий ушли в мир иной. Вот так и получился паритет: четверо мальчиков и четверо девочек.

Но когда Коля только появился на свет и прошло несколько дней, мама, когда папа ушел выполнять в школе свой директорский долг, сказа мне:

– Володя, ты сегодня не пойдешь в свой класс, а повезем Колю в Валдай.

– Мама, – пожав недоуменно плечами, спросил ее, – зачем мне нужен твой Валдай, когда нужно идти в школу?

А она ответила:

– Нужно мне окрестить Колю, а действующая церковь есть поблизости только в Валдае. Я на руках понесу ребенка, а ты поедешь со мной и будешь крестным отцом.

Тут я засмеялся и ответил маме:

– Мамочка, да какой же я буду крестный отец, когда сам еще мальчишка. Мне нужно подрасти еще. А там любой мужчина может стать Колиным крестным.

– Ты, Володя, не умничай, – ответила мне мама. – в церковь молиться ходят одни женщины в белых платочках. Именно эти женщины и сохранили веру в Бога в лихолетье безбожья. Поэтому, Володя, ты как мужского пола и станешь крестным отцом своему брату Коле.

Я опять пытался переубедить маму и сбросил ее:

– А может быть и нельзя родственнику, то есть мне, стать крестным отцом?

На эту мою отговорку она сказала:

– Господь велик, и он всегда простит человека, который собирается сделать богоугодное дело.

– Ладно, мамочка, поедем. А Колю я на руках понесу. Ты и так трудишься почти день и ночь, так позволь мне нести своего брата на руках.

Мама согласилась пойти на компромисс и предложила мне:

– Ладно, сынок, я пока пронесу Колю немного, а как устану, то передам его тебе.

Когда она отдала мне сверточек из детского одеяла с братом, я

принял его аккуратно, как драгоценность какую-то. А ее спросил:
– Мама, а как ты относишься к Богу? Ведь сейчас столько богохульников – хоть пруд пруди...

А она не раздумывая мне ответила:

– Ад или рай: у всех в душе тревога. Страх или корысть людей туда ведут. А надо бескорыстно верить в Бога – тогда не страшен самый страшный суд!

Мамина концовка мне дала толчок к поэзии, хотя я уже начал писать стихи. Но стеснялся читать их своим одноклассникам. А листочки со стихотворениями прятал под своим матрасиком, который уже становился короче и короче. Но может быть это не сундучок становился короче, а я подрастал и подрастал?

Но, прочитав много русских сказок, решил написать почти целую поэму и назвал ее «Два Ивана». Имя Иван часто звучало в начале царской династии. Взять хотя бы Ивана Грозного, великого и жестокого. Он в гневе убил нечаянно посохом своего родного сына. Но Грозный был уже пятым царем, который носил это русское имя Иван.

Вот тут-то я и написал нечто похожее на поэму, судя по событиям. Но довольно объемное стихотворение. Да и действующих лиц было в заглавии моего литературного произведения всего два. И эти имена были такие похожие «Два Ивана». А теперь, уважаемые читатели, наберитесь терпения и прочтите эту поэму:

Жили-были два Ивана,
Ни один не без изъяна.
Первый царского был рода,
Но в семье не без уroda...
Нет, царевич был красив,
Но завистлив и спесив.
А второй Иван – дурак.
Да разве то изъян? Пустяк!
Наш Иван с утра с рассвету
Правду ищет все по свету.
Но не найдет ее никак,
Ну, что ж поделаешь – дурак.
От царя вся правда скрыта,
Царевич спит досыта,
Пьет в три горла, ест от пуза,

Хоть хмель не терпит перегруза.
Но однажды это дело
И царю поднадоело.
Царь и сам вставал не рано
Но специально для Ивана
На заре, в столь ранний час
Царь издал такой указа:
«Правду всячески скрывают
Царю-батюшке мешают.
Разобраться: кто есть кто?
Ангел или дед Пихто.
Дайте срочно мне ответ:
Может правды вовсе нет?»
Трубы громко протрубили
Двух Иванов разбудили.
И царевичу доспехи
Принесли не для потехи.
Хоть он детства не был бит
Взял кольчугу, меч и щит.
А взгромоздиться на коня
Помогала вся родня.
В поле чистое поехал
Всем воронам на потеху.
Конь понес его, как стог,
На развилку трех дорог.
Хорошо, когда дорога
А три дороги очень много...
Тут нужна уже подсказка,
Да на то у нас и сказка.
И Царевич весь в тревоге
Видит камень на дороге.
А на камне том большом
Надпись выбита копьём:
«Коль направо повернешь
Без коня домой придешь
А налево повернешь
То и вовсе не придешь.
Прямо – встретишь там девицу

И подумаешь жениться.
И если ж прямо будешь гнать
Позабудь отца и мать.
Впереди тебе не жить:
Буйную голову сложить.
Змей Горыныч там поможет
А серый волк все кости сглохнет.
Нужно думать и гадать,
Но на то она и знать.,
И не привык царевич ждать.
Ведь можно много е не знать,
А только главное понять
И решение принять!
«Если голову сложу,
То как отцу я доложу?
И вправо путь не для меня,
Не вернуться без коня...
Ведь если я вперед пойду,
То в канаву упаду.
Так придется помолиться
И жениться на девице!»
Но что же делает мужик?
Чешет лесом напрямик
Что же Ванька так удал
Или камень не видал?
Нет, стоял как истукан,
Но ведь неграмотный Иван.
Видит: тихо в привольных краях
Змей Горыныч навел дикий страх
Да и в деревне не видно огней
А ведь правда водилась и в ней.
За державу обидно, за Родину,
Ваня едет на речку Смородину,
Схоронился Иван под мостом
Под калиновым красным кустом.
Ровно в полночь послышался гром
Засверкало огнями кругом
Едет в едком дыму и огне

Змей Горыныч на черном коне.
И видны и знакомы места
Но споткнулся вдруг конь у моста
Человек притаился иль спит?
Змей Горыныч тревожно храпит.
Чует – русским духом пахнет..
Но Змея как Иван шарахнет
Рубит раз его и два
И покатилась голова..
А потом вторая, третья
И вдруг Иванушка заметил:
Хоть глаза свои протри,
Их у Змея снова три.
«На волшебника попал!
Но тут уж пан или пропал...»
Не ведет Иван и ухом
Победит лишь сильный духом.
Бьет Иван, что было сил
Бьет – и головы срубил.
Положил он их под мостом,
Под калиновым красным кустом...
А после много дней подряд
Шел куда глаза глядят.
Но, когда устал не в меру,
Он забрел в одну пещеру.
Сыро, холодно внутри
Огонек внутри горит.
Там – косматая, седая
Да костлявая худая
Рот беззубый и смердит
Старушенция сидит.
Горб и в язвах вся нога.
Не старуха. А Яга.
«Что ж ты, молодец, невесел,
Что головушку повесил?»
Вдруг старушка говорит,
А голос как хрусталь звенит.
Удивился тут Иван –

Звонкий голос Богом дан:
«Бабка. Я с утра с рассвету
Правду все ищу по свету.
Может скажешь где она?»
«Так ведь Правда – это я»
Вдруг старушка отвечает
Мелко крестится, зевает:
«Что не веришь мне холоп?»
И бросает Ваньку в пот:
«Верю, бабка, не дрожу,
Как же я людям скажу,
Что любимица людская
Некрасивая такая?»
А Правда тихо говорит:
«Да ты возьми-ка и соври».

Глава: О, русская земля, ты уже за холмом

Написав, эту балладу о двух Иванах я стал изучать исторические материалы о том, как произошла смена двух русских династий:

– Закончилась великая смута на Святой Руси, но вместе с тем произошло и единение российского народа.

А ведь я учился еще в пятом классе. Но чтением библиотечных книг я стал заниматься, наверное, еще с третьего класса. А может быть и раньше. Поэтому и читал взахлеб исторические книги, где были предания старины глубокой. Но чтобы не утонуть в глубине веков, я стал читать очень много именно о древней Руси и до наших дней.

Начну я свой рассказ, уважаемые читатели, когда закончилась великая Смута на Святой Руси и произошло единение российского народа.

На трон вступил из династии Романовых – царь Михаил. И только общая культура, которая вместе с православием распространилась по всей громадной территории, где проживали племена восточных славян, и смогла сделать разных людей единым наро-

дом. Казалось мне – живи и радуйся. Но монах Игнатий решил отречься от мирских радостей и посвятил свою жизнь Богу, став монахом-затворником. Игнатий стал одним из монахов-затворников в монастыре села Холки на реке Оскал, впадавшей в Северный Донец, древнейший рубеж и засечная черта земли Русской.

Проходили полки русичей через Северный Донец и воскликнули воины:

– О, русская земля, ты уже за холмом!

А ведь Игнатий еще до Холок успел побывать в монастыре послушником на острове Валаам. Туда, на этот остров, по преданию пришел пешком когда-то по Руси от южных границ до северных Андрей Первозванный.

На Валааме и произошло видение Игнатию, будто наблюдает покровитель всего славянского мира и дает ему простому монаху знак: «Выполни свое предназначение и послужи Богу в подземных кельях монастыря в Холках».

А помещение храма вырубili в меловом холме Холок Киевские монахи. После сожжения столицы Киевской Руси при нашествии татаро-монгольской орды. Ходила тогда и легенда, что монахи взяли рукописи летописей, принесли в меловые пещеры несметные богатства. Уже в наше время многие охотники за кладами в меловых катакомбах обстукивали стены и потолки этих подземных пещер, но тщетно. Стучи, не стучи, но не нашли – украшения и бриллианты, если и были где-то упрятаны, то так, что никому не удалось их отыскать.

Но это не только охладило искателей приключений, а еще больше подогрело интерес. А еще больше монахи укрылись в подземелье монастыря не для того, чтобы, как царь Кощей, над златом чахнуть, а молились в подземном монастыре Богу, чтобы Он помог им сохранить от поругания Православную веру.

И Игнатий, который стал уже погружаться в темную мглу катакомб, услышал голос Андрея Первозванного: «Свет истины проникает и в подземелье!»

После этого к Игнатию без стука ворвался немой монах Афиноген. Он с детства знал Гришку Отрепьева и понимал: никакой он не царевич Дмитрий, чудом спасшийся от убийц в Угличе, а обыкновенный самозванец.

Так оно и было на самом деле. Но я выслушал еще одно

ироническое мнение об этой истории про одного ученика, который путался, куда же, якобы живой, Дмитрий направился искать правду: на запад или же на восток.

И вот это мнение Лже-Дмитрия, уважаемые читатели:

– Лже-Дмитрий громко заорал: «Так не ужель Углич покинув, пошел в Москву через Урал?»

А Афиноген пытался пробиться к матери царевича и снять пелену с ее глаз. Ведь он даже преодолел свою немоту и смог заговорить. Только он выкрикнул:

– Матушка, опомнись. Как страха схватила несчастного монаха, то предатели-бояре вырвали у него бичем подлинную правду. А потом приказали палачу вырвать его грешный язык, чтобы не болтал лишнего.

И вот Афиноген. Ворвавшись к Игнатию, мычал, страшно вращал глазами и, приглашая жестами монаха к двери, увлек его за собой на улицу.

В небе творилось что-то невероятное. Красные, зеленые, желтые полосы освещали небо. И их свет в темной полночи прямо бил с центра неба в глаза Игнатию. Он слышал про полярное сияние от архангельских поморей, но на Валааме и тем более на границе с Киевской Русью, его не бывает.

Игнатий потер вспотевший лоб и вслух произнес:

– Это же небесное знамение. Андрей Первозванный мне знак подает.

– Когда же Игнатий, – продолжил я, – пешком подходил к Холкам, а преодолеть оставшееся расстояние было можно за каких-то два-три дня, к нему прибился мужичок с ноготок, но зато с огромной рыжей собакой.

Монах обрадовался такому спутнику: незлобив, знает местность как свои пять пальцев, а собака может отпугнуть и хищного зверя. Любой лиходея может задуматься: «А стоит ли связываться со здоровенной псиной из-за какого-то ломтика хлеба?»

А я уже чувствовал, как радовался Игнатий:

– Изумительный пейзаж Русской равнины радовал глаз: перелески, пригорки, лощины и овраги, мелкие ручьи и более широкие реки. Какая до боли родная природа. И каждый воин волен выбирать свою дорогу и ехать в любом направлении куда ему заблагорассудится. Вот и ехали они куда им заблагорас-

судится по Тираспольской степи: хазары и половцы, аланы и славяне, татары и скифы. Не зря же поэт Александр Блок сказал в стихе:

– Да скифы мы, да азиаты...

И не раз в битвах жестоких и беспощадных сечах обогрелась пролитой кровью предков ярко зеленая степная трава. Переселение народов было непредсказуемо. Они двигались с востока на запад и с севера на юг.

А Игнатий с мужичком двигались даже вечером, утопая в золотом ковре листопада. Когда устали, то разожгли костерок, а потом, собрав ворох листьев, забрались во внутрь, чтобы переночевать последнюю ночь. К утру подул холодный ветерок и он потянул тучи, тяжело набрякшие снежной крупой. По земле, чуть прихватившей ночным морозцем, зазмеились поземки. Но путники, согнувшись почти до земли шли и шли неторопливо вперед.

Тогда я, прочитав эти строки Игнатия, написал стихотворение на эту тему:

Люди шли до земли склоненные
Ветер снег им швырял в лицо.
И заталкивал в рот соленое,
Вдруг слетевшее с губ словцо.

Хоть прошли они уж немало,
Но далек был до цели путь.
И мыслишка не раз мелькала:
«Может лучше назад свернуть?»

Шли они, шатаясь, как пьяные,
Помогая друг другу и...
Через стужу, через страдания,
До заветной цели дошли.

Отдохнули и вот упрямые
Хоть сейчас готовы идти
Так не зря поднимаем веками
Тост за тех, кто всегда в пути!

Монастырь был уже почти рядом. Игнатий забеспокоился, что они идут и идут около одного приметного и крепкого дубочка. Да и другой монах, которого звали Иван, засомневался:

– Я же, Игнатий, сломал на дубочке когда мы первый раз

проходили мимо этого дубка, веточку – сказал Иван, а Игнатий спросил его:

– Так куда же мы придем если такие круги нарезаем?

Иван недолго раздумывая сказал:

– А бес его знает. Мне жалко, что пес куда-то подевался. Видимо зайца с лежки вспугнул, да и погнался за ним. С ним мы дорогу побыстрее бы нашли.

Игнатий подумал:

– Не к месту он беса то потянул. И точно по заказу загудел надрывно ветер, заскрипели деревья, налетел, завывая, вихорь с плотным снежным зарядом.

Мужичонка тут же лязгнул зубами. Но не от холода и бури, а от страха, и даже голову вжал от страха, и произнес:

– Анчутка с нами играет..

Потом Иван, вдруг вспомнив что-то важное и, выхватив из-за пазухи острозаточенный нож, тут же бросил его прямо в середину снежного вихря. И вихря как будто и не бывало, а наступившая тишина уже резала уши. Чудеса же продолжались. Этот острый нож упал не к Ивану, а на ступню ноги Игнатию, которая окрасилась темной, почти черно й каплей крови.

– Попал все же я в этого черта лысого – удивлённо произнес мужичок и пояснил: «Тут и заблудиться немудрено. Ведь все холмы и перелески похожи друг на друга. А на небе нет ни луны, ни солнца. Плутать можно неделями при такой погоде. А про нож мне бабушка еще в детстве говорила.

И вдруг, после слов Ивана, опять завыл ветер и закружились в беспечной кутерьме снежинки. А Иван уже на этот раз осенил вихрь простым знамением и радостно воскликнул:

– Глянь, Игнатий, мой то барбос появился!

Он даже внимания не обратил. Что ветер стих, снегопад прекратился, да и небо стало проясняться.

Но вдруг, встряхнув головой, стал с радостью говорить:

– Теперь Игнатий я узнаю, где мы находимся. Вон за тем холмом Холки и находятся. Считай, что мы уже у себя дома. Пришли мы, Игнатий. Пришли. Какое же сокровище тебе тянет туда?

И Игнатий ответил четко и коротко:

– Сокровища негибнущее никогда, Иван!

А он тему сокровищ никак не хотел позабыть и сказал Игна-

тию:

– Я слышал, что бают люди, что в этом холме беглые монахи из Киева зарыли сокровища несметные. Снесли богатство от татаро-монгольской орды.

Но Игнатий улыбнулся и ответил попутчику:

– Веру они спасали, Иван, веру. А она то как раз и есть сокровище негиблющее.... Только она то как раз и помогла Россию отстоять и сплотить воедино народы.

– Да, ну тебя – разочарованно махнул рукой на Игнатия мужичок. – Чего же эту веру спасать то? Блажен кто верует, а неверующему сокровища подавай! По глазам твоим вижу: знаешь ты о зарытом кладе, но понимаю, что никому об этом ты до поры до времени не расскажешь!

Игнатий даже вздрогнул от прозорливости обыкновенного мужичка и перекрестился. Уж не демон ли рядом с ним стоит в обличии Ивана? Снаруже все они такие простецкие, а суть то у них гнусная.

Знал бы Игнатий. Как он был близок к истине. А Иван как будто мысли его подслушивал и старался успокоить Игнатия:

– Не демон я, не демон! А обыкновенный человек со свойственными ему всяческими страхами и тайною нежданно на спасение. А про клад, мне кажется, монах наверняка знаешь...

И они разыскали все-таки этот монастырь в Холках. Да так вдвоем и остались жить в нем отшельниками. Иван с удовольствием выполнял в этом монастыре в пещерах все хозяйственные работы и мог спокойно передвигаться внутри. И только Игнатий закончил утреннюю молитву и, прибывая в умиротворенном состоянии, прилег на свое ложе прямо в одежде и обуви. Чтобы холод камня не высасывал из человеческого тела жизненные силы и соки, он посыпал свое ложе вязанкой хвороста, а для мягкости притрусил мягкую соломку. Не зря же говорят в народе: «Если бы знал где упасть, то соломку бы там постелил».

Когда Иван вошел, Игнатий смиренно спросил его:

– Чего тебе надобно Иван?

Но он стоял молча, как истукан на пороге, а глазами обшаривал стенку напротив лежбища Игнатия. На стене же играли блики от пляшущего света огонька свечки. А может быть это было священное сияние от лика Святой Девы Марии. А Иван смотрел на

икону, как замороженный.

Игнатий машинально повернул голову, чтобы увидеть, что же это заинтересовало на стене Ивана, но кроме бликов на ней ничего не было.

Игнатий повернулся нова и к порогу и сказал Ивану:

– Ты не смотри так пристально, а то на стенке глазами дырку просверлишь.

Но вопрос Игнатия был не услышан Иванов. Его уже на пороге не было. Он куда-то беззвучно и бесследно исчез. Зато на пороге неподвижно застыл и приготовился к прыжку здоровенный и претолстенный, лоснившийся от жира, черный котяра. Его зеленые глаза горели зловещим огнем хищника.

Когда взгляды kota и Игнатия встретились, то у священника на голове волосы стали дыбом от ужаса, и он перекрестился. Кот же, выгнув спину дугой, после крестного знамения монаха, а его шесть стала дыбом, и он сжался в комок. Затем мышцы напряжились и молниеносно распуширились и котяра совершил мощный прыжок в направлении иконы.

Но собрался для прыжка не только черный кот. Неведомая сила приподняла с кровати Игнатия и он вскочил и ногой, обутой в крепкий кожаный сапог, с такой силой ударил черного kota и прервал его прыжок.

Котяра издал душераздирающий вопль «Мяу-у-у» и со страшной силой врезался в боковую стенку. Когда же Игнатий посмотрел туда, чтобы убедиться, что же произошло с котом, то его там не было. Уткнувшись лбом в стену там был Иван.

Когда Иван повернулся от стенки, то Игнатия поразило белое как мел лицо мужичонки. Но эту белизну можно было бы объяснить: ведь стена из мелового камня. А вот появление у Ивана под левым глазом синяка смутила монаха.

Какие-то странные метаморфозы происходили в келье Игнатия:

– Иван-кот-Иван.

Но особенно раздумывать над необычным явлением не пришлось. Иван, еле ворочая языком от боли. Произнес:

– Говорил же ты, что сокровища в монастыре нет, а оно же рядом с Иконой замуровано.

Тут Иван потерял сознание и сполз, касаясь спиной стены,

вниз на пол. Вздохнув и забылся недолгим и крепким сном.

Игнатий позвал двух монахов на помощь, и они уложили уснувшего Ивана на спальное ложе Игнатия. Пробуждение мужичка было ужасным. Он пытался вскочить с постели, но двое жилистых и физически сильных монахов несколько минут удерживали его на постели. Он бился головой об стенку, а на губах его появилась густая белая пена. Тщедушное тело Ивана извивалось в странных судорогах. Монахам пришлось навалиться на тело, чтобы с трудом удержать Ивана. Но он сделался таким одержимым и продолжал метаться в безумном бреде. Игнатий перекрестил его. Видимо страдания и муки отняли у Ивана остатки сил, и он опять забылся в тревожном сне.

К Игнатию подошел монах, которого звали Фролом и сказал:

– А ты знаешь. Игнатий. Когда я после утренней молитвы вышел из кельи на улицу подышать свежим воздухом, то в тоннель арочного коридора проскочил черный, толстый кот.

Второй монах Фома сказал Фролу:

– Ты что-то, братец, путаешь. У тебя или зрение слабовато, или с головой нелады. Ты же в дверях еле-еле душа в теле разминулся в дверях с растолстевшим как пивная бочка Иваном.

А Фрол недовольно пробурчал:

– Наверно все Фомы неверующие. Я же был в трезвом уме и в твердой памяти и уж всяко отличил бы kota от человека.

– А человека ли ты видел? – усомнился Фома-неверующий. И переговариваясь с другом, вышли из кельи Игнатия.

Но слова недоверчивого Фомы заставили Игнатия по-другому взглянуть на эту историю:

– Уж не скрывается ли под личиной Ивана кто-то другой. Ведь враг хитер и опасен, а зло может оборотиться во что угодно.

Но размышлять долго об этой странной истории Игнатию долго не пришлось. Мужичок очнулся от кошмарных сновидений и открыл глаза:

– Где я? Что со мной было? – испуганно спросил он Игнатия. – Я как будто на том свете побывал.

Монах хорошо понимал беспокойство Ивана. Ведь надежда хотя и в другом мире, остается у любого самого пропавшего человека.

И Игнатий кратко ответил Ивану:

– У тебя был обморок! Ты теперь сам без моей помощи уйти в свою келью можешь? Или мне тебя проводить.

– Нет, нет, я вполне удовлетворительно чувствую себя – ответил Иван и твердой походкой зашагал по наклонному коридору пещеры.

Как только от скрылся во тьме подземелья, подсвечники на стенах уже давно погасли и Игнатий стал ощупывать сантиметр за сантиметром стену пещеры с иконой Божьей Матери и удивился неимоверно.

– Как это я раньше то не замечал, что стена не гладкая, а сложена из отдельных камней. А швы то у одного из камней чуть пошире, чем на всей кирпичной известковой кладке.

Игнатий взял в руки железяку и стал ею скрести швы, которые были пошире других. Потом, вцепившись в этот камень пальцами, он ломая стал вытягивать этот твердый камень из стены. Он стал поддаваться усилиям монаха, поддался его силе и упал с глухим стуком на соломенное ложе Игнатия.

– Недаром говорят люди – подумал монах, – если знаешь где упадешь, то соломку подстелешь. А я солону на своем ложе растелил хорошо.

Но стук камня не привлек внимания и других монахов, мало ли что выпало из рук Игнатия в своей келье. Тем более соломка смягчила стук камня на постели. Солома погасила звук удара.

Он взял в руку зажжённую свечу и поднес ее в образовавшееся отверстие. Лучик света прорезал тьму, осветив образовавшуюся нишу. Монах заглянул в нее и обомлел...

На следующий день после заутрени Фома и Фрол сами пришли в келью Игнатия и с любопытством заглянули в пустоту ниши тайника. Фома по плечо засунул свою руку в глубь тайника, пошарил там по углам и вытащил оттуда какой-то хлам и мусор. А сокровища то тью-тью, уплыли вместе с рабителем.

И Игнатий стал вразумлять Фому:

– Ведь известно, что пока русский человек руками вещь не нащупает, не потрогает, то и глазам своим не поверит. В тайнике то пусто и не вырастет там никакая капуста.

Фома отмахнулся от его слов, сказав:

– Перестань Игнатий измываться над нашим несчастьем. Ведь мы думали ослепнем от золотого блеска и радужных бликов ал-

мазов, а тут какой-то хлам.

Но Фрол, не торопясь. Стал вытаскивать из тайника по листочку написанные листы бумаги, пергаментные свитки и даже скрученные в трубочку куски бересты.

Когда тайник опустел, то Фрол сказал Фоме:

– Ты посмотри повнимательнее. Это же не хлам, а в этих документах хранится мудрость нашего народа. Это же древние рукописи: тут и глаголица новгородская и византийская кириллица, и арабская вязь, и греческое письмо.

Тут то и я задумался, как же попали на Белогорье в Холмский монастырь эти древние манускрипты? А вот о чем думал и говорил Игнатий:

– Нас из Валаамского монастыря в 1611 году выгнали шведы и захватили русский остров на севере Ладожского озера. Наши собратья, монахи из Киево-Печерской Лавры и привезли эти бесценные сокровища на реку Рось в край русских, а значит в то время россов, в Белогорье.

Фома же, услышав только одно слово «сокровища», проткнул указательным пальцем воздух в сторону монаха и напористо потребовал от Игнатия:

– Куда ты припрятал золото и бриллианты? Выкладывай их немедленно. Я хочу на них полюбоваться, посмотреть.

Игнатий пожал недоуменно плечами и ответил:

– Я же тебе говорю вот оно это сокровище – древние рукописи. Тут летописные записи, былины и сказания. А вот посмотри: рукописные книги греческих и римских поэтов, писателей, философов. И их следует перевести на наш русский язык. Ночью я перевел со старославянского языка на современный русский язык «Князь чистополе». Судя по дате это князь Святослав Храбрый. Не погиб бы он в схватке в 30 лет, то снискал бы славу Александра Македонского. Вот послушай эту историю:

Горе: князь наш ЧистоПоле
В лютой схватке был убит.
Сын не сменит на престоле –
Князь лишь в войске фаворит.
На кургане погребальном
Тризку справят. Волос свой
Сын, в ход собираясь в дальний

Сам посыплет их золой.
На краю родной равнины
Гневом праведным горя,
В помощь княжескому сыну,
Встали три богатыря.
Будь ты конный или пеший
Но дружину не пройдешь!
Враг с землею будет смешан,
В жилах ненависть и дрожь.
Но и сила ломит силу...
Словно туча, вражья тьма
Навалилась на дружину
Завертелось кутерьма.
Бились так до поздней ночи,
А когда туман и мрак
Застилать бойцам стал очи,
Дрогнул враг, потек в овраг.
Их в живых осталось трое...
Княжич голову сложил –
Тело юного героя Б
Богатырь плащом накрыл.
Чтоб враги не замечали
А как алая заря
Лишь погасла, то мечами
Рыли два богатыря
Другу храброму могилу
А один несет дозор:
Не зайдут враги им с тылу,
Не горит в ночи костер.
А бесстрашное сердце пусть бьется,
Все готовы для битвы кровавой
Их же друг пусть один остается
Со своею бессмертною славой.

Фома и Фрол, прослушав эту древнюю балладу о стойкости славянских людей, выбрали из стопочки древних рукописей несколько листов и, не упоминая уже о золоте и серебре, разошлись по своим кельям. А Игнатий после перевода рукописи «Князь

ЧистоПоле» посвятил все время в переводах рукописей. Это подсказали ему Фома и Фрол. Фрол первым обратился к Игнатию:

– За трудное дело берешься Игнатий. Многие поэты пытались величаво ехать на колесницах стихотворных рифм, но не каждый смог устоять на ногах здравого смысла. А ведь не только ритм стихов нужен поэтам на трудном поприще. Поэтому мы предлагаем тебе и создать сокровище негиблющее. Если эти баллады про славян дошли до нашего времени, значит тебе обязательно нужно заняться переводами.

С тех пор Игнатий после утреней молитвы, не жалея ни своего здоровья, ни времени, записывал и переводил древние рукописи, чтобы свет истины засиял над нашей Русью, которая теперь называется Россией.

Но, уважаемые читатели, я немного углубился в исторические дебри, а теперь пришлось мне возвратиться в школьную пару, когда я учился в пятом классе.

Я только пообедал и хотел немного отдохнуть, как моя мама окликнула меня:

– Володя, твой дружок топчется за дверью, а в комнату не хочет заходить, видно какую-то тайну от меня скрывает.

Я подошел к хмурому Мишке, а он вцепился в мое плечо, припал к уху и быстро-быстро зашептал:

– Коптев на Петьку собаку спустил. Штаны и рубаху пес порвал ему в клочья. Потом см Коптев Пирата еле-еле оттащил от Пети. Так мало этому гаду показалось Он еще в заросли крапивы Петруху загнал, а потом прутом и крапивой отстегал Петьку. Одним словом – изувер и только...

Я тут же предупредил маму:

– Мамочка, я тут на часик уйду из дома, а потом буду выполнять твои поручения.

Услышав:

– Смотри, долго не задерживайся я собираюсь к подруге сходить, а ты за ребяташками присмотришь.

А я сказал ей:

– Не беспокойся, приду точно в срок.

Петька лежал на печке. Лицо, руки, ноги, ошпаренные крапивой, были в сплошных волдырях. Его руки и ноги были перебинтованы, а ссадины на спине густо смазаны йодом.

– Родителям своим что ты сказал? – спросил я Петьку, а он грустно вздохнув, промолвил:

– Сказал, что меня бродячая собака покусала, а я в заросли крапивы от Пирата и нырнул... Хорошо, что Коптев помалкивает, что я в его сад за яблоками лазил. И на этом этому подлецу и скотине – спасибо.

Дома взрослых не было, ушли на работу, а я сказал ему:

– Я видел у тебя Петя на чердаке тоненький, легонький, но длинный шест. Твой отец с прошлого лета еще хранит на чердаке на ручку для граблей или для косовища. Тая я на врем возьму этот шест у тебя?

– Бери – ответил Петя, а потом спросил : «А зачем он тебе нужен?»

– Это пока секрет, – ответил я, а потом добавил, – да еще мне нужен длинный гвоздь и молоток.

Когда Мишка отыскал все эти причиндалы, я вбил в толстый конец гвоздь молотком и ни слова не говоря, мы отправились с Мишей. Оставив Петьку в недоумении.

Но шест с гвоздем превратился в багорчик и он сам догадался, что мы с Мишкой что-то задумали. Затем мы с Мишей взяли моток алюминиевой проволоки и кусок хлеба и распихали эти вещицы по карманам. А легонький шест я не на плече как будто с удочкой на рыбалку пошел.

Летом я всегда ходил босиком. А тут, подумав хорошенько, зашел домой и обулся в ботинки. Но если придется удирать от Коптева, то можно наскочить ступней ноги на сучок или кусок разбитого стекла и попасть в лапы Коптева. И тогда мне не поздоровится, как Петьке.

Была для осторожности другая причина:

– С меня папа шкуру спустит, если узнает, что я лазил за яблоками в чужой сад.

А Мишка уже и заныл:

– Володька, может быть полезем в сад когда стемнеет, вечером?

– Не дрейфь, Миша. Днем то как раз безопасней. Никто нас не поджидает. Лишь бы кто-то из случайных прохожих нас не узнал. Если боишься, то я пойду один. А то у тебя и так такой жалкий вид, что будто ты заболел от лихорадки.

Пират встретил нас злобным лаем. Как только унюхав нас, он рычал, врался к нам. Но длинная цепи, на которой было кольцо, чтобы можно было бегать вдоль изгороди туда и обратно, не пускала его. Он не собирался пропустить грабителей в яблоневоый сад. Только одна яблоня была в «мертвой зоне» и мальчишки по младше нас эти яблоки уже общипали.

Я с огромным сожалением бросил Пирату кусочек хлеба, а собака одним махом проглотил его. Мне же удалось поймать багорчиком цепи с кольцом, а Мишка уговаривал собаку ласково:

– Ну жри же ты, жри!

Но зацеп был не глубокий и Пират опять забегал вдоль изгороди сада.

– Ты смотри хлебом-то его не купишь – сказал я Мишке, – а где же я ему мяса то возьму? Мы дома на одной картошке сидим. А может быть и на мясо не кинется. Одним словом – цепной пес!

И вдруг после отчаяния, мне пришла в голову шальная мысль.

– Миша подходи к заднему столбу, на котором замотана проволока и дразни Пирата.

Мишка встал на четвереньки около того столба и сам тихонько заскулил, вроде бы передразнивая собаку. А потом взял в руку небольшую чурочку и швырнул ее в Пирата. Мне хватило одного мгновения, чтобы привязать кольцо цепи к последнему столбу.

А Мишка радовался как ребенок:

– Ага, попался, который кусался. Попался нам, голубчик!

Я тоже полюбовался на тугой узел около столба и сказал:

– Зубами не развяжешь.

А Пират захлебнулся от лая и тоненько завизжал. Видимо, понял свою беспомощность. Его поймали как большую рыбину из воды, а на воздухе она задыхается. А Пират задыхался от злости, из-за своей беспомощности.

Мишку эта беспомощность пса возбудила. Он раздвинул в заборе дырку и прополз на корточках в яблоневоый сад. А я решил раздвинуть тышник изгороди еще в трех местах, чтобы путей отступления было побольше если вдруг Коптев появится неожиданно и нагадано.

Подбежав к одной яблоки, огрузшей от плодов, увидел, что некоторые ветки были подперты. И я сбил ногой подпертки, а потом, обхвати ствол яблони руками, с остервенением стал его трясти.

– Тра-та-та-та-та – дробно застучали по земле спелые крупные яблоки.

Затем я неловко выдергивая подпорку обломил ветку. Она захрустела около своего основания, вырывая из основания ствола сочное белое мясо волокон дерева. И бессильно повисла вниз.

Я с горечью подумал:

– Ломать дерева – это уж слишком! Даже ночные разбойники повзрослей нас действовали по неписанному закону: никогда не ломать веток.

Нов нас вселился какой-то бес.

– Вот тебе наша благодарность, сволочь! – и новая ветка наклонилась нам с предсмертным стоном и скрипом.

– Вот тебе наше спасибо – буйствовали мы.

Наконец-то моя осторожность взяла вверх над нашими безумиями и я сказал Мише.

– Тихо, дружок! Я сейчас посмотрю нет ли кого около сада.

И чутье не подвело меня. По улице шел на обе Коптев. Мало того он прислушивался к злобному лаю Пирата. Я тут же предупредил Михаила:

– Атас, Мишка, атас! – полушепотом я предупредил его.

А он на четвереньках полез в лаз, но замешкался и мне пришлось упереться в его ягодичицы и что есть силы пихнул Мишино тело вперед. И он вывалился наружу, за ним скользнул из сада и сам.

В зарослях орешника мы перевели с ним дух, и я предложил Мише:

– Давай-ка посмотри, что Коптев будет делать?

Ответа не последовало, но мы решили обсудить Мишину заминку, и я спросил его:

– Ты чего же это, друг ситный, у изгороди задержался?

– Да вот яблоков набил за пазуху – сказал Миша и показал свою оттопыренную рубаху.

Затем вытащил из-под рубашки ярко-красное в полосочку яблочко и протянул его мне, но я не успел его взять и отведать вкус. В сад вбежал Коптев и как вкопанный молча встал около сломанной яблони. А потом заорал, пиная ногами Пирата, который был ни в чем не виноват и визжал от боли:

– Кто, кто это сделал?! – кричал он. Пес старался увернуться

от пинков хозяина и жалобно и виновато скулил.

– Хуже собаки! – проворчал я и, пошарив рукой около себя, наткнулся на довольно увесистый камень и швырнул его в сторону Коптева. Шлепнулся камень далеко от Коптева и стук булыжника отрезвил хозяина на какую-то минуту. Но не более.

Коптев рванулся домой и выскочил из сеней с двустволкой.

– Трах-ба-бах! – прозвучал, полоснув в тишину, по нашим кустам.

– Чук-чук-чук – застучали дробинки по веточкам и листьям кустов над нашей головой. Мы лежали, вжав головы в плечи ни живы, ни мертвы. Но после выстрелов наступила такая звенящая тишина, что нам был слышен шелест опадавших на землю сбитых дробью листьев.

Один из листочков упал на ухо Мишки и он вздрогнул, испугавшись этого прикосновения больше чем звука выстрела.

А Коптев тем временем увидел небольшой кусочек хлеба и у забора сада и снова разгорячился:

– Ах, ты на кусочек хлеба позарился? – заорал на Пирата Коптев. – Как будто я тебя не кормил... Получай же, собака, мой гостинец!

– Ба-бах! – снова резанул в воздухе выстрел.

– Ва-у-ва! – взвыл протяжно, леденящим звуком кровь Пират и мгновенно смолк.

– Убил, убил Пирата – отчаянно зашептал я и услышал, как у Мишки зуб на зуб не попадает от страха.

Дома меня пятилетняя сестренка Галя попросила поиграть в прятки.

– Я не хочу играть в прятки, Галинка – пришлось сказать мне ей. А она сморщилась, как печеное яблоко и вот-вот готова была задать реву. И стала упрекать меня: «Вот так, Воватка ты меня всегда и обманываешь!». Поэтому я тут же согласился:

– Ладно, Галя, поиграем в прятки.

И, повернувшись к стене, я стал считать, чтобы сестричка моя могла спрятаться пока я считаю: «Доре, доре, помидоре, на дворе поймали вора, стали думать и гадать, как же вора наказать!»

Но Галя не успела спрятаться и сказала мне:

– Воватка, ты всегда обманываешь меня. Я не успела спрятаться, а ты уже глаза открыл.

– Хорошо, Галинка, – согласился я, – буду считать медленно до десяти.

– Ты только громко считай! – потребовала Галя и побежала прятаться.

И я стал считать, прикрывая ладошкой глаза:

– Раз, раз с четвертью. Раз с половиной, два!

Потом я помолчал и после паузы громко выкрикнул:

– Три!

Так я и считал, не торопясь до десяти. А потом, открыв глаза, еще раз проговорил громко-громко другую считалку:

– Раз, два, три, четыре, пять – я иду искать. А кто еще не спрятался – я не виноват.

Хотя я водил честно, не подсматривая, но мой чуткий слух уловил, что Галя по лестнице поднимется на второй этаж. А я не стал сразу же подниматься на второй этаж. Она может спрятаться или в нашей квартире, или же в кладовке квартиры Сергея Павловича и Ираиды Андреевны.

Я уже не слышал колокольчик смеха Галины, но сначала заглянул под лестницу и сказал вслух:

– Вроде бы сюда бежала? Может у двух Аннушках спряталась?

Потом я на цыпочках поднялся на второй этаж, чтобы ни одна ступенька не скрипнула и... Заметил, что двери то в кладовку соседней немного приоткрыта. Заглянув в щелку между косяком и дверью, я увидел спину Гали, которая нагнулась над кастрюлей в кладовке.

У меня екнуло сердце, мне стало не по себе от недоброго предчувствия и спросил сестру:

– Галя, а что ты здесь делаешь?

А она вздрогнула и обернулась. Я же не удержался от улыбки: весь подбородок, щеки и нос были измазаны белой мучнистой кашцей. А в кулачке сестры были зажаты две разваренные макаронины. Но улыбка у меня тут же исчезла, а в сердце опять появилась тревога.

– Голодная сестренка залезла в чужую кастрюлю. Залезла не специально, а когда пряталась и задела крышку кастрюли. А Галя почувствовала запах супа и, задев кастрюльку ногой, крышка скатилась на пол.

Она заревела, почувствовав свою вину и заревела: «Я нечаянно...»

Я не удержался и произнес:

– А за нечаянно – бьют отчаянно. И стал разжимать у Гали кулачок, в котором она держала эту толстую макаронину. И, когда я взял эту макаронинку в руку, то не понял, как эта злосчастливая макаронина очутилась в моем рту.

Но здравый смысл не смог удержать меня от кастрюли, я проглотил эту макаронину, потом вторую и третью. И она торчала изо рта как папироска. И в это время появился третий человек – наш сосед. Он сурово посмотрел на нас с Галей, молча взял за плечи и слегка подталкивая повел нас в свою комнату. У меня в голове закрутились вихрем злые мысли: «Галю бить не дам... Руку укушу или сам под удары буду к нему лезть». Но сосед бить нас не собирался, а заставил нас вымыть руки и сесть за стол. А потом... поставил перед нами тарелки с дымящимся супом.

Я, набывшись, стал разглядывать на клеенке узоры и цветочки. А Галя, облегченно всхлипнув, взяла ложку и стала с аппетитом есть суп. У меня клеенчатые узоры почему-то расплылись в какое-то цветное бесформенно пятно. А две капли, скатившиеся по щекам, булькнули в мою тарелку. Сосед потрепал непослушный мой вихор на голове и сказал:

– Ну-ну, не надо. Суп и так соленый!

Вскоре я опять встретился с Мишкой. У него необычно оттопыривалась рубашка. И какие-то округлые предметы перекатывались под натянутым полотном ее. И Мишка, гордо хлопая себя по животу, сказал мне:

– Видишь, какое пузечко? Это я яблоков нарвал из сада Коптева. Сейчас я поделюсь ими с тобой.

И тут я сказал ему:

– Миша, я не буду есть ворованные яблоки.

А он от неожиданности выдернул подол майки из трусов.

– Тра-та-та-та – застучали яблоки по земле. Застучали дробно, победно, как салют!

Но вскоре я познакомился с Юркой Калинкиным. Он родился через полмесяца после освобождения нашего села Семеновщины от гитлеровцев и за полмесяца до возвращения домой из госпиталя отца-фронтовика.

Калинкина же старшего все односельчане называли не иначе как «Я-я Калинин». Нет, друзья мои, Калинин не любил прихвастнуть. Мол, я да я. Напротив был угрюм и немногословен. Просто Калинкина звали Яковом Яковлевичем. И односельчане почтительно-насмешливо всегда присоединяли инициалы совхозного бухгалтера к его фамилии:

– А мне Я-Я Калинин и говорит...

– Иду я домой. А навстречу мне Я-Я- Калинин.

Деревенские бабы считали, что Я-Я Калинин, очевидно должен был принять посильное участие в рождении женой мальчишка. Но из-за своего отсутствия в деревне во время немецкой оккупации этого не смог сделать. Поэтому односельчане связывали появление Юрки Калинкина с офицером гитлеровской комендатуры Фрицем Шумахером.

Бабий шепоток: «От Фрица родила... Фриц...родила...», озорные мальчишки сократили до одного слова и с самого рождения Юрки прилепилась его кличка – Фриц. А потом прилепились еще две: «Немец и Фашист!»

Приехавший с фронта Я-Я Калинин с потемневшим лицом и побелевшими глазами (добрые люди уже сообщили ему «новость») поднялся на крыльцо своего дома и скрылся в полумраке сеней. И два дня не появлялся на улице. Зато толпа любопытных женщин и внешне равнодушных мужчин, полчаса простояла очень добросовестно перед окнами Калинкиного дома. Потом, не услышав истерического мата Я-Я Калинкина и истерического воя избиваемой его жены, потеряли всякий интерес и разошлись по домам.

В доме было тихо, будто там не человек родился, а умер. Но под вечер третьего дня Я-Я- Калинин, засунув пустой рукав гимнастерки под ремень, вышел к сидевшим на бревнышке мужикам покурить.

– Одно немцы отняли – кивнул он головой на обрубок руки, – а другое вот подарили.

Тут Я-Я мотнул чубом в сторону окна. Мужики вежливо промолчали. Кто с восхищением, а кто с откровенной завистью поглядывали на его медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За...»

– Батюшки мои, да восемь штук!

И больше к таинству Юркиного рождения не возвращались ни разу. Женщины правда еще посудачили, но и им эти дразги

поднадоели и разговоры утихли совсем.

Зато мальчишки не давали Юрке прохода, даже когда он заметно подрос.

– Немец-немец, колбаса, купил лошадь без хвоста – орали маленькие ребятишки.

Другие же припевали дразнилку так: «Немец-немец, колбаса, кислая капуста!

– Цыц, шантрапа, отмахивался от мелюзги Юрка и сердито топал ногой.

Шантрапа прыскала от смеха, но разбегались по сторонам. Юрка уже окреп и мог дать им по загревку. И, отбежав на приличное расстояние, ребятишки опять дразнились:

– Фриц, немец, фриц, немец. Вот как он злится то – и показывали ему язык.

Зато Юрка от ребят постарше и посильнее получал немало тычков и затрещин. Больше всего ему попадало от хулиганистого Сереги Сердюка. Как только Юрка в кепке наткнулся на него, Сергей схватывал его за плечи, затем, предупреждая ему отступление бегством, натягивал козырек кепки на Юркино лицо, втискивая его под самый подбородок.

Ослепленный Юрка мотал головой, пытаясь стащить кепку, а дружки Сереги пинали его ногами и ржали как лошади:

– Намордник ему натянул, Серега, намордник фашисту.

Но если Юрка выходил на улицу без кепки, то Сердюк ласково ему предлагал:

– Хочешь Москву тебе покажу? Мне для тебя ничего не жалко! Ты же у меня первый друг после Гитлера.

Затем Сердюк становился в затылок Юрке, закрывал ладонями уши и, сильно сдавливая голову Юрки, приподнимал его вверх.

– Видишь Москву Фриц?

Юра молчал.

– В Москву захотел фашист! – зверел Серега. – На смотри!

Юрка червяком извиваясь от боли, пытался вырваться, но руки Сердюка были мощнее железных клещей.

– Сколько ты не дрыгайся, не вырвешься, падла.

И мучитель приказывал Саньке Бугреву:

– Ну-ка покажи ему как туда не доехать!

Сашка прикладывал на лоб Юрки растопыренную пятерню и, сильно надавливая на череп, боронил голову от лба до макушки.

Юре казалось, что волосы выползают из кожи и ползут за когтистыми пальцами Бугрова. Кожа горела и вспухала, а из глаз Юрки лились горячие слезы.

А Сердюк продолжал издеваться и командовал:

– Это ты еще на телеге проехал, немчура. А вот сейчас на паровозе поедешь. Шурик, ты что скорость не прибавляешь? Скорость давай...

И вскоре, когда Сердюк отпускал руки, то Юрка мешком сползал на землю, а его плечи тряслись мелкой дрожью.

Время от времени мальчик жалобно всхлипывал, что казалось, будто рядом скулит нашкодивший и наказанный маленький щенок.

– Не пищи! – лениво цедил слова Сердюк. – Иди и стащи у Я-Я беломорину. Я курить хочу. Не принесешь – на глаза мне не попадайся. Хуже будет

Поэтому Юрка и решил не попадаться на глаза Сердюку. А если и попадался, то старался убежать от сатрапа. Хотя Серега был на шесть лет старше его и могут бы в несколько прыжков догнать его, маленького мальчишку, но Юре удавалось частенько от Сереги сбежать. Он наделал во всех заборах потайные дырки и, добравшись до одной из них, нырял в чужой палисадник или в огород.

Серега тогда преследовать Юру не отваживался. Ведь в огороде хозяин мог бы наkostenить за нарушение покоя и вторжение чужакам в свое жизненное пространство.

Малек Юрка для хозяев не в счет. От него даже следа на земле не останется. А Серега – здоровенный парень, да и в Юркину дыру не пролезет. Ему нужно шире раздвигать тын или перелезать через изгородь. Оба варианта для Сергея не годились, рискованные. И Юрка свободно уходил от преследования. Порой до спасательной лазейки было еще далеко, а хриплое дыхание от слышал за спиной, то Юрка бросался под ноги Сердюка и тот, не успевая остановиться, спотыкался об Юркино тело и плюхался со всего размаха в дорожную пыль.

Маленький Юрик легко вскакивал и скрывался в лазейке. Серега сначала вставал на корточки, потом тяжело поднимался и,

отряхивая испачканные брюки, злобно ворчал и ругался.

– Ублюдок немецкий! Погоди, попадешься мне на узенькой дорожке, так умоешься у меня своей же кровью.

Я-Я Калинин ничего плохого Юре не делал, но и ничего хорошего от него не ожидал. А тут еще произошла история с медалями. Показывал как-то Я-Я свои медали, или как он называл их грубовато: «Железяки» и говорил своим друзьям вечером:

– У меня их восемь и Орден!

Когда друзья Я-Я ушли, а Калинин проводил их на улицу, то позабыл убрать награды в комод.

Утром Юрка нацепил медали на рубашку и вышел на улицу.

– Ты что Фриц делаешь? – коршуном налетел на него Серега и стал срывать медали с рубашки Юры.

– Не трогай, это медали моего папки – сопротивлялся яростно Юрка.

А Сердюк возмущенно сбрыкнул:

– Какого еще папки?! Я-Я, что ли? Он тебе не папка, а батька твой – немец! Может быть в войну он и моего батю убил!

Серега рванул за медаль и колечко на ней разогнулось, а в руках его остался только кружок от медали.

Он сначала перепугался: боевая награда все-таки, а потом нахально усмехнувшись, сказал:

– У-ух какая битка для расшибаечки получится.

Да, Серега был заядлым игроком в расшибаючку. Собирались человек десять игроков и ставили на черту, прочерченную на земле острой щепкой, пяточки ровной стопочкой, а потом бросали битки из плоских и округлых камушков. Тот, у кого битка лежала, оказавшись около черты, и бил по монеткам первым. Но нужно было и мастерство игрока, чтобы монетки переворачивались с решки на орла. Орлом считался наш советский гроб.

Говорил, что на медных пяточках был вытиснут двуглавый орел, который в нашей огромной стране глядел на восток и запад. А Сергей Есенин писал об необъятной России: «Десять тысяч в длину государство. В ширину – около трех. И одно здесь нужно лекарство: сеть шоссе и железных дорог. Вместо дерева нужен камень, черепица, бетон и жесь... Города создаются руками, как поступками: гордость и честь!»

А решка, она и оставалась решкой, знать не обязательно. Но

зато считали у решки ценность до пешки. Поэтому некоторые игроки в расшибайку отливали свинцовые битки, чтобы лучше было при ударе перевернуть монетку в нужную сторону.

Вот Серега медаль и понравилась. И отливать битку из свинца не надо. И она будет у него самым лучшим орудием заработка.

Никогда Юрка так не унижался. А тут заканючил, запричитал:

– Серега, отдай. Серега, отдай!

А Сергей приплясывая пропел:

– Отдай уехал в Китай, а остался один – бери!

– Отдай! – заревел Юрка и, вцепившись в Серегу, стал трясти его, как когда-то я тряс яблоки у Коптева.

Сердюк резким сильным движением оторвал от себя его руки и отбросил мальчика в сторону. Но далеко не ушел. Юрка догнал его и вцепился за голень ноги. Сердюк протащил несколько метров Юркино тело, переваливая свою ногу, и стал колотить по спине и голове рыдающего Юрку. Но он держался цепко, и Серега так и не смог освободиться от Юры. Дорога пылилась клубами пыли, но мальчик держался крепко-крепко.

Серега попытался пинать Юрку ногой, но стоя на одной ноге чуть было сам не упал на пыльную дорогу. И он начал колотить кулаками по голове и спине, рыдающего Юрку. Но Юрка не отпустил ногу Сергею, а он сел на землю на пятую точку и уперся свободной ногой в плечо Юрки и, сильно надавив на него, освободился.

Разжались ослабевшие руки Юрки и мальчик распластался на дороге.

– На тебе, Фриц, на... – пнул пару раз Сердюк, и быстро отскочил в сторону, чтобы Юрка опять не обхватил его ногу. Побоялся...

Но Юрка лишь приподнял голову. По замурзанному лицу текли слезы, смывая грязь и оставляя на щеках белые следы, бороздки на его щека.

– Погода, гад! Вырасту большой – отольются кошке мышкены слезки – с ненавистью прохрипел Юра, кривясь от боли.

А Сердюк издевательски высказался: «Расти большой и не кашляй!»

Юрка поплелся домой, ожидая порку, но Я-Я не заметил пропажу. Мальчик запихал в коробку награды Калининна. Когда еще

Я-Я спохватится... Но немного подумав, решил:

– Будь, что будет! Скажу правду.

И произнес:

– Пап, я одну медаль твою потерял. Взял твои медали поносить и потерял.

Юрка сам не понял, почему он вдруг стал выгораживать Сердюка и не рассказал всю правду. Ведь тогда бы вина была совсем маленькой, почти никакой. А тут сам потерял!

Я-Я нахмурился и сказал:

– Чтобы больше мои награды ты не трогал, а то руки оторву!

А Юрка вжал голову в плечи и сидел нахохлившись, как мокрая курица.

Что-то шевельнулось в душе Калинкина, и он уже насмешливо продолжил:

– Ноги выдерну, спички вставлю, танцевать заставлю!

И Юрка немного оттаял: «Если Я-я шутит, значит бить меня не собирается».

Как-то вечером проулок у дома Калинкиных заполонило одно крыло народного гуляния. В Семеновщине праздновали день Святого Онуфрия. Хотя церковь и была разрушена, но вера в Бога осталась в душе многих жителей нашего села. А второе крыло как раз и упиралось в белую церковь.

Парни выкрикивали разухабистые частушки, а девушки подхватывали: «И-и-и-их!» припевку парней и взвизгивали:

– Давай, давай, давай, наяривай Сема, о том, как черноглазая меня с ума свела...

Топали под «камаринского» и взрослые мужики в хромовых, гармошками, сапогах и в пиджаках нараспашку, чтобы все любовались их белоснежными рубашками.

Утицами проплывали в хороводе девушки и ядреные бабы в ярких цветных платках, накинутых на плечи.

А сосед Калинкиных, крепко охмелевший от выпитой самогонки, Петруха Степаненков, зазывал к себе знакомых мужиков:

– Заходите, заходите гости дорогие!

Но дорогие гости заходить к Петрухе не спешили, не торопились. Ведь ходили в Семеновщине слухи, что Стапаненко Петя-Петушок якобы служил у немцев и был полицаем.

А что не забрали его в тюрьму, так это дело времени.

– Чего же вы гаденыши мною брезгаете?! – шипел сквозь зубы Петруха, озлобленный отказом мужиков. – Вишь какие чистенькие выискались! Партийные-идейные. А в совхозе все потихоньку подворовываете!

Излив желчь, Петруха уже было собрался уходить в дом, но вдруг к крыльцу подошли два молодых парня: Серега Сердюк и, приехавший на побывку, военный моряк Вася Михайлов.

И Серега спросил Петруху:

– Ты чего ругаешься, дядя Петя. Праздник то какой! Эх, развернись душа на распашку... да и выпить бы не мешало.

Сердюк подмигнул своему старшему товарищу, а Степаненков недовольно поморщившись: гости не того сорта, которого он ожила, отчаянно махнул рукой:

– В чем же дело? Пошли, хлопчики, в мой дом!

Вася Михайлов поправил бескозырку, а Серега, потирая руки, направились к хозяину в дом.

Никто так и не узнал, что там они не поделили. Но через полчаса послышался в доме Петрухи неслыханный грохот переворачиваемой мебели и звон битой посуды.

Сердюк Серега выскочил на крыльцо как ошпаренный, а Вася Михайлов без бескозырки, быстро подпрыгивая по ступенькам крыльца, спустился на землю.

Рыча выскочил на крыльцо и Петруха Степаненков и заорал:

– На кого руку поднял, сволочь?! На кого руку поднял? А-а-а-?

А моряк Вася, не отвечая и не оборачиваясь, шел к гуляющей толпе.

Василий Михайлов вдруг увидел, как толпа расступилась, отхлынула волной и отчаянно завизжала бабьем пронзительным голосом: «Зверюга-а-а-а!»

Серега и Вася обернулись и в ужасе остановились: с косой на перевес бежал к ним Петруха.

– А-а-а-... Убью!

Вася Михайлов вскинул руку. То ли он хотел защититься, то ли птаясь предупредить Степаненкова и удержать его – не надо!

Но коса, извиваясь, как змея на сковородке, уже заканчивала описывать свое смертельное полукружье.

– И-ы-ы-ых! – выдохнул Петруха. А острое жило косы впи-

лось в белоснежную форменку на груди у матроса и легко выскочила из его спины.

Лезвие косы прошло мимо ребер, сделав ровный разрез на форменке и плотное холщевое полотно быстро набухло кровью. Алый цвет тускнел на глазах, превращаясь в темно-вишневое пятно.

Вася Михайлов еще с недоумением на лице оседал на землю, а Петруха уже нался за Серегой Сердюком и рычал:

– Убью, подонок, убью!

У Сереге глаза вылезли из орбит, а липкий пот выступил бусинками на его лбу. А на ширинке и до колена затемнело мокрое пятно.

– Ы-их! – сопел за спиной Сереге Петруха.

И вдруг маленький комочек Юркиного тельца, оторвавшись от огромной толпы и бросилось под ноги озверевшему Степаненкову.

– Динь-дзынь – жалобно звякнула коса, воткнувшись об валун.

– Хрясь! – хрустнула сломанное косовье.

– Шлеп – шмякнулся со всего размаха Степаненков.

А Серега Сердюк все еще бежал и не понимал, почему Петруха до сих пор его не настиг, почему же жгучая боль не пронзила его спину, а он еще почему-то до сих пор живой?

И тут Серега обернулся и увидел: мужики заламывали с ожесточением руки Петрухе, а женщины обступили тело бездыханного матроса. Только как всегда, один одинешенек стоял в стороне Юрка Фриц...

На следующее утро к Калинкины зашел весь какой-то тихий и пришибленный Серега Сердюк и сказал:

– Яков Яковлевич, прости меня, подлеца, если сможешь. Ведь я у твоего сынишки твою боевую награду отобрал.

Он протянул Я-Я серебряный кружочек медали и произнес:

– Что хочешь со мной, то и делай...

Глава: Вера, Надежда, Любовь

В этой главе, уважаемые читатели, я хочу рассказать вам не о себе, а о моих друзьях. Когда я поехал на БАМ, строить байкало-Амурскую магистраль и город Северобайкальск, написал там песню:

Мыс Курмы-журавлиное эхо!
Кто тоскою тебя обласкал.
На Байкал я впервые приехал
В край суровых, неласковых скал...
На скалистом берегу Байкала
Не случайно высадили нас
А где тайга угрюмая стояла,
Вырос город Северобайкальск.
А когда расцветает багульник,
С дальних гор всколыхнет ветерок.
Ленинградским проспектам шугну я
К перекрестку судьбы и дорог.
На скалистом берегу Байкала
Не случайно высадили нас
А где тайга сосновая стояла
Вырос город Северобайкальск.
Привела нас большая дорога,
Призвала звонким именем: «БАМ!»
Не судите сурово и строго:
«Это все оставляем мы Вам!»

На БАМ я приехал не с первыми ремонтниками, которые собирались проложить от Байкала до Амура эту стальную магистраль. Просто было поручено по всем железнодорожным будущим станциям, на каждой из них, почти всем республикам Советского Союза и крупным городам. Так Северобайкальск и поручили строить ленинградцам. И была создана организация из питерских строителей, которая называлась «ЛенинградБАМстрой».

Наши питерские первопроходцы приехали строить город Северобайкальск, а путей сообщения не было. И все строительные изделия для пятиэтажных домов везли на баржах до причала около

поселка Нижнеангарска на восточном берегу Байкала.

Хотя река Ангара текла с западной стороны неподалеку от города Иркутска.

Поехал я из Ленинграда строить Северобайкальск только в 1981 году, а не в начале 70-х годов. Но только одно жилое здание было запущено в эксплуатацию. Остальные «корабли» будущих жилых домов зияли пустыми проемами окон. Строились и не только жилые дома, а и кирпичные. Одно из них было построено для руководства, а второе для библиотеки и зала для художественных выступлений, а третьем кирпичным зданием стала школа. Так там разместились младшие классы начальной школы. Первоклассники в первом классе заняли десять групп.

На БАМ ехала молодежь И у парней и девушек создавались семьи. Поэтому в Северобайкальске и возник взрыв народонаселения. Ребятишки росли вместе с ростом и самого города. Большая часть этого населения приехала из Ленинграда.

Поставленную задачу – создать город Северобайкальск, я показал в одном еще стихотворении:

От Финского залива до Северобайкальска
Пешком не дошагаешь и сотни суток мало.
А люди так не могут
И строят тут дорогу.
У нас задача проще
Взрывать не надо горы,
А с чертежа на карту
Перенести лишь город!

Поэтому я на этом пока остановлюсь. Ведь БАМ строили не только ремонтники, а и обыкновенные рабочие, которые поехала на БАМ заработать хорошие деньги.

Если у меня в Питере была зарплата около 250 рублей с хвостиком, то, приехав на БАМ, эта сумм возросла в два с хвостиком раза.

Поэтому я встречался со многими обыкновенными рабочими, которые хотели подзаработать деньги, а не за идею боролись.

Но, как говорится, людей не интересных в мире нет. Их судьбы, как истории планет.

Поэтому я хочу, уважаемые читатели, рассказать одну исто-

рию о двух мужчинах, которые работали под моим руководством:
– Коля Данилов шел с Ваней Ларьковым домой. Они с Ванькой были соседями и жили в общежитии для строителей. Коля в одном, а Ваня в другом.

Вход одного одноэтажного, длинного барака был с торца здания, а дверь открывалась с крылечка. А Ваня жил в другом общежитии в таком же стиле «барака», а не барокко. Колина общага стояла около дороги на крутом повороте.

Ваня же жил в другом общежитии, тоже в длинном бараке с крышей покрытой шифером. И у Вани, и у Коли были длинные коридоры, а с обеих сторон его – двери, двери в жилые комнаты, где проживают и другие молодые семьи.

Поэтому, когда жители общаги входили в коридор, то тут же останавливались у порога, чтобы привыкнуть к полумраку. Тусклая электролампочка – это вам не прожектор на стройке.

Зато в конце коридора было окошко. Свет его, как свет с конца тоннеля, поднимал их настроение и вселял уверенность. Ведь если кто-то в коридоре выкрутит электролампочку, то придется шарить руками в темноте по стенам, чтобы нащупать свою ручку у двери.

Ведь выкручивают лампочку в коридоре только те жители, у которых лампочка перегорела в их комнате.

А Данилов и Ларьков вышли в этот день из своего вагончика-раздевалки на объекте и шагали раскрасневшиеся, горячо обсуждая неблагоприятные действия их пройдохи прораба:

– Я ему говорю – рассказывал Ларьков – Василий Тихонович, слышал, что вас хотят уволить...

А Николай Данилов добавил:

– И правильно бы сделали, если бы его тунеядца уволили.

Но Ивана было трудно сбить с толка, и он произнес:

– А прораб снял очки, задумчиво погрыз дужки их, наш прораб всегда невозмутимый такой – ему хоть кипятком на голову лей, а у него пульс будет всегда шестьдесят секунд и ударов в минуту, и говорит мне: «Мало ли что они хотят, да я-то не хочу! Да придраться ко мне они не могут. Я же на любой приказ откозыряю и говорю: «Есть!»

Тут уже заговорил и Ваня Ларьков:

– В наше время за пьянки уволить можно быстро – и глазом

не моргнут. Зато трезвого бездельника, приспособленца уволить практически невозможно- черта с два.

– Вань, зайдем ко мне в гости! – предложил другу Данилов.
– А то Люба с малышом, с моим сынишкой Димкой загляделась в окошко, меня поджидая. Любовь моя ненаглядная, Любаша, лапушка моя милая.

Но Иван отказался:

– Нет, Николаша, я готов был выпить с тобой еще граммов надцать, но не пойду...

– А чего?

– У тебя, мой друг, высокое крыльцо и суровая жена.

– Ну, как хочешь... – пожал плечами Николай и, придя в комнату домой, не раздеваясь, рухнул в пальто сразу на койку.

Он уткнулся лицом в подушку, а через минуту уже стал сопеть носом, а через другую уже послышался громкий храп. Как будто в маленькой комнатушке спал не subtilный паренек, а великий, могучий богатырь.

Под «музыку» мужа стала надевать на голову годовалого ребенка комбинезончик.

– Пойдем, Митенька, погуляем на улочке – приговаривала она, – а то от винных паров папочки и я, и ты задохнемся. Сейчас я тебя в колясочку уложу и мы покатаемся во дворе.

А в это время механику жилищно-коммунальной конторы Степану Степановичу Васькину позвонил начальник и дал ему выволочку:

– Жильцы из общежития номер пять мне уже устроили выволочку, телефон своими звонками оборвали. Из переполненного септиками нечистоты на улицу выливаются. Все возмущены этими ароматами, а из меня хотят сделать козла отпущения. Где твой алкаш-водитель с ассенизаторской машины? Разущи его Васькин побыстрее и гони его пинками откачивать септик общежития.

Васькин на полусогнутых ногах помчался к гаражу и увидел, что водитель Мухин сидит на подножке анээмки в гаражном боксе и, затягиваясь беломориной, пускает колечки табачного дыма вверх к потолку.

На крики возмущенного механика он отреагировал спокойно:

– Ты, Степа, прекрати на меня орать. Не могу я сейчас ехать в рейс. Ключнули мы со слесарями маленько. А права-то водитель-

ские у меня только одни. Я не хочу, чтобы гаишники меня лишили прав за пьянку за рулем.

А Васькина речь Мухина только завела:

– Я тебе не Степа, а Степан Степанович. Если ты сейчас же не поедешь дерьмо откачивать, то уволю тебя завтра же с треском, что на другой работе ты по больничному листу не будешь получать ни копейки.

У Мухина на душе кошки заскреблись и он стал раздражаться, возмутился и перешел к угрозам:

– Да какой же ты Степан Степанович?! Тебя же все наше работяги Степан Степановичем называют. Ты меня не очень-то пугай, что мне по больничному листу не оплатят. Ведь я болею только с похмелья. Да и завтра ты меня не сумеешь уволить. Завтра же выходной день.

Посчитав, что ответил Мухин механику достойно, он поднялся с подножки и так резко открыл дверку кабины, что по полу покатила пустая бутылка.

Водитель, взглянув на бутылку, не стал поднимать ее с пола кабины и выбросить здесь же в гараже.

– Потом сдам «пушнину» (так Мухин называл пустую тару, которую складывал за спинкой сиденья) в любом ларьке.

Затем Мухин похлопал рукой по плечу механика Васькина и сказал:

– Отвяжись, худая жизнь – привяжись хороша.

И поехал в свой рейс. А Васькин, стряхнув с себя оцепенение и, махая поднятым вверх кулаков вслед уезжающей машины, выкрикнул:

– Я тебе, скотина безрогая, выпишу прогрессивочку-то! Денежки в зарплату складывать будет некуда. Если конечно тебе ее выдадут. Сразу всю только копейками.

А Мухину эти угрозы Степана Степановича были по барабану. Он не стал отвлекаться от руля, не стал тратить время на бессмысленные пререкания с механиком и придавил педаль газа до пола и почесал со свистом по дороге.

Он слушал шум ветра, который проникал через боковое окошечко кабины. Не зря же шутят лихачи:

– С ветерком прокатимся!

Но нервы Мухина были взвинчены до предела после перепал-

ки со Степаном Степановичем, что забылся и не соображал, что впереди же есть крутой поворот. И несся по дороге не сбавляя скорости.

В последний момент Мухин увидел резкий поворот в девяносто градусов и понял: в такой поворот на большой скорости вписаться не удастся.

Он попытался нажать на педали тормоза и сцепления одновременно, чтобы резко затормозить. Инстинктивно Мухин все же крутанул руль и вдруг услышал зловещий звук пустой бутылки катающейся по полу кабины. У водителя на лбу выступила испарина: педаль тормоза не поддавалась усилию ноги Мухина. Бутылка закатилась под рычаг педали и заклинила ее наглухо. А вторая нога соскользнула с педали сцепления. И Мухин неожиданно для себя надавил ступнею на газ. А машина не только не замедлила ход, а сделала резкий рывок вперед. Водитель машинально взглянул в лобовое стекло: куда же он летит сломя голову?

А в это время Люба Данилова, прикатив коляску по ступеням на площадку крыльца, стояла на нем вместе с малышом. И уже успела открыть дверь входа в общежитие и судорожно пыталась протолкнуть коляску с крепко уснувшим на чистом воздухе в ней после прогулки Митей.

Последнее, что увидел водитель Мухин до катастрофы – округленные женские глаза от ужаса из-за предчувствия неминуемой гибели.

Потом Мухин услышал хруст ломаемых досок крыльца могучей тяжелой массой неуправляемой машины. Он даже не заметил, что хруст досок слился с треском ребер грудной клетки несчастной женщины. Но зато Мухин успел увидеть, как Люба последним усилием воли перед ударом судьбы успела таки протолкнуть детскую коляску Мити в распахнутую дверь коридора. Широко распахнутая пружина двери сжалась и дверь захлопнулась, а в коридорчике наступила темнота. Ребенок безмятежно спал в коляске, а потому не испугался и не заплакал. Коляска, вобравшая в себя инерцию толчка Любы, покатила вместе с Митей из темноты к свету... Свету, льющемуся в коридор из противоположного окна. Из темноты к свету, от смерти к жизни. Любовь матери подарила сыну Мите второй раз...

Николай проснулся от истошного крика Любы и, чуть продрвав

свои глаза, выскочил в коридор из комнаты. А перед ним возле входа в комнату стояла коляска с Митей. Остальное все проходило как в тумане. Дальнейшие события Данилов помнит плохо. Почти не помнит: пьяные утешения Ваньки Ларькова, заплаканные глаза тещи Надежды Петровны, которая сразу же забрала из коляски Митю и куда-то увезла ребенка.

Зато Николай помнит свое беспробудное пьянство. стакан водки хлоп, на кровать лег – беспробудный, кошмарный сон.

Проснулся, выпил снова стакан водки и опять спать... Говорят в народе, что свое горе водкой заливают. Но всему ведь приходит конец. Николай проснулся, а поллитровки нет, ни капельки снотворного. Бутылка совсем пустая. На полу возле кровати еще три, четыре пустых бутылки, а напротив, у стены, стояла еще целая батарея опустошенной тары.

– Вот бы Ванька Ларьков обрадовался такому «богатству» – ни с того, ни с сего подумал Данилов. – Мухой бы побежал «пушнину» сдавать. Так Ваня называл пустую посуду из-под водки.

Вспомнив о друге и собутыльнике Николай вздохнул, а Ванька тут как тут и сообщает, как о свершившемся факте:

– Забрала моего крестника моя кума надежда. Совсем ты осиротел Николай сел на кровать и, обхватив голову ладошками, задумался:

– Да, Ванька был крестным отцом Митьки. Надежда Петровна настояла на крещении внука. А своего мужа попросила окрестить и Любовь.

Сначала Коля отнекивался:

– Не верю я в Бога, Любушка.

Но любя проявила настойчивость:

– Коля, не говори так безапелляционно. Помолись, перекрестись, а если душа у тебя не зачерствела, то и вера к тебе придет.

С тех пор Николай Данилов и стал носить оловянный крестик на льняной и крепкой ниточке. Он так привык к крестику, что не снимал его с шеи даже когда ложился спать.

Но Ларьков принес Николаю целую бутылку, поллитровку водки и стал разливать ее по стаканам. Он даже не глядел, как призывно булькает, льется «огненная» вода в пустоту стакана. Да, Ванька, как отличный музыкант, умел наливать в любую немер-

ную посуду, но обязательно поровну всем, кто сидел за столом сколько бы собутыльников не собралось.

– На выпей – предложил ларьков Ване, – авось и полегчает. Хотел тебе и пиво принести, но пиво м похмельную голову не обманешь: с пива все видишь криво. Похмеляться надо водкой.

Ваня ларьков протянул Коле стакан и безо всякого перехода стал вещать на другую тему:

– Ну давай, хряпнем по стаканчику. Бог не выдаст, свинья не съест!

Это фарисейство совсем доконало Данилова. Он, почти одним глотком, выпил содержимое стакана. А скорее даже не выпил, а вылил в горло не глотая водочку.

Тут Иван сморщился и уткнул свой нос в рукав рубашки. Иван ларьков называл такой жест: «Закусить материальчиком». И тут воскликнул Николай Данилов:

– Ваня, прекрати-ка ты бубнеть через раз: бог, бог, бог... Да Бога вовсе нет. Разве Бог допустил бы такое несчастье?!

Выпалив эту фразу, Коля распахнул ворот рубашки и попытался обрывать тесемку с нательным крестом. Но льняная нитка оказалась прочной. И сколько бы ее Данилов не дергал, она не разрывалась.

Коля поднялся с кровати и выбежал на улицу. Бежал он, не чуя ног, а на бегу пытался снять через голову крестик. В этом время Данилов споткнулся и чуть ли не плюхнулся в лужу. Стало зябко и Коля остановился... Посмотрел бессмысленным взглядом на кулачок, который сжимал крестик и подумал:

– Надежда умирает последней. А я у меня и надежды то никакой нет. Да Бога тоже нет... Николай размахнулся и забросил крестик в освещенное фонарем пространство улицы в непроглядную мглу ночи, где едва-едва проглядывали ветки кустарника.

Горбившись Данилов пошел куда глаза глядят. Но его ноги сами по себе привели в общежитие. Дверь в его комнату была распахнута, но комната была пустая. Ванька обиделся на друга и ушел домой, не дожидаясь его возвращения. Но водку Ларьков не стал допивать, а оставил ее допивать Николаю. Данилов не потруился ее даже налить в стакан. Он выпил остатки водки из горлышка бутылки. Но сидеть одному в пустой комнате Николаю не хотелось, и он вышел опять на улицу. Была непроглядная тьма,

а затем произошла какая-то вспышка... и Данилов потерял сознание.

Он ничего не видел, но вдруг через какое-то время услышал какие-то голоса, как будто из-за потустороннего мира:

– Михайлович, ты прекрати водку-то хлестать. Опять тебя из МУРа привезли на вскрытие. Парень попал в автомобильную аварию – машина его сбила. Видишь он весь в крови.

– Ну ты, Ивановна, и даешь – ответил Михайлович, – раз парня насмерть задавили и так понятно от чего он умер. Зачем же ему нужен патологоанатома? Скажи санитарам, чтобы они не на проекторный стол уложили, а унесли бы на носилках сразу в морг.

А Вера Ивановна через пару часов зашла с ведром воды и шваброй в холодильник морга, чтобы помыть пол. Ведь пока санитары несли труп в морг, кровь еще капала на плитку коридора. Промыв коридор, Вера Ивановна решила заглянуть в холодильник. И ее чуть кондрашка не хватила: все трупы спокойненько лежали себе на столах, а один покойник сидел. Вера Ивановна охнула и, торопливо семеня маленькими ножками, побежала к пьяненькому патологоанатому. А тот хватил еще для храбрости мензурочку спирта, а потом резко выдохнув воздух из груди, даже не стал запивать его водой.

– Нечего добро переводить – сказал Михайлович. – Воды выпить я всегда еще успею.

А потом добавил:

– Чудес на свете не бывает – и пошел вслед за Ивановной. Когда Михалыч открыл в морг дверь, то воскликнул:

– Ничего себе! Живой!

И приняв хавшись к запаху, исходящему изо рта Коли, восхищенно добавил:

– Везет же дуракам и пьяницам! У тебя, наверное, кто-то есть знакомый там на небе. Могу тебе сказать с такими травмами, как у тебя, вообще-то не выживают. А ты в счастливой рубашке родился.

Не помнит Коля Данилов сколько времени он пролежал на больничной койке. Травма и жестокая простуда, воспаление легких. Но Николай все-таки выздоровел и выписался домой. И перед выпиской к нему зашла уборщица Вера Ивановна и сказала:

– Николай, вы в бреду пытались разыскать свой нательный крестик.

И Коля признался:

– А я его на самом деле потерял или в белой горячке выбросил куда-то... Он для меня был как талисман.

И тут же услышал, как протяжно повторила за ним Ивановна:

– Как та-лис-ма-ан? Тогда чего же ты переживаешь о холодном. Как тело мертвеца, ксочке оловянного металла?

Слова эти резали слух, но он не мог перечить Вере Ивановне. А она продолжила говорить ему горькие, ка полынь, слова:

– О талисмানে не стоит убиваться, Коленька. Если же ты не символ веры потерял, а талисман, то и расстраиваться нечего. А ведь Бог никуда не делся.

– Может быть... – кивнув головой произнес Данилов, а Вера Ивановна продолжила свой разговор:

– Бог живой, так же, как и твоя бессмертная душа. И душа – основа нашей жизни. Ты эту истину не умом, а сердцем пойми. Из сердца и идут наши помыслы: и добрые, и злые. А разрыв между верой и разумом происходит тогда, когда вера слаба. Помогни тебе Господи в этой вере укрепиться!

Николаю стало неловко и не по себе. Ведь он же всегда считал себя умным грамотны.... А тут, какая-то необразованная старушка, вначале казавшаяся без особого интеллекта, вещает ему прописные истины.

И он уже с надеждой произнес, спросив Веру Ивановну:

– Как же без ума все принимать веру-то? Ведь это же полное сума шествие, безумие. Один из философов восклицал: «Если я мыслю, значит существую!»

– Эх, сынок, – вздохнула грустно Ивановна, – я же с врачами работаю, и они мозг под микроскопом изучают. А вот мысль там ни один из врачей и под микроскопом не разглядел. Но ты же не сомневаешься, что мысль существует?

Коля повторил словно эхо последние два слова Веры Ивановны:

– Мысль существует...

А Вера Ивановна продолжила своей монолог:

– Наш патологоанатом Михайлович не одну грудную клетку умершего человека вскрывал. И тоже не видел, как душа улетает из мертвого тела на небеса. Но он и я, мы оба, верим в бессмертие

человеческих душ и Бога! Особенно я...

Но, придя домой, Коля Данилов чувствовал себя очень хорошо. Только, как говорят блатные, недолго музыка играла, недолго фраер танцевал. Прошло каких-то два дня, а он снова заболел непонятной болезнью.

Коля почувствовал, что стал заживо загнивать и никакое лекарство, и мазь ему не помогали. И апатия нахлынула на Данилова:

– Если раньше я сопротивлялся смерти – думал Николай, – то сейчас уже чувствую, что медленно умираю. Но теперь я не боюсь умереть. Хотя знаю, что старуха с косой уже стоит за моими плечами. Но я уже не боюсь смерти, а поджидаю ее. Ведь как я сейчас живу, даже бомжи и то не живут.

Чтобы отбросить от себя грустные мысли Николай вдруг произнёс вслух:

– Скорее бы я уж умер. Пусть Бог заберет меня к себе...

Но тут же он встрепенулся, заволновался, а его мысли, его скакуны, пытались унести его к тому злосчастному дню. Ему стало стыдно, что он таким бессовестным образом богохульствовал.

Рефлексом к Николаю возвратились и есенинские строчки:

– Стыдно мне, что я в бога не верил. Горько мне, что не верю теперь... чтоб за все, за грехи мои тяжкие, за неверие в благодать. Положите меня в русской рубашке под иконами умирать.

И неожида после есенинских строчек вдруг Николай почувствовал, что по его щеке побежала, покатилась горячая слеза. А из его груди невольно вырвались слова:

– Господи, просит меня грешного! Если ты отвернулся от меня, то я навсегда остаюсь с тобой. В этом мире у меня не осталось никого, кроме тебя.

И на Николая нашло какое-то умиротворение после обращения к Богу. Он успокоился, повернулся на другой бок лицом к стене и крепко-крепко заснул.

Проснувшись Коля обнаружил, что в комнате исчез запах гнили, а он сам стал свежим и полон сил. Николай перевернулся на другой бок и увидел на прикроватной тумбочке... свой нательный крестик.

Как он очутился на тумбочке, он до сих пор не понимает, но

догадывается.

Через часа два в дверь Колиной комнаты постучали.

– Да-да, неохотно буркнул Николай, подумав: «Это вездесущий Ванька Ларьков узнал, что я выписался из больницы и немедленно приплелся ко мне. Но все – пить с ним водку я не буду».

Но жизнь подкинула ему еще новое испытание и не искушение. На пороге стояла Надежда Петровна и держала за ручку маленького мальчика, его сны Митю.

– Вот какой он стал, уже большой вымахал, пока я болел. Ходит и говорит – подумал Коля и услышал голос ее:

– Узнали мы, Николай, что ты захворал. Вот и пришли тебя навестить с Митей.

Вот так закончилась история о моих знакомых на БАМЕ. Но эта тема неисчерпаема. И я встретился там с еще интересными людьми: с художниками России Павлом Шляпниковым и Валерием Голышевым. Они патриоты России и написал для них вот такое кратенькое стихотворение:

Родина моя, матушка Россия
Люди и земля – в них твоя вся сила.
И сколько б воронья к нам не наносило,
Но крепка семья и сильна Россия!

На многих исторических полотнах Шляпникова и Голышева время действия XX век, а они ведь современники. Жили и творили при всех вождях Советского Союза. Разве, что живого Ленина не застали. А в римской цифре XX даже визуально отражается видео ряд судьбы России. Ведь так выглядели забитые крест-накрест окна заброшенной крестьянской избы. Эти же полоски крест-накрест были в Великую Отечественную войну на окнах блокадного Ленинграда, чтобы осколки окон не разлетелись после взрыва бомбы по сторонам. Да и противотанковые рельсы – ежи, были похожи на эту цифру. Не говоря уже про полосы крест-накрест на Андреевском морском флаге.

А с картины художников «Судьба» Шляпникова и Голышева смотри на зрителей интеллигентный офицер, настоящий полковник. На его лице умиротворение, чуть ли не умиление. И мягкая, блуждающая до растерянности улыбка чуть заметна. Вообще-то обыкновенный душка – военный.

Да вот вензеле на погонах полковника – императорские! А второе название у этой картины «Судьба» тоже есть: «Царь Николай II», он же и последний царь династии Романовых.

А с верхнего угла этой картины смущенно смотрит первый царь династии Романовых Михаил. Ведь его чуть ли не насильно заставили царствовать после смутного времени – польской интервенции и череды самозванцев – царей Лжедмитриев.

Перед коронаванием Михаил горько плакал – думал, что его на плаху ведут, не верил боярам. Но на картине он крепко и твердо держит в руках скипетр и державу. Мол, все «соборно и народно, я выбранный монарх».

У Николая царский жезл лежит наклонно на коленях, а руки безвольно опущены вниз. И этим и подчеркивает свой безвольный характер. Да и сейчас говорят деловые люди:

- Хороший, добрый человек – это не профессия, а уж тем более не Верховный главнокомандующий, который сложил свои полномочия во время разгара Первой Мировой войны.

Пленила меня и вторая картина Шляпникова и Гольшера. Центральная часть триптиха называется «За лучшую долю». Левая часть «Атланты», а правая часть триптиха «Реквием».

Что ж поделаешь, если революционный взрыв, потрясший Россию в начале двадцатого века, высвобождает веками накопленной энергии, что не нашлось во всем мире такой силы, чтобы она смогла удержать огненную лаву вулкана народного гнева.

Энергию бунта создала злоба из-за того, что простых россиян считали быдлом, серой послушной массой и, конечно, мечта о своей лучшей доли.

Вот эта мечта и объединила в едином революционном порыве столь разные по философским взглядам и менталитету людей.

А зарево на заднем плане картины, ее фон и есть этот внезапный взрыв энергии. А взрывная волна, языки пламени, черный дым, комья земли толкают в спину вторую волну – конную лавину. И эта конница – символ революции 17 года.

И вот, что писал Алексей Толстой:

– Сорвались кони с цепи, вырвались на простор – и до самого океана их не остановишь!

Подразумевается в этой фразе Алексея Толстого Тихий океан. Но я уже в рукописи упоминал еще одну уникальную фразу:

– Но океан с названием с кротким Тихий, лишь притворился Тихим – он Великий!

Первоначальный замысел живописцев после долгих раздумий и поисков они отбросили. Они хотели сначала на заднем плане показать кирпичную стену. И всадники взяли и спасли ее и попятились без всякого замедления вперед...

И никто не спрашивал друг друга – кто прав, а кто виноват. Все они пошли воевать за лучшую долю.

А правофланговым стал Николай Островский! Он после Гражданской войны осмыслил процессы кристаллизации бесформенной огненной лавы революции и издал книгу-роман «Как закалялась сталь!». Но рядом с Островским скачет и Нестор Махно. Какие только легенды не складывали о «батьке», самостийном атамане.

Был в этом «гуляй-поле» и другой атаман батька Ангел. Так вот на задней стенке его брички было написано: «бей белых – пока не покраснеют! Бел красных – пока не побелеют!»

А Семён Будённый, создатель первой Красной конной армии, создал для своих всадников «буденовки» – шлемы с острым шипом наверху. Как когда-то носили такие шлемы русские витязи.

На картине Шляпникова и Голышева мчится на боевом коне князь Кропоткин, который создал теорию об анархии, месть порядка. И этот лозунг развеивается на черном знамени анархиста.

Прославился тогда и Максим Горький, создавший легенду о Данко, который вырвал свое горячее сердце из груди и как факелом освещал путь своим соратникам в мрачном лесу, чтобы вывести всех людей в светлое будущее.

Хорошо известны и имена полководцев, взлетевших на вершину власти Ворошилов, Чапаев, Фрунзе. Песни про них сочиняли: «Веди нас в бой, товарищ Ворошилов, советский маршал, боевой нарком...». Да и про Чапаева много легенд ходило: «Гулял по Уралу Чапаев – герой, он первым стремился в отчаянный бой!»

Да и Михаил Фрунзе стал легендой. Чтобы опрокинуть и выбить белогвардейцев в море, он с бойцами форсировал во время отлива Сиваш и пришлось белякам поспешно садиться на корабли и отправляться искать прибежище в Турцию.

Но другие остались в России и об этом говорится в песне:

– Летят перелетные птицы в осенней дали голубой. Летят они в дальние страны, а я остаюсь с тобой. А я остаюсь с тобою, родная моя сторона. Не нужен мне берег Турецкий, и Африка мне не нужна!»

А поэт Владимир Маяковский говорил в стихах о самой светлой дали: «Светить везде, светить всегда, до дней последних, до конца! Светить и никаких гвоздей! Вот лозунг мой и Солнца!»

Что ж, пролетели, пронеслись всадники, протопали, прохрипели кони. А что же осталось от разломанного проема справа и слева? Так в Интернационале пелось: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья...» А зачем?

А в середине триптиха я увидел русского крестьянина, стоящего на коленях. Есть такой в русской речи оборот: «Припереть к стенке». Крестьянин к стенке и приперт – некуда ему дальше пятиться. Но ведь еще есть бойкая фраза: «Поставить к стенке!», то есть запросто расстрелять. И такое было...

А если снова взглянуть на красноармейца с винтовкой на плече и в буденовке, то штык винтовки уже проткнул белый листочек, на котором написано заглавие: «Декрет о мире и о земле». Оказывается, что декреты – обыкновенная бумажка, вроде пропуска? Но если посмотреть хорошенько на лицо крестьянина, который стоит на коленях, то в нем можно узнать черты лица Шляпникова.

И как тут не вспомнить об Атлантах Эрмитажа, Зимнего дворца:

– Когда на сердце тяжесть и холодно в груди – к ступеням Эрмитажа ты за полночь приходи. Где без воды и хлеба, забытья в веках Атланты держат небо на согнутых руках. Держать его, ребята, легко со стороны. Ведь согнуты их спины, колени сведены. Но без воды и хлеба, забытые в веках, Атланты держат небо на согнутых руках».

За точность формулировки я не ручаюсь, но облик Атлантов показан точно. Я вспоминал про Тихий океан, а послушав эти стихи об Атлантах вспомнил и про Атлантический океан.

Но все-таки на русском крестьянине наша земля и держится. Ведь он и кормилец и поилец народной. А его взяли и на колени поставили и хлеб насущный от него отобрали.

Повозка же, нагруженная зерном катиться на зарево пожара. И никому это зерно не достанется, а сторит в огне. Гори, гори ясно,

чтобы не погасло.

Вот и наворачиваются у крестьянина слезы, слезы несбывшихся надежд. И мне вспомнилась уже песня, которую написала поэт после Великой Отечественной войны:

Враги сожгли родную хату
Сгубили всю его родную...
Куда ж теперь идти солдату
Куда нести печаль свою...
Пошел солдат в широко поле,
На перекресток трех дорог.
Нашел солдат в широком поле
Травой поросший бугорок.
«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой...
Хотел я выпить за здоровье,
А вышло пить за упокой...»
Сидел солдат, слеза катилась,
Слез не сбывшихся надежд.
А на груди его светилась,
Медаль за город Будапешт!

А справа в триптихе картина называется «Реквием». Да это траурная похоронная музыка звучит в картине Шляпникова и Голышева и «Реквием» исполняет на скрипке муза, которую зовут Культура.

Сгорая в огне, культура обронила скрипку, но душа-то культуры возродилась в виде молодой обнаженной женщины, которая воспарив в воздухе с прекрасной и изящной фигурок. А между ног она положила легонький белесенький шарфик, чтобы прикрыть лобок от посторонних взглядов. Зато пышные груди открыты для зрителей. Но и им полюбоваться красотой культуры вряд ли удастся. Ведь культура вознеслась в небо и вместо перины она улеглась на белоснежное облако.

Но даже в небе ей установлено тюремная решетка. Но разве самые прочные решетки никогда не могли преградить культуре звуки музыки, которые издает ее народная душа? А вот рядом с колонною виднеются кресты кладбища. На одном из этих крестов повешена буденовка. О такой ли доле мечтал тот человек, который

совсем недавно носил этот головной убор?

Следующая картина Шляпникова и Голышева называется «Противостояние». В августе 1991 года с 18-го по 20-е рухнул Советский Союз и привило ГКЧП. Страна замера и по всем каналам телевидения показывали балет «Лебединое озеро». 19 августа члены ГКЧП (государственный комитет чрезвычайного положения) провели брифинг (пресс-конференцию) в прямом эфире. Их дрожащие руки после ночной попойки и невнятные ответы на вопросы, уверенности сторонников членов ГКЧП не придали.

Разные были мнения у людей тогда по этому событию. Да и сейчас отношение к нему неоднозначное. Это было не противостояние коммунистов и новоявленных демократов, а противостояние нашей Родины и стран Запада, в основном Америки. Правда в народе уже тогда называли демократов «дерьмократами».

И весь этот пахучий синдикат хотел разговаривать только с любимым Горби, а он затаился на время в Форосе.

Шляпников и Голышев это «противостояние» увидели по-своему. Их картина «Противостояние» была чем-то похожа на кошмары Кафки, на сны его чудовищ. Откуда появились эти чудовища? То если хорошо приглядеться, то можно увидеть купол американского Пентагона, Триумфальную арку Парижа, башню Биг-Бена в Лондоне и флаг Израиля.

А журналист с добродушной, хотя несколько туповатой мордой осла – символ из двух партий Америки, что-то вещает в свой микрофон. Из-под трибуны выглядывает с хищным звериным оскалом пасть, а глаза этой морды жгут горячими угольками зрителей с ненавистью. Другое рыло держит микрофон, от которого снизу вместо шнуров выползают шипящие, ядовитые головы змей. Их раздвоенные зыки устремились к озеру. Но над этим лебединым озером нет символа ГКЧП. Это три союзных славянских республики Россия, Белоруссия и Украина. И все они стараются избежать змеиных укусов и уклониться от горбоносого грифа-стервятника, который любит клевать падаль.

Разговоры о демократии оказались только сладостью для слуха Горбачева, а фактически это противостояние за словесным туманом. И три белоснежных лебедя среди всемирного кошмара лжи о любви Запада к России и мечутся под водой. На картине показан только их взлет. Ведь противостояние только начиналось.

Но именно тогда я написал вот такое стихотворение, которое потом многократно упоминал при выступлениях:

Три сестры, три славянских лебедушек
Над озерною гладью взлетели.
Задурманил туман им головушки
Дружбу их замели метели.

В той стране могучей великой,
В той войне, где горела и сталь,
Недобитки фашистской крики
Оголтело орала: «Зиг хайль!»

Но напрасно старались уроды
Заграница ведь им не поможет.
Вокруг мира сплотятся народы
И безумных подонков спугнут!

Через два года после ГКЧП произошло другое страшное событие – расстрел Белого дома. Расстрелять здание собственного парламента под зловередные репортажи из враждебно относящихся к России государств в прямом эфире – такого не бывало в мировой практике. И командовал этим расстрелом Президент России Борис Ельцин. Вот это демократия так демократия. Танки прикатили в Москву и стал в упор расстреливать Белый дом. А от ударов снарядов стены стали с черными пятнами.

Видели эти кадры расстрела Белого дома из пушек и Шляпников с Гольшевым. И они написали картину, которую живописцы назвали «Тайная вечеря». И после очередного стресса они вдруг поняли, каким должен быть сюжет этой картины. А подсказал им Леонард да Винчи. Ведь и у него было создано полотно с таким же названием. Но их сюжет был совсем не похож на сюжет этого уникального живописца. Ведь на тайную вечерю собрались двенадцать апостолов Христа. А он произнес фразу проведения: «Сегодня, этой ночью, один из вас предаст меня!» И на их лицах отразилась огромная гамма чувств: негодование, недоумение, у кого-то даже спокойствие, мол не может такого быть!

Но никто из них ведь не знал, что Иуда уже получил свои злосчастные тридцать серебряников, тридцать тетрадрахм.

На другой картине Шляпникова и Гольшева на театральной сцене стоит стол, а на нем тоже лежит тело женщины. Но только

оно не покрыто белой простыней, а российским флагом-трехколом, словно национальному герою. На ум сразу приходят строчки поэта: «Где мир гудел, там гроб стоит». Но в отличии от Леонардо да Винчи среди «актеров» нет друзей России, а только одни заклятые враги. да и не актеры они вовсе, а закулисных дел мастера.

Слева и справа на картине живописцев висят тяжелые, темные кулисы, а занавес открыт: «Любуйтесь, нет теперь на свете Российской Империи». А сзади на сцене с циркульными полуарками светятся декорации или в самом деле три окна в помещении, где проходила тайная вечерня мессии!

И в среднем самом широком окне виден Белый дом и площадь перед ним. На этой площади и происходит столкновение белых и красных. На подоконнике с левой стороны, как полагается, левые коммунисты подняли красный флаг, а правые подняли белое знамя.

В правом маленьком окошке танцуют три девушки. Но это не балет «Лебединое озеро». Непристойная скорбная группа балерин нескладно исполняет танец маленьких балерин. Куда-то делась лебединая стройность и красота танцовщиц.

А в другом окне пляшет кордебалет. Свои ноги девицы задирают выше головы. И таких раскормленных, ядерных тел у балерин то не бывает, что поделаешь гротеск. Зато бывает у этих девиц жажда интимного наслаждения и они готовы исполнить этот сладкий танец в постели какого-нибудь мужчины.

Зато в левом окошке видно огородное пугало. На нем не драчная одежда деревенского мужика, а китель и фуражка генералиссимуса. Но стаю воронья, летающую над огородом не пугает чучело в наряде. Не пугаются и не боятся пугало вороны, а ищут чем-нибудь поживиться. Зато в другом окне, где летает воронье стоит Гитлер. Он, подняв голову, от умиления закатил глаза.

– Боже! Неужели это свершилось. И Россия лежит поверженная наземь – восклицает диктатор. И тут же Гитлер спохватывается и недоумевает:

«Почему же это сделал не я, волевой, жесткий человек? А не эти безвольные тряпки, алкоголики, которые стоят в уголке у кулисы?»

А около кулисы стоял Бил Клинтон с Борисом Ельциным. В

руках Ельцина бокал со спиртным. Пропивает или поминает свою матушку Россию?

После, посмотрев на эту картину, где стоят рядышком Ельцин и Клинтон, я сочинил одно стихотворение:

Вот такая загогулина
Вышла понимаешь
Так значит, что не страна загублена
Гражданин, товарищ!
Иль быть может господин
Или просто барин?
нынче титул лишь один:
Он – российский парень.
Ну а мистер, гер иль сэр
Вовсе не мессия?
Нет страны СССР
Но есть страна Россия!

А Ельцин на картине живописцев единственный из сотрапезников спиртное не допил или же допил его на добавку. зато пустые бокалы и стопки стоят на столе пустыми.

Одна стопка с вином опрокинулась около головы лежащей женщины и красное пятно расплзлось по скатерти. А может это не вино, а кровь из раны женщины расплзалась по скатерти?

В общем вино или кровь пролилась непонятно. А оба президента отвернулись от стола: Мавр сделал свое дело, Мавр умывает свои руки...

В жизни фигура Ельцина помощнее и повыше Клинтона. А на картине Клинтон возвышается над Ельциным. И это весьма символично.

В противоположном углу стоит Яков Михайлович Свердлов. В жизни он был ниже Ленина. А на картине Свердлов возвышается на голову Ленина. Да и лицо-то у Владимира Ильича хмурое, угрюмое и даже немного злобное. Необычно подан художниками образ Владимира Ильича. Ну нет на его лице добродушного прищура глаз и лукавой улыбки мудреца. зато на переднем плане, рядом с головой женщины сидит на стуле subtilный, яйцеголовый, лысый субъект с фотоаппаратом. Что это? Аллегория продажной прессы? Да папарацци потому и на стул уселся, чтобы дожидаться

того момента, когда душа покойной женщины полетит в небеса?! И он должен это событие зафиксировать. Во, снимок-то получится! Вот он и сидит рядом с головой умирающей женщины. И не хочет замечать, что на нее падет венец из колючей проволоки. А ведь эту деталь не каждый зритель сможет заметить. Темно-русые волосы женщины сливаются с темной ниточкой колючей проволоки. А зритель видит на картине только злопыхателей... А может быть есть кто-то из доброжелателей?

Да только аура на сцене какая-то необычная. Воздух затуманен табачным дымом, хоть топор вешай. А запахи как в пивной. Хотя стоят и сидят вокруг стола не простые полупьяные забулдыги.

В бархатной рубашке, с широким воротом, как у монашки (все-таки не зря считался «серым кардиналом» Ельцина) стоит Бурбулис. В руках он держит игрушку-неваляшку «Ваньку-встаньку». Играет на невидимой виолончели похоронный марш Ростропович. Почему он оказался в этой компании, только Богу одному известно. Авторы своих замыслов же не открывали «Кто есть!» на этой картине.

Если на триптихе «За лучшую долю» скачет на коне писатель Аркадий Гайдар, то в образе его героя в детской повести «Военная тайна» есть персонаж мальчиш-плохиш. А живописцы в «Тайной вечере» ИЗОБРАЗИЛИ Егора Гайдара, внука командира полка Аркадия Гайдара. Он изображен рядом с Львом Троцким, вдохновителем перманентной революции, такой же бесконечной как и Гражданская война.

А в самом центре картины расположились двое: Егор Гайдар, внук Аркадия Гайдара, который в детской повести «Военная тайна» изобразил мальчиша-плохиша. Теперь же Егор Гайдар изображен на картине триптиха рядом со Львом Троцким. А в самом центре картины расположились двое: Горбачев и Черчилль – главные идеологи борьбы с коммунизмом в России или, возможно, с нашей страной Россией?

Интересно, что Черчилль выступает с этой идеей, а не железная леди Тэтчер, с которой был дружен Михаил Горбачев из-за его знаменитой фултонской речи. С нее то и началась сразу же после окончания Второй Мировой войны уже холодная война всего прогрессивного мира с СССР, то есть с нашей страной Россией.

На картине Горбачев в экзальтированном экстазе повернулся к английскому премьеру Черчиллю. Поэтому и поражен непривычный нашему глазу смокинг дипломата, а военный френч английского офицера. А на его груди висят заслуженные награды.

Горбачев, повернувшись к английскому премьеру, ткнул пальчиком в небо самозабвенно что-то рассказывает молчаливому и невозмутимому Черчиллю. Может быть Горбачев и не обращается к английскому премьеру, а как он ценит свое очень «ценное» выражение «Процесс пошел!» А ведь на самом деле может и пошел этот пресловутый процесс?

А как же! Черчилль внимательно слушает Горбачева, а Ельцин с Клинтоном что-то обдумывают. Жалко, что художники не запечатлели на холсте захлебывающегося от смеха Била Клинтона, когда Борис Ельцин произнес опять какую то нелепую фразу после принятого стакана с водочкой. Но на картине Клинтон какой-то задумчивый. Вот и создалась какая-то пауза, как бы минута молчания о погибшей стране. Но этот факт гражданского почтения к покойным, увы, не зафиксирован.

Под скамейкой, где сидит Черчилль кошка играет с мышкой. Неизвестно, как долго в эту забаву кошка будет играть с мышкой. Но в этом случае, увы, не отольются кошке мышкены слезки. А финал кошки с мышкой известен. Кошка, проголодавшись, престанет вести игру. Ведь хищник всегда остается хищником. И он накинется на глупую мышку и слопает ее за милую душу.

Картину «Флотоводцы» Павел Шляпников и Валерий Голышев написали к 300-летию юбилею флота России. Если быть исторически точным, то российский флот родился не на Балтике, не на севере России, а... на юге.

Но тогда, что же Александр Сергеевич Пушкин ошибся?! Ведь он же прославил наш родной Санкт-Петербург вот такой фразой:

– Здесь будет город заложен назло надменному соседу. Судьбою нам предрешиено в Россию прорубить окно.

Петр Первый в Воронеже начал строить корабли на верфи. Но крепостью Азов владели турки. Но русских купцов Азов манил и дразнил. Если бы не было в нем турок, то они могли бы провозить российские товары из Азовского моря в Черное, а оттуда и в Средиземное.

Дальше можно было бы выйти и в Атлантический океан. И Петр Первый штурмом взял крепость Азов еще в 17-ом веке в 1696 году. А корабли построенные на Воронежской верфи он использовал для своей первой победы на море.

На полотне же у живописцев главный флотоводец Российской империи готовит корабли для спуска в Балтийское море. Вот так Петр Первый и проложил морской путь от моря до моря, о котором мечтали и шведы, и поляки.

На картине канатом перекантовано бревно и готовое к спуску на воду судно. Огромный топор воткнут в торец пенька-бревна и ожидает когда же хозяин государства Российской империи вытащит лезвие топора из колоды и примется прорубать в Европу окно!

А Петр невозмутимо покуривает трубочку и готовится отрубить канат. Ведь он хочет его обрубить, чтобы корабль съехал по стапелям на водную гладь Финского залива.

Но главная то цель Петра Первого взять курс на Европейские страны. Момент праздничный и ответственный, но ему не хочется сказать: «Гоп!» пока не перепрыгнешь. А Петр Первый одет не в праздничный наряд. Ведь не зря говорится в народе: «Трудовые будни – праздники для нас».

На ногах Петра Первого обуты крепкие матросские башмаки и гетры на голенастых ногах великого мореплавателя и плотника. И ноги еще утопают в завитках сосновых стружек. А Пётр не успел не только их стряхнуть, а даже не снял кожаный фартук. Никакой помпезности. Он и царь, и плотник, и для людей работник.

Ведь он только что отошел от верстака, где обрабатывал рубанком доску для фальшборта и встал перевести дух посередине причала. Вот так и появилась морская традиция: три первых корабля, три столетия флоту России, три полосы на гюйсе моряков, означающие три великие победы российского флота, выигранные им в сражениях в самом начале пути: Тунгусское, Чесменское и Сипанское. И даже чайки мечутся над пристанью, ожидая момента спуска, чтобы пуститься вслед за судами в открытое море. Ведь где корабли, там и чайки.

А под мачтами кораблей летают четыре амурчика-зефирчика, так хорошо известные любому моряку: норд, вест, ост, зюйд.

Эти ветры и символизируют четыре сегодняшних флота: Северный, Балтийский, Черноморский и Тихоокеанский.

Позади Петра и с его боков выстроилась команда, но более поздних времен, но все равно «птенцы гнезда Петрова» – адмирал Макаров, прославившийся в битве под Порт-Артуром (это он способствовал созданию первого ледокола и торпедного аппарата), затем за ним стоят флотоводцы, открывший берега Антарктиды Лазарев и адмирал Ушаков, завершивший азовские начинания Петра Великого.

«Непобедимые» флотоводцы Османской империи узнали от Федора Иоанновича, что и «небывалое – бывает!». Фамилии же Нахимова и Корнилова неразлучны, как и их воинская слава в Крымской войне. Но война то велась не ахти как, неудобно. И показала, что парусный флот уступает современным линкольнам и миноносцам. Но мужество героических защитников Севастополя осталось на долгие века. да Севастополь тоже прославился: Севастополь, Севастополь, гордость русских моряков!»

Но взгляды снова повнимательней на картину «Флотоводцы». Неподалеку от Петра стоит Витус Беринг, который столько сделал открытий в Северном Ледовитом океане и на побережье Тихого океана, что их не перечсть. И благодаря Витусу Берингу стало известно, что материк Америки находится в сорока километрах от России.

Русскими мореплавателями было освоена и Аляска, русские моряки заходили в порт Сан-Франциско. Легендарная опера прославилась наименования кораблей «Юнона» и «Авось». Вот тебе и поговорочка народная: «Авось – хоть брось, а на чужой каравай – ротка не разревай».

Наши современные флотоводцы Кузнецов и Касатопов прославились во времена Великой Отечественной войны. Про одного морского офицера существует легенда. он был ранен в ногу в самый разгар войны и ему ампутировали ее. Тем не менее он не собирался оставаться в тылу, когда идут бои. Он просился на фронт и, не смотря на великое звание, был готов занять самую низшую должность, лишь бы служить на боевом корабле. Стать хотел новоявленным Маресьевым, только не летчиком, а моряком. Про это узнали наверху и его вызвали в ставку главнокомандующего, и Сталин предложил этому офицеру должность командира

крупного подразделения.

– Иосиф Виссарионович, – обратился он к вождю, – а справлюсь ли я? Ведь у меня нет ноги.

А Сталин, усмехнувшись в усы, произнес:

– У человека, который сейчас на вашей должности вообще головы нет, а у вас только ноги. Справитесь, я в этом уверен!

Неразрывная связь времен и даже эпох звучит в фамилиях и других флотоводцев.

А вот Петр Первый не пускает свою изящную курительную трубочку по кругу, как это любили делать индейские вожди. Ведь они на военном совете курили по очереди эту трубку мира, передавая ее друг другу.

И живописцы Шляпников и Голышев отразили в своей картине эстафету поколений по-другому. Ведь от огонька трубочки Петра Первого и Иосифа Сталина прикуривают свои сигареты, папиросы и другие адмиралы. Выкурят они на берегу последнюю сигарку и уйдут каждый на свой корабль. Поход у них состоится, а матросская слава российского флота, при его небольшом историческом возрасте, будет так велика и громоздка, как и наша страна в целом!

Следующую картину живописцы назвали «Стратеги». Два полководца Великой Отечественной войны Жуков и Василевский стоят в торце длинного штабного стола и рассматривают карту, разложенную на столешнице. Да только Жуков и Василевский возвышаются не над столом. Они стоят как два титана, как два небожителя, а облака плывут возле их пояса. Их головы находятся выше облаков. Но карта, лежащая на столе и сама прозрачна, как и столешница, словно пелена.

И через эту прозрачную пелену видны под картой как движутся танковые колонны, летят под ними эскадрильи самолетов. Взрывы на земле и разрывы снарядов в воздухе. Все, как говорится, слилось в кучу: кони, люди и сотни тысяч орудий в зловещий вой.

Жуков и Василевский как будто под схваткой, но на самом деле они над ней... И сейчас руководят ею в реальном времени и пространстве. А позади под стратегами виден светлый ореол, почти иконописный лик полководца Суворова. Генералиссимус Суворов не проиграл за свою военную карьеру ни одной битвы и создал теорию под названием «наука побеждать». Его крылатые

выражения и сейчас живут во всем мире: «Сам погибай, а товарищи выручай!» и «Надо бить врага не числом, а умением».

Образ Александра Васильевича Суворова за спиной современных стратегов выписан художниками не случайно. Он благословляет их, передает свой опыт и уверенность полководцам: «Наше дело правое – мы победим!»

Написали это полотно Павел Шляпников и Валерий Голышев к 50-летию Великой Победы. И они взяли за основу переломный сюжет войны – Курскую битву. Именно после этого сражения Советская Армия будет идти только вперед, ни разу не отступая.

А слева на картине живописцев видна еще одна фигура Генералиссимуса – Сталина. Он как бы и не вмешивается в битву титанов и стратегов. Ведь Иосиф Виссарионович и стал генералиссимусом после Курской битвы. И дает возможность стратегам Жукову и Василевскому довести до конца, победного конца, эту грандиозную операцию. Но Сталин с ними, он в этой битве и создает в ней то напряжение, которое всегда необходимо для победы. Ведь именно он собрал все ресурсы в единый кулак, чтобы разгромить танковый корпус Гудериана, который бился до последнего патрона и солдата в столице Чехословакии Праге. Кстати, мой отец Виктор Александрович именно в Праге закончил свой боевой путь 9 мая 1945 года. Но фашисты бешено сопротивлялись. И боевой товарищ моего папы погиб в боях уже кучки гитлеровцев, которые их хотели сложить оружие 17 мая 1945 года, через шесть дней после подписания окончания войны Жуковым. И живописцы умышленно не выпячивают Сталина вперед. Ведь он всегда оставался над схваткой. Но и не выпячивают Генералиссимуса вперед. Мавр сделал свое дело и умывает свои руки. Он проводит парад победы на Красной площади в Москве 24 мая. На этом параде присутствовал и Леонид Ильич Брежнев, который был тогда уже в звании генерал-майора.

Роль Сталина в истории неоднозначна оценивается современными философами и политиками, которые не нюхали запах крови и пороха. И живописцы умышленно не выпячивают Сталина вперед, но и не прячут его за кулисы открывшейся панорамы Курской битвы.

Но разве можно забыть мнение патриотов-ветеранов Великой Отечественной войны, которые проливали кровь на полях

сражений и не только в Курской битве. Ведь они ходили в атаку со словами «За Родину, за Сталина!»

И художники не могли не показать на картине Иосифа Виссарионовича Сталина.

И мне остается только сказать:

– Жизнь такова, какова она есть! И больше ни какова...

Следующую картину живописцев Павла Шляпникова и Валерия Гольшера ни назвали одним, но очень емким словом «Хлеб». А как говорится в поговорке: «Хлеб – всему голова!» И вот я смотрю на картину художников: Ночь. Тьма. Грязь... Дорога... По осенней или весенней распутице, по лужам и жирному месиву улицы бредут двое прохожих: женщина и ребенок. Рядом на обочине старик тащит, низко согнувшись, тележку на колесиках. Согнанная спина его почти параллельна с дорогой. И мне показалось, что не старик вовсе ползет с тележкой вдоль обочины, а голодная собачонка крадется за матерью с дочкой. Ведь в руках у ребенка то, что и манит собачку за собой, пса голодного – краюха хлеба. А сзади, слева и справа сияют огни домов. Около ресторанов припаркованы дороги автомобили-иномарки. И бомжеватый старичок готов вот-вот прилечь возле авто на скамейке, ведь он, этот пожилой человек, ослаб и устал от этой тележки, на которую сложил собранные бутылки у пивного ларька. Владельцы же иномарок развлекаются в ресторане в пьяном веселом зале. И, конечно же, не замечают, что бомж почти зачоченел от холода. И тут мне вспомнилось как читал стихи замечательный 90-летний киноактер Георгий Жженев, который отсидел 17 лет на Колыме:

Сварен суп, пора допить приварок
Падает как саван белый снег.
На скамейке возле иномарок
Умирает русский человек.

А слева от матери и дочки стоит величаво церковь. Створки церковных дверей широко распахнуты и свет льется в ночную тьму на силуэты матери и дочурки. Священнослужители и мелькают в дверном проеме. Они как бы зазывают к себе прихожан, которым не по карману ресторанные утехы. Но мама и дочка прошли мимо сияющих витрин ресторана и мимо распахнутых дверей церкви. А девочка-подросток так вцепилась в гор-

бушку хлеба, что никакая сила не сможет у нее отобрать этот хлеб. Они молча идут домой. Ведь родительский дом – надежный причал.

И тут я вспомнил куплет из песни Владимира Высоцкого, который так подходил к этой картине живописцев «Хлеб»:

И ни церковь, ни кабак –
Ничего не свято.
Нет, ребята, все не так,
Все не так, ребята!

А женщина с дочерью – всего два образа из многоликой и многочисленной России. И тут у меня возник вопрос:

– Да и сама женщина, кто она такая? Русская или советская? А может они и есть сама наша Русь?! Может быть выставили ее из теплого родного дома, и она плетется по этой грязной темной дороге безропотно, молча... Лицо ее отрешенное и усталое, а блузка темная – темно-серая. Пуговичка оторвалась на воротничке, и шея бы оголилась. Но воротнику не позволяет распахнуться заколка от украшения какого-то... Но ее украшение не красивая и изящная брошка, а обыкновенная огромная булавка. Так этой женщине она и подходит. А такую огромную булавку в народе называют цыганской.

И тут я подумал: «А не сама ли наша Россия не уподобилась ли кочевому, бездомному народу – цыганам?»

Вот и накинула женщина поверх блузки этот платок. Это вам не романс про темно-вишневую шаль. Платок женщины, в отличии от шали, тонок и невзрачного темно-бурого цвета. И мать положила безвольно свои усталые руки на плечи своей дочери. И идут они вдвоем куда глаза глядят.

А среди мрака и тьмы самое светлое пятно, не пьяное окно кабака, каким бы оно ярким не казалось, а лицо девочки все-таки ярче... Ведь говорится же в народе: «Дети – наше будущее». А девочка сжимает в руках судорожно хлеб – основа всей нашей жизни. Да, пока этой девочке живется очень плохо, но она же представительница нашей страны России. И взгляд ее не потупленный, а дерзкий и уверенный, в котором светится надежда, любовь и вера в свою страну Россию. Так не зря я написал когда-то стихотворение:

Родина моя, матушка Россия.
Люди и земля, в них твоя вся сила.
И сколько б воронья нам не нависло
Но жива страна и жива Россия.

И вод подошла очередь мне рассмотреть картину Павла Шляпникова и Валерия Голышева «Город на заре». Они еще полностью не написали, но свои этюды и композицию набросали. Город этот расположен на холмах с куполами православных церквей, которые виднеются вдали. А на парадном плане возле костра собрались их близки е по духу люди. Приглядевшись, я понял: «Так это же наш старый Оскол. Он и древний, и современный город одновременно». Корнями и стоками уходит Старый Оскол во времена царствования царского сына Ивана Грозного – Федора Иоанновича. Почему город Старый Оскол не занюханный городишка? Да потому, что тридцать лет назад был построен в Старом Осколе электрометаллургический комбинат, переплавляющий железную руду Курской магнитной аномалии в высококачественную сталь. И эта сталь хорошо востребована не только в России, а и за рубежом. И стал комбинат известен уже во всем мире. Руда Курской магнитной аномалии обладает такими качествами, что все магнаты других стран стремятся заполнить сталь из этой руды.

А холмы тоже необычные на полотне «Город на заре». Это казецкие бугры. А на них возвышается конкретная Казецкая церковь. Среди собравшихся у костра видны и художник Юрий Болотов и поэт Михаил Рудаков. Пришла в эту компанию с гитарой, чтобы спеть песню для своих друзей, бард Наталья Стрельникова. Новое поколение поет новые песни. И это здорово, что именно на этой картине новое поколение поет новые песни. Художники изобразили на полотне лики России, нашу Родину во всем ее многообразии. А на переднем плане незаконченной картины виден маленький мальчик, который посадил деревце. Это березка – светлый и красивый символ нашей России!

Дописав свою рукопись книги «Сокровища негиблущее», я поставил дату на последней страничке «7 января – 5 декабря 2008 года». Уже наступил новый миллениум. В дверь постучалось двухтысячное столетие с рождества Христа. Включив телевизор, услышал голос диктора: «Сегодня 5 декабря 2008 года скончался

внезапно Патриарх всея Руси Алексей Второй».

Опять глянул на первую дату и вздрогнул – 7 января. А ведь именно в этот день произошло купание Иисуса Христа в реке Иордан и до сих пор верующие отмечают этот день и в России. А у нас в этот день трещат морозы, реки и озера покрыты толстым слоем льда. Поэтому многие мужчины прорубают во льду прорубь размером два, два с половиной метра в длину и в ширину и принимают свое крещение.

Я опять посмотрел рукопись и увидел заголовок «Книга Первая. Свет истины». У меня закрутились, завертелись мысли в голове и на первой странице рукописи написал стихотворный эпиграф. Притом этот эпиграф я написал из четырех строф. И вот он:

Лихою походкой
Шел Понтий Пилат по алее тенистой
был в белом плаще он с кровавым подбоем
Ту кровь на плаще никогда не отмоешь.
Шагал прокуратор признаться, не смея:
«На плаху без страха идут за идею.
Я, римский наместник, вершина при власти,
Над жизнью Его оказался не властен.
Казнили, но слово Его не забыто,
Хоть всем Он казался страшнее бандита.
Закон-то суров, но ведь это закон...
Какую же истину знал только он?»
И к небу с мольбой обратился Пилат:
«Решению судей и сам уж не рад.
Ответь мне Спаситель, в чем был я неправ?
«Воскрес Я, смерть смертью свою неправ!»

Это было мое первое издание художественного произведения. Хотя стихи я стал писать в раннем детстве. А исторические романы я уже теперь пишу и пишу. Их у меня около пятого десятка, а в рукописи в полтора раза больше. А что поделаешь, ведь дорогу осилит только идущий.

Глава: Переезд в Переезд.

Когда до окончания пятого класса оставалось около трех месяцев, то мой отец серьезно заболел. Я уже писал в начале романа, как мой папа был контужен и засыпан в воронке от снаряда землей. Слава Богу, что из комьев земли выглядывала его рука и санитары откопали моего папу и удивились, что он до сих пор не умер. операцию ему делать не стали, хотя осколок шевельнулся около сердца. Пусть говорят фронтовики, что дважды в одну воронку снаряд не попадает, а в коме побывать Виктору Александровичу пришлось дважды. И в этот раз он выжил.

И с этого момента и началось переселение наших мамы, папы и десяти ребятишек из Семеновщины в Переезд.

В семилетней школе Переезда вакантной должности директора не было, и мой папа согласился работать на должности завуча. Но высаживать десант из двенадцати человек в Переезд вот так сразу без разведки Виктору Александровичу не хотелось. Мы всей семьей погрузили в грузовой автомобиль одежду и посуду в кузов и поехали на место нового жительства только папа и я, чтобы оценить обстановку в Переезде. Папа сел в кабину грузовичка. Там было только два места: для шофера и его. А я забрался в кузов машины и уселся на матрасы, одеяла и подушки. Спереди в кузове мама аккуратно уложила всю посуду, которая не бьется и может спокойно перенести толчки на рытвинах и ухабах: чугунок, сковородки, кастрюльки и ухваты и другую нужную для хозяйки утварь. Посуда была разношерстная: и маленькая, и довольно объемная.

Был апрель, и мои братья и сестры продолжали учиться в начальной школе. А папа уговорил нового директора, чтобы мне выдали справку, что я окончил пятый класс. Ведь оценки у меня еще были в классном журнале довольно приличные. Раз пятый класс – значит и отметки такие же. Предмет чистописание, который я люто ненавидел из-за своей торопливости, остался.

Перед отъездом папа сказал маме:

– Вера, я не знаю в каких мы будем жить хоромах, но постараемся с Володей создать хоть какой-то уют. Говорят в нашем доме есть и русская печь с лежанкой наверху, и небольшая «буржуйка»,

на плите которой можно вскипятить чайник или подогреть еду на обед и ужин. По крайней мере не будем хлебать холодный суп.

А я ответил ему:

– Папа, не жили богато – не надо и начинать. Но я убежден, что все перемелется и будет мука, а не мука...

– Ты, сынок, у меня – оптимист. Только Кольке сейчас около двух лет. А все остальные, в том числе и ты, уже смогут помогать нам с мамой по хозяйству.

От Семеновщины до Великого Новгорода мы доехали часа за четыре. А выехали утром в восемь часов. Поэтому я уже тогда написал стихотворение:

Новгородский край мой милый
Край лесов и край болот.
Не забыть мне Ильмень синий...
Он к себе меня зовет.

По над озером, с туманов
От костра на берегу,
Дым смешался, вскоре встану
И пойду бродить в тайгу.
Где-то тетерев бормочет
Для тетеркиной любви
Разорвать готов он в клочья
Всех соперников своих.

А напротив в перелеске
Ствол осины гол, как кость
Видно заяц здесь наелся
Иль содрал копытом лось.

И с осинкою нет сладу
Вся трясется, страх нагнал
Или заяц косоглазый
Иль могучий великан.

Я люблю бродить по лесу:
Березняк, сосновый бор.
Может быть по тропам этим
Александр Невский шел?

Били немцев, били шведов
Деды, прадеды мои
Весть про славные победы
Разнеслась по всей земли.

Невский дал врагам урок
И пусть крепко помнят в жизни:
«Кто на нас с мечом пойдет,
От меча тот и погибнет!»

Но первое стихотворение я написал еще в Семеновщине, когда мне было около тринадцати лет. И назвал его очень просто «Речка»:

Облака белее снега
Путешествуют по небу.
небо, чисто голубое,
Отражаются рекою.

Вдруг вспенилась гладь реки...
И вихрастые мальчишки
Понеслись вперегонки
Поднимая с шумом брызги.

И опять на речке тишь...
Только ветер озорной
Низко гнет сухой камыш
Над притихшею рекой.

Когда я продекламировал с пафосом и с выражением это стихотворение, то Виктор Александрович сказал мне:

– Ну, Володька, из тебя выйдет толк!

И я добавил шутливо:

– А бестолочь-то останется...

И тут то мы с отцом расхохотались, а потом он одобрительно произнес:

– Нет, Володя, это стихотворение я постараюсь опубликовать в газете «Заря коммунизма».

Спустя много лет меня опять опубликовали в этой газете, но слово «коммунизм» вдруг куда-то исчезло. А зато название этой новой газеты сократилось и осталось сиять только яркое и красивое слово «Заря!». Жалко, что мой папа уже не смог прочитать

новое стихотворение, а редактор газеты «Заря» всегда встречал меня с фразой: «А вот, коллеги, и наш постоянный корреспондент и поэт Владимир Крайнев. Благодаря и его стихотворениям наша газета до сих пор сияет на лирическом небосклоне». А мне осталось только скромно улыбнуться.

А подъезжая к Великому Новгороду, папа мне в населенном пункте Чудово сказал на перекуре, курил то конечно не я, а Виктор Александрович и водитель Вася:

– В Чудово много лет жил и трудился поэт-дворянин Николай Алексеевич Некрасов. Помнишь, как ты читал стихотворение: «Однажды в студеную зимнюю пору я из лесу вышел, был сильный мороз. Смотрю поднимается медленно в гору лошадка, везущая хворосту воз. Шагая вперед и спокойно и чинно, лошадку ведет под уздцы мужичок «Откуда дровишки?» «Из леса, вестимо...» А что у отца-то большая семья? Семья-то большая, да два человека всего мужиков-то – отец мой и я!»

Я спросил его с изумлением:

– Папа, откуда же ты знаешь и читаешь наизусть стихотворения Некрасова?

А он мне ответил:

– Володя, ты что забыл, что я в школе был преподавателем русского языка и литературы. так ты тоже не приbedняйся. В нашей школьной библиотеке в Семеновщине все книги перечитал. И не только русских писателей, а и иностранных классиков: фантаста Жюль Верна, про капитана подводной лодки «Наутилиус» Немо; про писателя Джека Лондона, который писал о золотоискателях на Аляске, да и романы Майна Рида тебе нравились. Ты с удовольствием читал роман «Оцелота – вождь Семипалов». А как ты восторгался, читая другой роман «О Линде Флориде, о прекрасная страна цветов» – так воскликнул первый мореплаватель, ступивший на эту землю.

В Старую Руссу мы приехали утром на следующий день, подремав немного на одеялах в кузове. До Переезда от Старой Руссы оставалось каких-то полста километров. Но еще в третьем классе в Семеновщине, я услышал одну фразу про нашу матушку Россию: «У нас в России только две беды: дураки и дороги!» Разумеется, я реплику про дураков сразу же отбросил в сторону, а когда мы преодолели до Переезда избитую и разухабистую до-

рогу в 50 км за пять часов, то решил тут же: «Да, дороги у нас в стране совсем никудашные, но не только из-за дураков, а из-за огромной нашей страны – России. Про нее написал стихотворение поэт Сергей Есенин:

Десять тысяч в длину государство:
В ширину тысяч около трех.
И одно здесь нужно лекарство:
Сеть шоссе и железных дорог.

Вместо дерева нужен камень,
Черепица, бетон и жесьть...
Города создаются руками,
как поступками: слово и честь!

Но перед поездкой в Переезд мне мой папа, Виктор Александрович Крайнев, рассказал на отдыхе в Старой Руссе о великом писателе Федоре Михайловиче Достоевском. Я и сам читал роман Достоевского «Преступление и наказание». А оказалось, что Достоевский на склоне своих лет проживал в Старой Руссе. До его дома было рукой подать, и мой папа решил мне показать его дом на берегу реки. Он был деревянный, но двухэтажный. За свои книги Федор Николаевич получал солидное вознаграждение. Он построил для ребятишек бедняков или вообще бездомных школу. А между школой и домом Достоевского, писатель построил храм. Дом-музей Достоевского и школа были закрыты, а вот в церковь мы с Виктором Александровичем заглянули.

А потом мне папа рассказал историю про Старую Руссу и про Достоевского:

– В Великую Отечественную войну Старая Русса была стратегическим объектом. Этот красивый древний город переходил из рук в руки от бойцов Красной Армии до загребущих рук фашистов. И, представляешь Володя, что немцы не тронули здание Федора Михайловича Достоевского среди пожарищ. Мне трудно объяснить, что подвинуло немцев не уничтожить в Старой Русси его мемориал.

А я ответил отцу:

– Папа, я уже слышал песню про бои в Старой Русе: «Где ж вы, ребята безусые, что сорок первом году, где-то под Старою Руссою вы заслонили беду!»

– Да, сынок, ты еще тогда не родился, а мои ровесники или даже чуть старше меня, смогли переломать хребет фашистскому зверю. А ведь твой старший брат Саша родился за девятнадцать дней до начала войны – 3 июня.

А я ответил:

– Я все помню папа, все помню. Когда мы жили в Семеновщине Сашка окончил курсы счетоводов и стал работать в бухгалтерии. Около Семеновщины была деревня Яблоневка. До нее было каких-то полкилометра и на обед ему я приносил или кашу, или испеченные на сковородке оладушки. И чтобы есть Шурику не в сухомятку я приносил ему бутылочку с клюквенным морсом. Как рад был Сашка, когда я появлялся на пороге бухгалтерии.

– Да – согласился с грустью в голосе Виктор Александрович. – Ведь я и назвал первого сына Александром в честь моего отца Александра Павловича. Но проклятая война исковеркала жизни нашей семьи. Моя жена Вера Михайловна так радовалась, когда у нас родился Сашок. Но сколько она пережила за войну никто кроме меня не знает и не подозревает. Поэтому у меня надежда только на тебя сынок. Не подведи меня.

– О чем ты говоришь, папа? – возмущенно ответил ему я. – В лепешку расшибусь, а сделаю все как надо.

– Эти слова не мальчика, а мужа – кивнул головой мой папа Виктор Александрович.

И эти слова отца я никогда не забывал...

И вот Переезд. Водитель приостановился около магазина и клуба, в котором проводили колхозные собрания, а вечерами крутили кинокамерой интересные фильмы, и спросил у женщины, дом которой был напротив клуба:

– Дорогуша, а как нам проехать к дому, в котором будет жить семья Виктора Александровича Крайнева?

А женщина оказалась боевой и ответила с достоинством:

– Меня зовут тетя Рая. А дом в конце этой улицы около пекарни. Земля слухом полнится и я знаю, где будет жить огромная семья Виктора Александровича Крайнева. Правда этот дом пятистенок на две квартиры. Та, которая ближе к пекарне, принадлежит учительнице по зоологии и биологии Евдокии Лаврентьевне и ее мужу Илье Павловичу. Он учитель физкультуры.

Папа же ответил Раисе:

– В тесноте, но не в обиде.

А Рая оживленно ответила:

– У нас с учителями всегда были проблемы. А тут сразу же завуч приехал. За лето как раз обживетесь. ведь зарплата, я уже узнала, у вас будет такая же как и в Семеновщине – 120 рублей, когда в наших колхозах рабочие получают трудовни: от 60 до 80 рублей. Поэтому вы, Виктор Александрович, ничего не потеряете, а станите привилегированным человеком. Да и лекторов у нас нет. А я узнала, что политической информацией вы владеете прекрасно. будете нам в клубе перед кинофильмом лекции читать.

Когда мы подъехали к своему дому, около распахнутой калитки в палисаднике уже стояли наши соседи Евдокия Лаврентьевна и Илья Павлович. Евдокия Лаврентьевна представилась папе и сказала:

– Я тут с Ильей у вас в квартире порядок навела. Есть печь, сделали заборку-перегородку из досок и покрасили такой же желтой красной что и пол. В зале письменный стол и можно установить кровати, а на кухне, возле печки, тоже поставили стол, на котором можно обедать сразу всей семьей. На одной скамейке поместятся шесть человек и на второй столько же.

Мой отец ответил гостеприимным учителям:

– Уважаемые Евдокия Лаврентьевна и Илья Павлович, спасибо Вам за гостеприимство. Надеюсь, что мы будет добрыми соседями.

В ответ Евдокия произнесла:

– Хорошо, будем дружить семьями.

А Илья Павлович подошел к моему папе и на ушко ему шепнул:

– К сожалению все удобства у нас во дворе. Но я же не знал, что у вас такая оригинальная и огромная семья. Поэтому я для вас сделаю еще один туалет, но покрупнее и на две половины: женский и мужской.

– Низкий мой поклон вам Илья Павлович. Но скоро лето и мы с Володей займемся благоустроить нашу квартиру и огород. А если вы покажите мне отведенный нам участок для сенокоса, то буду вам благодарен.

– Неужели, Виктор Александрович, вы будете заниматься такими крестьянскими делами? – спросил Илья, а папа ответил:

– Мой Володя привык к любому труду. А когда приедет наша

орава, то они, как муравьи, и крапиву для кроликов серпом заготовят и дрова для печки буржуйки в лесу заготовят.

Потом папу отвел в сторону Илья Павлович и тихонько спросил его:

– Хочу задать вам Виктор Александрович один деликатнейший вопрос.

А папа ответил:

– Так задавайте же!

И услышал:

– Почему же вы, Виктор Александрович, решились завести такую огромную семью из десяти ребятишек: шестеро мальчиков и четыре девочки?

Я напряг слух и услышал:

– Я на фронте, зная немецкий язык, ходил с бойцами в тыл к фашистам на разведку, так они, когда мы брали «языка» и тащили его заткнув тряпкой рот, то при обстреле они своими телами закрывали меня от пули. Потому что им нужен был пленный немец только живым. А я как переводчик слышал и переводил команды фашистов. Поэтому осталось из двадцати разведчиков в живых только четыре человека. Так мне же необходимо теперь пополнять наше народонаселение.

И после Илья Павлович никогда не задавал папе подобных вопросов.

Но пока мы с отцом дожидались маму и еще девятерых ребятишек в Переезде, он знакомился со школьными учителями и начал преподавать. Мой папа решил см помощью Илья Павловича завести кроликов. Ведь на одной картошке и каше можно и ноги протянуть. Отец приходил с работы и говорил мне: «Бери, Володя, пилу-двуручную, которую мужики называют дружба-два, и топор, будем строить крольчатник. Но сначала нам нужно заготовить доски для кроличьих клеток.

Я молча брал в руки пилу и топор и следовал за отцом через весь наш огород, в котором из-за нашей громадной семьи было по двадцать пять соток, а тридцать пять. Когда мы с папой доходили до конца огорода, то приходилось нам подлезать под жерди изгороди и пересекать дорогу на село Корабинец, которая проходило вдоль реки Полисть. На другой обочине дороги уже начинался лес. В нем росли ольха, березы и осины. И именно осины и интересовали моего

папу. Когда он сказал про осины, мне вспомнилась одна песенка:

– А дубы-колдуны, где трепещут осины, у поганных болот, чьи-то тени встают. В полночь косят траву зайцы тут на поляне и от страха все быстрее песенку поют: «А нам все равно, а нам все равно. Пусть боимся мы волка и сову. Но под новый год, каждый новый год мы без страха уж косим трын-траву!»

Но пока косить траву не собирался. Он собирался сделать крольчатник.

– Папа, – спросил я, – а откуда мы возьмем доски для крольчатника. Да и самих кроликов то лопоухих у нас нет.

А он мне ответил:

– Видишь стоит толстенная осина. Я сначала ее подрублю топором около самого корня, а потом подпилим и внизу ствол. Упремся плечами в дерево, и оно рухнет на землю. Потом обрубим ветки и распилим осину на чурбаны длиной метр, метр двадцать. Потом поставим на «попа» и будешь держать топор вертикально на этом чурбане, а я стану колотить вот этим молотком пока не отломится первая доска толщиной три-четыре сантиметра.

Я обрадовался и сказал:

– Три на три – дырка будет, но как ты хорошо придумал изготовить доски для крольчатника, папа!

А отец улыбнулся и сказал мне:

– Поживешь с мое и поймешь, что мудрость приходит не сразу. Зато ошибок и шишек можно наделать и набить, когда будешь мельтешиться, суетиться. Думай головой и не становись бестолочью.

Я проворчал:

– Папа, а индюк, говорят, думал, думал да в суп попал.

А папа мне ответил:

– Но мы же собираемся растить кроликов, а потом уж варить суп из крольчатины. Для начала мы купим у одного кролиководы две семейные пары кролей. Ты отведаешь не только суп из разных круп, а и с ароматным бульоном из кроликов.

Я пожал плечами и с недоумением заявил:

– Четыре кролика на нашу семью маловато харчей при нашей то ораве. Куснешь «ам», а мяса крольчатины уже как не бывало...

– Что я тебе могу сказать, Володя?! – усмехнулся отец. – Не жили богато – нечего и начинать. А на чужой каравай рот не разевай.

И мне пришлось ответить ему:

– Папа, я же никогда не разевал рот, чтобы урвать кусок хлеба у малышей. Ведь Шурик не в счет. Ему и так трудно было работать в Яблоневке и я приносил ему что-нибудь на обед. Но если они будут есть кроличье мясо, то будут выглядеть поздоровее, чем сейчас.

Вскоре мы с папой соорудили крольчатник для четырех пар и клеток-вольеров было тоже четыре. Прозорливость моего отца помогла нам питаться лучше.

Потом мы, до приезда мамы с ребяташками, вспахали огород лошадью, ведь он в полтора раза больше, чем у других хозяев в Переезде. Папа договорился с мужем соседки тети Насти, который на лошади ездил в районный центр Белабёлку, чтобы дожидаться «почтовку»-попутку и загрузить всю корреспонденцию и почтовые посылки для жителей.

Дороги разбитые и никакой автомобиль не доберется из Белабёлки до Переезда. Но когда Павел подъехал на лошадке до села Леши, которое уже примыкало к реке Полисть. Мы с папой встречали дядю Павла потому что он хотел первым получить весточку от мамы. Она писала трогательные письма и первым их читал отец, а затем уже и я.

У Павла с Настей была хорошая семья – трое сыновей. А раз подружились взрослые люди, то я до приезда мамы познакомился с сыном тети Насти Мишкой, а затем Вовкой, он был младше Михаила на два с половиной года.

Маленького мальчика Василька мы в расчет с Мишкой не брали. Он был молчаливый и оживлялся, когда ему Миша предлагал на закорки за его широкой спиной. Спина у Мишки была широченная, как у борца Поддубного, который на арене цирка боролся с силачами-атлетами мира. Но никто из иностранных атлетов не смог побороть русского Ивана Поддубного. Я уже читал в книге из папиной библиотеки, что один подлый, хотя тоже и талантливый борец, чтобы побороть Ивана намазал свое тело какой-то скользкой мазью. Но и Поддубный понял, почему его партнер выскальзывает из его мощных рук. Иван, протерев ладони песком с арены, сделал на этот раз захват сзади за пояс, на животе то смазки у него не было, и мощным броском через голову уложил на арену. Победа и на этот раз осталась за русским силачом.

Мне же казалось, что Мишка останется таким же корена-

стым крепышом навсегда. Но не тут-то было. Его фигура стала не только коренастой, как у его отца Павла и матери Анастасии. Тетя Настя была ростом даже немного выше на несколько сантиметров Михаила – старшего. Поэтому ему достались гены от обоих родителей. Уже в лет пятнадцать-шестнадцать Михаил Михайлович взял гены от мамы. Она была стройная и высокая женщина. А отец его передал сыну свою мощную фигуру: высокую и широкоплечую.

Но отстранимся, уважаемые читатели, от семьи Ботаровых и вернемся к тому моменту, когда мы с папой занимались делами семейными.

Речка Полисти, а она была шириной в пятьдесят-семьдесят метров, в зависимости от разнообразного ландшафта местности, где река становилась бурной и порожистой с камнями-валунами, около которых крутились омуты-водовороты. А то вдруг Полисть притихала и величаво катила ствол воды из озера Полисто на север, где разделяла на несколько рукавов: Спасская Полисть, Нижняя Полисть. Хотя мне казалось, что никто Полисть не спасал и не унижал. Она и была то похожа своим характером на моего друга Мишку. А может быть чуть-чуть и на меня. Поэтому и любили мы не только речку, а и ее обитателей. Около осоки вдоль берега мы с Мишкой ловили раков. Они были черновато-бурого цвета с огромными клешнями и усами, а управляли в воде свои движения гибким и широким хвостом.

А когда в чугунке вскипала вода, то раки-забияки уже задавали бою-драки, хоть и пятятся назад, а усами шевелят, они замирали и стыдливо краснели. Не зря же в народной поговорке фигурирует такая фраза: «Покраснел от стыда как рак»!.

И восхищаясь Полистью я и написал в тринадцать лет стихотворение «Речка»:

Облака белее снега
Путешествуют по небу
Небо чисто голубое
Отражается рекою.

Вдруг вспенилась гладь реки
И вихрастые мальчишки
Понеслись в перегонки
Поднимая с шумом брызги.

И опять на речке тишь
Только ветер озерный
Низко гнет сухой камыш
Над притихшею рекою.

А мой папа, Виктор Александрович, почему-то не любил есть смачных раков, зато любил ловить рыбу: плотвичек и окуньков. И почему-то он не лакомился ни рыбой, ни раками. Раков уминал я, а рыбу отдавал мне на уху. Наворачивал я уху, съедав за один присест три-четыре куска ароматного серого хлеба.

Папа получал зарплату в 120 рублей в месяц, а мама только пособия на нас – ребятишек. Но когда она вышла на пенсию, то за десятерых ребятишек, выращенных и получивших среднее-техническое, а у Женьки и у меня высшее образование, получила моя мамочка пенсию о-о-о-огромную: 15 рублей.

Но все мы, ребятишки, когда стали сами получать зарплату, то каждый из нас посылал маме Вере Михайловне по десять рублей. Кто хорошо знал математику, то подсчитывали очень скрупулёзную добавку к мамой пенсии. И оказалось, что если прибавить к нашим переводам денег, да ее огромную пенсию, то получится, что она вдвоем с папой Виктором Александровичем, получают денег одинаково: по сто двадцать рублей на нос.

А где же тогда можно было надежно хранить деньги как не в Сбербанке? Так вот папа, получив пенсии по 120 рублей за три месяца, одним махом превратился в богатенького Буратину. Правда Виктор Александрович никогда не соглашался слушать советы лисы Алисы и кота Базилио, что если закопать в землю перед полнолунием пять золотых монет сольдо, то к утру вырастит дерево, на котором вместо листьев будут висеть очень много-много, что не пересчитать, этих золотых звонких монет.

Папа, чтобы у наших малышей было всегда молоко, купил козу-дерезу. Потом, когда приехала мама с ребятишками, они купили и корову с прекрасным именем Марта. Коровушка-то родилась в марте. Вот мама и назвала свою коровушку и нашу кормилицу Мартой. Правда с молоком для меня была большая проблема. А вернее проблемы-то у меня не было никакой. Все молоко уходило маленьким ребятишкам, а у моей мамочки пропало в груди молоко после рождения пятого ребенка Василия. Поэтому меня чета Ботаровых, Настя и Михаил, приглашали отведать обрат. Для

многих современных читателей «обрат» был бы восклицанием «О, брат!», а на самом деле обрат – это обработанное на сепараторе молоко особой жирности. Сепаратор отделяет в одну сторону масло, а в другую этот обрат. Если в обрате попадались мне хоть парочка крупинок или мягких кусочков сливочного масла, то это была такая награда для меня. Мне не забыть мне вкус сливочного масла, который я запомнил на всю жизнь.

А Михаил Ботаров-старший научил меня пахать плугом наш огромный огород. На повороте около другого конца огорода мне было тяжело развернуть острие плуга в другую сторону, и апостол Павел мне подсказал:

– Ты, Володя, положи плуг на бок лемехом, потом возьми коня под уздцы и поставь его рядом со соделанной бороздой. Вот так и вспашешь ты под моим началом весь огород. Я вижу, что ты хоть и худенький, но крепкий и жилистый мальчишка.

А директором в школе была женщина – Фаина Михеевна. Мой друг Мишка любил, когда никто его не слушал, распевать одну задорную песенку: «Шея, шея, шея у Михея, у него она длинна, как у гуся шея.» Мне же этот напив напоминал, что Мишка поет гимн самому себе и якает: три раза «я» звучит у него подряд в трех словах «шея.» Потом в редком имени не созвучное и с именем Миша-Михея. А потом в конце фразы в двух словах с «я» в слове «гуся» и уже изжеванном словечке опять же в слове «шея». Песня быстро заразила все друзей и знакомых Мишки. Они, увидев его легкую походку, сразу исполняли эти симфонию: «Шея, шея, шея и у Михея...» и так далее.

А Мишка мне потом признался:

– Муж Фаины по слухам прислуживал гитлеровцам не явно, а тайно и расстрелял мирных жителей в селе Починное, где был и колхоз. Но каратели всех жителей в начале марта выгнали на лед Помяти, а потом из минометов утопили в водах реки трупы погибших. Несколько раненых женщин, когда полицаи обследовали «ледовое побоище», пристреливали в упор. Но три или четыре женщины, затаив дыхание и преодолевая сильную боль пролежали на льду Помяти до ночи и смогли добраться до партизан.

Рассказал мне мой закадычный дружок Миша, как Михей скрывался на болотах около озера Краснодарское. Если не знаешь

трещинки к «островкам» – сухих мест на топком болоте, то, как сказал мне на ухо Мишка, будет этому человеку хана. Засосет его болото и последнее, что услышит этот бедолага только четкие звуки: буль, буль.

Зато на «островах» сухих и с твердой почвой можно отсиживаться годами. Если иметь топорик, ножовку и острый, хорошо отточенный нож, то природа не даст умереть с голода никому. А землянка поможет выжить даже в лютый холод.

Мишка мне говорил:

– Володя, да снежные сугробы на болоте были для землянок, как белое и пушистое покрывало.

Я запомнил этот образ и, повзрослев, написал лирическое стихотворение:

Любимый, дорогой мой человек,
Я знаю о тебе мало и так много...
И наши чувства точно первый снег,
В котором не проложена дорога.

А радость? Не заметит лишь слепой!
Кипит, бурлит, как речка в половодье
И сердце бьется, потеряв покой,
Летит как всадник, бросивший поводья.

Я замечаю грусть, печаль в глазах твоих
Хоть нет на них ни облака, ни тени
И свет, который нужен для двоих
Сияет, плещет синевой весенней.

Любимый, дорогой мой человек
Я знаю о тебе так много и так мало.
И наши чувства, словно белый снег
Укрывший землю снежным покрывалом.

А время летит быстро. И наконец-то приехали к нам в Переезд с мамой все девять наших ребятишек: от Шурика до малыша Кольки. Мама обошла свои владения и стала раскладывать посуду по полкам на столе, а около печи чугунок и ухваты. И спросила папу:

– Витя, у меня есть большая бадья, чтобы можно было замесить тесто для хлеба, а формочки для буханок у меня нет. Может

быть ты зайдешь в пекарню и выпросишь у пекаря хотя бы штук десять этих формочек?

– Вера, да Володя быстрее меня с пекарем договорится.

И я тут же отозвался:

– Мама, конечно же я сбегаю. От нашего дома до пекарни совсем недалеко. А я одна гона здесь, а другая там! Но мука-то разве у нас есть?

– Ты, Володя, не сомневайся. Ведь продукты, пока ты занимался сельским хозяйством я понемногу покупал. А вот про формочки для готовки хлеба упустила из виду. А муки-то тоже немного подкупил. Ведь мы с Володей пекли хлеб на двоих. Теперь же каравай, каравай, рот никто не разевай. Теперь нам, Вера, нужно купить мешок муки и теперь нам без муки будут только муки...

А мама добавила:

– Когда принесешь формочки для хлеба мы с тобой, Володя, ходим в магазин и купим сразу же полный мешок муки.

– Будет сделано, мамочка, – крикнул я на ходу и помчался за формочками, зажав в ладошке три рубля.

Формочки мне подыскал единственный в пекарне мужчина Николай. У него было на левой щеке от уха до подбородка шрам. Видимо в пьяной драке его полоснул хулиган. Но, как оказалось, бандита посадили в тюрьму. Дядя Коля сам теперь этим внешним видом пугает маленьких ребятешек. Когда дядя Коля подал мне стопочку формочек я взял их под мышку и протянул потертую и помятую трешку. Он наотрез отказался брать у меня деньги.

– Володя, оставь эту трешку себе и передай ее маме или папе. Лучше когда-нибудь они угостят меня в выходной день.

Я, пожав плечами, прибежал с формочками домой, а мама мне сказала:

– Мне Анастасия предложила двухколесную тележку с оглоблями взять с собой в магазин, чтобы на ней привести в наш казенный дом мешок муки.

– Спасибо тетя Настя – кивнул я.

Но оказалось, что дядя Павел Ботаров эту тележку кому-то дал на пару дней поленицу дров перевезти в баню.

– Вот все хорошо шло – расстроилась мама, – а не зря же говорят, не радуйся наперед, а куда Бог приведет.

А я решил успокоить ее:

– Мамочка, Бог-то, Бог, но будь и сам не плох. Тут идти-то от магазина до нашего дома метров двести. Так я попрошу мужиков мне на плечи этот мешок с мукой положить, и я донесу его к нам на крылечко.

– Сынок, ты, как храбрый портняжка, хочешь одним ударом уложить наповал семерых. Правда он на самом деле уложил семь мух. А тебе надо тащить сорокакилограммовый мешок до дома.

– Мама, а вспомни, как я переносил мешки с картошкой в Семеновщине. Огород был далеко, но я таскал картошку не только по дороге, а и на второй этаж нашего двухэтажного дома.

– Ладно – согласилась мама, – я же хорошо знаю, что ты жилистый и сильный. Ведь мы зимой с тобой елку тащили под новый год. А мне казалось ветерок дунет посильней и понесет нас обоих по сугробам. Но ведь дотащили же эту елку.

Мне в магазине взвалили на плечи мешок муки, и я осторожно и аккуратно потащил на плечах мешок. А мама напекла на маленькой печурке на плите оладушки, но никого из нас не кормила пока в большой миске не поднялась гора оладьев.

Только мы всей оравой вылезли из-за стола, как в дом заглянул Виктор Александрович и сказал нам:

– Так, приведите-ка вы себя в порядок. К нам уже фотограф пришел. Смотрите внимательно и зорко, но главное не моргая, в объектив фотоаппарата пока из него птичка не вылетит.

На мне был такой наряд: короткие штаны, на сантиметров пятнадцать выше ботинок, черная вельветовая куртка, одетая на голое без рубашки тело, а на голове была натянута серая кепка с надломленным козырьком. Такому наряду был бы рад любой дворянин. Ведь я же гордился, что у меня мой дедушка Александр Павлович был дворянином и в первую Мировую войну был поручиком-артиллеристом. А потом в советские годы стал профессором математики.

Сережка, мой брат, натянул на себя еще более экстравагантный наряд. Одел на голое свое тельце азиатский халат полосками по вертикали. Люда и Таня повязали на голову платочки домиком, как бабушки-старушки. Ведь нас постригала мама всех: и девочек, и мальчиков под ноль, то есть наголо, кроме Шурика и меня. Но мы с удовольствием и внимательно смотрели в объектив фотоаппарата, не моргая и ждали, когда же это юркая птичка

вылетит из объектива. О нарядах других малышей я деталей не запомнил.

Еще одну фотокарточку сделал тогда фотограф, когда я залез на черемуху, а ее ствол раздвоился на высоте двух с половиной – трех метров. Про черемуху, про ее красоту, я даже услышал песню. Правда запомнил обрывок ее, но это не важно:

– Возле дома нашего, на краю села, белая черемуха пышно расцвела. Белая пушистая у моих ворот, а рядом с той черемухой улица идет...

Так, что лирические стихи и песни мне запоминались исподволь, что в голову придет, то уже накрепко.

Запомнилась мне, как на русскую печку, когда мама начинала топить ее, а начинала топить ее мамочка очень рано в шестом часу утрачком, залезали погреться малыши. И Вася, а он родился сразу же после Тани, залезал тут же на печку. Галя была по старшинству за Васильком. А он был таким балагуром и на теплой печке рассказывал сказки.

Если у меня в голове роились стихи, то Васька запоминал хорошо русские народные сказки и умел так их исказить и коверкать, что даже мама удивлялась его искусству перескакивать из одной в другую сказочку, а скорее сказание поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Не зря же говорят: «Пушкин – наше все.» Пока мы: я, Людмила и Татьяна чистили на кухне картошку, я слушал с печки голос Васи:

– Ходит поп по базару, посмотреть кой-какого товару. А Балда то кашку сварит, яичко облупит и сам все съест. Но работает Балда за десятерых, а есть то за троих!»

Немного помолчав и сделав паузу, Вася из начала сказки перескакивал в ее конец:

– Как от первого щелчка поп подпрыгнул до потолка, от второго щелчка поп лишился языка. Не гонялся бы ты поп за дешевизною.

Что говорил потом Вася мне услышать не довелось. Картошка была почти очищена для завтракаю А я сложил испачканную вчера вечером алюминиевую посуду за ужином: кружки, ложки, миски-плоски и бежал по косогору вниз к берегу речки Полисть, чтобы отмывать все эти причиндалы песком и осокой около береж-

ка, стоя на досках «причала», чтобы черпать ведром воду не около берега, а где уже бежит стремительно наша река Полисть.

Галя, родившаяся вслед за Васей, дружно держалась за руку брата. И именно их сфотографировал вместе свободный любитель-фотограф. А у меня хранился семейный архив мой и, разумеется, всей семьи Крайневых.

Белобрысы, как и я, Сережка, который на снимке был одет в азиатский халат с полосками по вертикали, когда началась в Советском Союзе перестройка, перестрелка, переделка сграбастал мой фотоархив и сделал уникальные фотоснимки на... макулатуру.

Когда я спросил Сережку: «Куда же у меня испарился мой фотоальбом?», он, глядя на меня такими же как у меня сине-голубыми глазами, произнес: «Ты знаешь, Володя, я же не знал, что в этих тетрадках, где были размещены фотокарточки нашей семьи. И отнес в книжный киоск, чтобы получить в обмен знаменитую книгу «Женщина в белом».

– Сережка, – возмутился я, – неужели ты семейный альбом пустил по ветру, чтобы заполучить модный роман «Женщина в белом»? Если была на это моя воля, то убил бы тебя, как храбрый портняжка: «Одним ударом семерых!». А ведь этот портной так похож на тебя. В моем фотоархиве было около тысячи фотографий и все это богатство попало псу под хвост.

И спустя много лет моя сестренка Галя по крупицам восстановила наш семейный альбом. Ведь у каждого у нас из десяти детей Виктора Александровича и Веры Михайловны остались какие-нибудь интересные фотоснимки.

Но тогда возникла еще одна проблема нашего нового дома в деревне Переезд. Моему папе в школе выделили десять кубометров колотых дров. Мама подсчитала сколько сгорит в печке дров для отопления дома и для приготовления пищи и сказала моему отцу:

– Витя, нам нужно будет на зиму дров в три раза больше, чем выделили нам в школе. У них лежит, и они не смогут нам компенсировать необходимо количество дров. Придется всем нам заготавливать около реки ольховые деревья. Они не толстые эти деревья, так можно топором порубить из ольхи столько дров, что нам хватит на всю зиму.

Получилось, как по Некрасову: «Семья-то большая, но два человека всего мужиков – отец мой и я!»

Только двое, мой отец и я, уходили на берег, где были заросли ольхи и рубили ольховые стволы и кромсали их на поленья. А наши ребяташки тоже принимались нам с отцом помогать. И тащили поленья домой, как муравьи – цепочкой. Тащили наши ребяташки и девочки, и мальчики не только поленья, а даже веточки. Ветки обрубал и Вася. Но однажды, обрубая сучок на ветке, Васек не рассчитал удар и острое топорика нанесло Василию рану на большом пальце левой ноги. Люда с Таней бросились вверх по косогору к дому, принесли йод и марлевый бинт с ватой и завязали Васе рану. Надо отдать должное моему брату Ваське. Он, не торопясь, прихрамывая передвигался по берегу и обрубал сучья на ветках, перерубал на полешки сучья, а Таня и Люда уносили ольховые поленья к нашему дому. И этот «конвейер» работал как часы.

Мой папа родился в Самаре на Волге. И в моем возрасте любил ловить рыбу. Детей у Александра Васильевича и Александры Павловны было четверо: Сергей, Виктор, Александр и Людмила. Сергей закончил институт и устроился в Марийской республике смотрителем. Мой отец окончил школу на пятерки, только с одной четверкой и получил не золотую медаль, а серебряную. Но его даже серебряная медаль помогла поступить в Ленинградский педагогический институт и стать преподавателем русского языка и литературы. Александр Александрович стал филологом и поэтом. Он издавал в Самаре свои поэтические сборники. Но у него была тяжелая болезнь – астма. Его жена старалась вылечить его, но он увядал на ее глазах. Он старался перебороть недуг, жил на лекарствах, таблетках. И когда я приезжал с отцом на Волгу в Самару, дядя Саша мне читал стихотворения. И от дяди Саши я услышал каков стиль его стихотворений. Он мне сказал:

– Володя, у поэтов есть такое изречение: «Краткость – сестра таланта». Но я к этой фразе всегда добавляю реплику: «Краткость – сестра таланта, но если у нее есть еще и талантливый брат!»

Я засмеялся, а дядя Саша добавил с юмором:

– Смейся, паяц над разбитой любовью.

А у Людмилы Александровны была фамилия уже не девичья,

а по мужу – Бондарюк. У нее родилось трое детей: Галина, Сергей и Валерий. И муж тети Люды, имея квартиру на улице Обороны, построил невдалеке от Самары себе дачу и посадил яблони, кусты малины и смородины, несколько грядок для морковки, капусты, огурцов и укропа. Кроме этого у тети Люды были грядки с огромными и сочными помидорами.

Но до этого знакомства мне еще нужно было дожить. И я вкалывал, как говорится, будто раб на галерах. И слушал песни Людмилы Георгиевны Зыкиной по радио и телевизору:

– Издалека долго, течет река Волга, течет река Волка, а мне семнадцать. Лет. Сказала мать: «Придешь в конце пути, ладони в Волгу сразу опусти».

А папа мне рассказывал, как он когда-то в детстве пытался со старшим братом Сергеем зачерпнуть хоть какую-нибудь рыбину с икрой в верховье Волги. Но косяк осетров выбил из рук Виктора Александровича ведро, и оно пошло на песчаное дно нашей великой реки. Сергею удалось все-таки отыскать это ведро и даже вытащить на берег пару осетров.

А мой папа сказал своему брату Сереже:

– Вот теперь я смогу тебе сказать: «Победителей не судят!» И победил ты сегодня, а не я. Ведь главное, что мы сегодня добились совместно результата.

Вот тогда в Переезде, на реке Полисть, я и получил страстное желание обязательно хоть краем глаза посмотреть на Самару и на красавицу Волгу. И запомнил песню: «Эх, Сама – городок, беспокойная я, беспокойная я, успокой ты меня!» И конечно же цвет икры осетра. У речных рыбок икра желтовато-красная, а у осетровых рыб – черная. И стояла черная икра почти в полтора-два раза дороже, чем красная...

Заготовка дров закончилась успешно. И я, вспомнив одну песенку или это было стихотворение и продекламировал:

От морозов нам зимою нет уже угрозы
Значит нужно очень много двро
Вот и занялся Морозов
Заготовкою «колов»!

– Неужели, – спросила меня сестра Люда, – в школе ставят отметки не только двойки, а и «колы» – единицы за плохо выпол-

ненное домашнее задание?

И я тут же ответил Люде:

– Тройки, двойки и колы – все приятели мои.

Но тут вступил в разговор и Вася:

– Володя, зачем же ты на себя наговариваешь? Ты всегда получал очень хорошие, отличные отметки.

При нашем разговоре присутствовал и Сережа в своем азиатском халате и он вступился защищать меня от Василя, не поняв смысла Васи:

– Вовадька, Вася же поюсил, поюсил...

Мне пришлось согласиться с Сережкой:

– У каждой шутки, есть своя прибаутка. Конечно же я пошутил. Но если серьёзно, то я уже говорил вам исподволь: «Любите книгу – источник знаний». Взять хотя бы Ваську. Он еще азбуку проходит, а уже на печке сказки малышам рассказывает. Правда у него много отсебятины, но некоторые сказки запомнил очень хорошие. Речь его, как реченька журчит: «У Лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том. И днем, и ночью кот ученый, все ходит по цепи кругом.»

– Ничего себе, Володя, – удивился Вася, когда я сделал паузу, – если ученый кот ходит по кругу вокруг дуба, то дуб-то огромный-преогромный...

А я, кивнув головой в знак согласия, сказал Васе:

– Как же не быть в сказке могучему дубу, который растет и растет столетия, а может быть и тысячелетия. Но дослушайте этот сказочный отрывок до конца.

Наступила тишина и мне пришлось закончить фразу, чтобы и ребятишки понимали красоту нашего славянского языка:

– Пойдет налево – песнь заводит, направо – сказки говорит. Там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях сидит. Там на неведомых дорожках, следы неведомых зверей. Избушка там на курьих ножках, стоит без окон и дверей.

И тут в разговор вступила и Таня:

– А я знаю, что на избушке хоть и не было окошек, но баба Яга вылетала поздней ночью на метле, чтобы пугать маленьких детей. Раньше я боялась, когда слушала сказку про бабу Ягу, а теперь узнала, что это неправда.

Тут в разговор вступил и Вася:

– Когда я вам рассказывал на печке сказки, так вы, затаив дыхание слушали меня разинув рты.

– И то правда – кивнул своей «сметанной головой» Сережка. Так называла этого мальчика наша мама.

Этот разговор мог бы продолжаться еще долго, но подошел к ним на мосту через речку Полисть Юрка, не фриц, а Семенов и его сестра Светланка. Юра был на год старше меня, а Света на один год младше меня. Вот я и познакомился с жителями Холстинки, так называлась деревня на правом берегу реки Полисть, а мы жили в Переезде на левом берегу.

Мне подумалось, что нашу деревню и назвали Переездом, потому что это был единственный мост через Полисть. При том, этот мост был деревянным из бревен. А зимой его разбирали и укладывали эти бревна на левом берегу в Переезде. Холстинка была совсем небольшой деревушкой, а в Переезде была единственная средняя школа на всю округу. И из всех сел и деревень приходили к нам учиться в семилетнюю школу ребята и девочки из Холстинки, Рогово, Корабинца, Коточек, Починок, Краснодарье и так далее, так далее.

Но первыми друзьями для меня стали Мишка Баторов и Юрка Семенов. Зато Светлана Семенова подружилась с моей сестрой Людмилой.

Юра повел меня к школе, а Люда и Света остались секретничать и сплетничать. Двери одноэтажной школы и калитка на заборе вокруг школы были заперты на замки. Но Семенов и не собирался открывать калитку. Он прошел несколько шагов вдоль изгороди и отодвинул штакетник в сторону. Эта досочка была прибита к прожилине гвоздиком только наверху.

– Сим, сим откройся, сим, сим отдайся – шутиливо произнес Юра и мы очутились на спортивной площадке.

Я был удивлен, что на этой площадке для игры в волейбол стояли только два столба, а сетки не было. И поэтому недоуменно спросил Юру:

– Неужели летом на школьной спортивной площадке нельзя поиграть в волейбол. Куда же смотрит вам директор школы?

– Тут, Володя, ошибаешься. В нашей школе нет директора.

Я удивился и спросил:

– Как же у вас нет директора школы, когда мне папа говорил,

что будет заместителем директора Переездовской школы. Так кого же он будет замещать?

Ответ меня ошаршил:

– У нас в школе работает не директор, а директриса, которую зовут Вера Петровна. Да и в нашей семилетней школе – продолжил рассказывать мне, неразумному, Юра – все учителя только женщины. Но если хорошенько разобраться, то у нее жесткий, если не сказать жестокий, стальной характер. Она любит одну заковыристую фразу многократно произносить провинившимся и учителям, и ученикам.

– И что же эта фраза гласит?! – спросил я удивленно Юру. А он мне ответил, как будто ожидал мой вопрос:

– Наша директриса, которая как бесиктриса, бегают по углам и делит угол пополам. Так вот, как она пронюхает, что кто-то высказывается из учеников в ее адрес неприлично, то она вызывает таких на ковер и говорит им: «Если будешь много знать, то быстро состаришься. Ты отвечай только на мой вопрос, а не ворчи себе под нос, не бубни что-то непонятное. Отвечай точно, ясно и понятно.

После этой фразы Юры, я сказал ему свое мнение:

– Да она же, ваша Вера Петровна Бульцева, какой-то жандарм в юбке!

А Юра, мотнув головой в знак согласия произнес:

– Как хорошо ты сказал, Володя, именно так – жандарм в юбке она! И ведет так себя в нашей школе. Но ведь молодец среди овец, а для молодца, этот слабак и сам овца. Если бы ты слышал, дружище, как она лебезит перед инспекторами из РОНО, районного отдела образования и районного центра Белебелка.

Увидев, как Юрий схватившись за животик пытается выдать из себя два похожих слова: «Балаболка, Белебёлка, Балаболка, Белебелка.

Но мой братец Саша как раз и нашел в районном центре Белебелка себе работу. Он стал счетоводом в Белебелковском райпо.

Глава: Школьные годы чудесные: с светлою дружбой и песнею....

В шестой класс я пришел и сел за парту с наклонной плоскостью на двух школьников. Рядом со мной сел Митя Медведев, а его сестра Мария, Маша, была старше брата на два года. Когда я спросил Митьку:

– Неужели твоя сестра была второгодницей, да еще два раза подряд?

То житрый Дмитрий мне ответил:

– Мы, Володя, живем в деревне Маковье, на правом берегу Полисти. Это как раз напротив деревни Леши около которого находится кладбище. Зимой-то в школу можно ходить и по льду, но мой отец запретил Марусе ходить одной в школу. Вот она и дождалась, когда же я пойду в первый класс в первый раз.

– Митя, а как же твоя сестра Маша и ты переправлялись через Полисть. Ведь вода, кругом вода, а если ходить по кустарнику до Холтинки, а потом через мост в Переезд, это такой круг.

Но Дима меня прервал:

– Видишь ли, Володя, какая красивая девушка наша Маша, а хулиганов в селах хватает. Вот мой батя и запретил ей ходить одной в Переездовскую школу. А переправлялись мы с сестрой осенью и весной на плоту.

– Так вас вместе с плотом могла бы унести эта бурная Полисть в такую даль... – начал я говорить ему сомнения свои, а Дима тут же меня прервал:

– Володя, так от Леши и до Маковья уже давным-давно налажена переправа на плоту вот каким образом: крикну я через реку: «Эй, там на берегу, перегоните плот к нам, в школу нельзя опаздывать!». Так кто-то из лешинских жителей выходит, становится на плот, а у него есть цепь с кольцом, которое накинута на стальной канат, и перебирая канат руками перегоняет плот на другой берег.

– Я понял! – пришлось мне кивнуть Мите головой. – Связь Маковья с Лешей налажена хорошо. Только все-таки твоей сестре Маше не жалко пропустить два года из-за какой-то переправы?

– О, – воскликнул Дима, – наш батя очень мудрый человек.

Он сказал моей сестре, что, закончив школу чуть позже, она уже станет совершеннолетней девушкой. В город ехать не хочет, но со своей красотой быстро найдет себе жениха. Да не такого маленького, как мы с тобой Володя, а уже отслужившего армию парня.

Пришлось мне согласиться Митей:

– Да, твой отец дядя Алексей на самом деле мудрый человек. Я по себе знаю: крепкая семья все вынесет и перенесет любые тяготы нашей бурной и непредсказуемой жизни. Зато ваш отец трудолюбивый и доброжелательный может планировать на много лет вперед свои планы. А моим родителям, ах, как трудно приходится нас растить.

– Откуда же ты, Володя, можешь знать, как им трудно дается растить вас?

Мне осталось только ответить Мите кратко:

– Да на своей шкуре это испытал. Хорошо, что в Белебелке моему братцу Саше нашлась работа в бухгалтерии. Да и он к тому же на курсах познакомился с красивой женщиной, которая правда на пару лет старше его, но тоже где-то работает теперь в Белебелке счетоводом. А у него же только левая нога вялая, а если бы ты знал какие у моего старшего брата сильные руки?! Любого крепыша свернет в бараний рог.

А Митя мне сказал:

– Но, к сожалению, он инвалид и есть инвалид. А что если твоему братцу жена станет рожать детей, то тяжело будет ему ее кормить и детей воспитывать.

Я пожал плечами и сказал Мине:

– Жизнь, есть жизнь. А мама моя приучила многое делать. А я успевал в Семеновщине и в ночное ходить, коней пасти и на огороде поработать. А теперь мы с папой крольчатник сделали. Будет крольчатину есть, да еще их шкурки мама собирается продавать на базаре в Старой Руссе.

– Да, Володя, я то видел как и мои родители нас растили с Машей. Только ты будешь учиться в Переездовской школе два года в шестом и седьмом классе, а я с сестрой уже учусь пять лет и ко всему приспособился.

Дальше я стал знакомиться и с другими ребятами. Женя Чередников жил в деревне Кстечки на правом берегу Полисти, а Ванька Петров жил в Корабинце. Ему можно пройти утреч-

ком два километра по левому берегу Полисти и он уже сиделся за парту в нашем классе. Женя Чередников был, как и мой брат Женя, веснушчатый, а Ваня Петров любил играть в футбол. И мы на переменах умудрялись на стадионе поиграть в футбол.

В волейбол осенью натянули сетку, но мяч давали чтобы поиграть в него только на уроках физкультуры. Зато в футбол могли играть ребяташки нашего возраста. Вместо ворот мы клали на траву две шапки на одной стороне поля и две шапки в другой конце футбольного поля. Да и полем то назвать его футбольным нельзя. Но потом я узнал, что играли мы в мини-футбол.

Мы, шестиклассники, играли с ребятами постарше – с семиклассниками. И Юра Семенов, пока не уехал учиться в школу-десятилетку в Белебенку, играл в Переезде против нас. И хотя Юра Семенов был рослым и крепким, но Ваня Петров при своем невысоком росте, как и я, был юрким, быстрым и удачливым футболистом.

Ваня не торопился бежать к «воротам» противника, а Юра мог бы забивать нашей команде голы. А Ваня Петров двигался не торопясь, перекидывая мяч то влево, то вправо.

Но как только он приближался к воротам семиклассников, то делал мощный рывок и как ракета, с такой же скоростью, несся к воротам противника. Внезапный удар и го-о-о-л! Ванька Петров играл правым крайним нападающим, а я был левым крайним и тоже забивал голы. У меня и левая рука, и левая нога были мощнее и сильнее, чем мои правые конечности. Но по количеству забитых голов все же Ваня Петров меня намного опережал. Пока Ванька Петров болтался с правой стороны поля, как льдинка в проруби. Я по левому флангу тоже делал мощный рывок. Защитники и полузащитники пытались меня заблокировать с разных сторон, но... Это и было для меня моментом истины. Сильным ударом по невысокой траектории посылая футбольный мяч на правый фланг, а Ванька Петров делал спурт, резкий рывок и головой или ногой забивал мяч с правой стороны в ворота семиклассников.

Как только не называли Ваню Петрова. Если бы знали, что так забивали голы внезапно и Диего Марадонне, и знаменитый футболист Пеле, который, выходя на футбольное поле умудрялся забить хоть один гол на любом стадионе мира. Но слава Ваньку

тоже осенила своим крылом среди Белебелковского района.

Хотя мой братец Александр Викторович тоже не скупился завоевывать первенство перед его женой Галиной Львовной. Ее отец Лев Семенович был недоволен выбором своей дочери Галины.

– Зачем же ты, Галинка, вышла замуж за какого-то инвалида второй степени? Пенсия за увечье у него мизерная, да и на работе он получает немного, а мог бы и лопатой деньги грести себе.

– Папочка, дорогой мой, любимый и родной человек. Я уже хожу на сносях. И если рожу мальчика, то назову его в честь твоего отца – Семеном, Сенечкой.

На что Лев Семенович ей ответил:

– Ах, ты моя милая лиса Алиса или Лиса Патрикеевна, не надо мне лапшу вешать на уши. Твой хромой и якобы слепой кот Базилио всегда стремился зарыть лунной ночью в землю пять сольдо, чтобы на «денежном дереве» за одну ночь на его ветках выросли не зеленые литы, а золотые монетки. Хорошо, что Буратиночку спас папа Карло. А тебя спасти буду только я. Ведь он тебя поматросит и бросит.

– Нет, дорогой мой, милый папочка, – ответила Галина, – Шурик мой уже в Белебелке нашел одну женщины, которая предложила Александру руку и сердце. Но она была уже замужем, а не холостой и он сделал правильный выбор. Я стала его официальной женой. Что греха таить, папа, я уже была не девочкой, когда познакомилась с Сашей.

– Галя, дорогая моя дочка, ты думаешь, что после войны так легко найти жениха? – спросил дочь Лев Семенович. – Мужчин на фронте много погибло. И у всех женщин один мотив: «На чухой каравай рот не разевай и все равно он будет мой!»

– Ах, папа, – воскликнула Галина, – да ты еще оказывается любитель сладких женщин?

– Да неужели, Галинка, ты не понимаешь, что на войне то было женщин немного, а мужчин хоть пруд пруди? – задал вопрос Лев Семенович, а его дочь ответила:

– Ты офицер, папа, и любая медсестра с удовольствием бы тебе отдалась. Только моргни ей или улыбнись приветливо с озорными искорками в глазах. Я даже слышала, что таких женщин в войну называли ППЖ – походно-полевая жена. Так ты, мой

милый папочка, наверняка имел такую женщину?

Лев Семенович не стал проводить лобовую атаку на свою дочь, а ответил уклончиво:

– Галя, меня многие мои товарищи, такие же офицеры по рангу как и я, спрашивали меня: «Лева с Могилева, ну почему к тебе женщины так и липнут и липнут? И вешаются на твою шею?» А я им, Галчонок, отвечал: «Да потому, что други мои, что я очень обаятельный!» И запевал детскую песенку: «От улыбки все становится светлей и кузнечик запиликает на скрипке...»

– Я тебя прекрасно понимаю, папа, – ответила Льву Семеновичу Галина, – ты обыкновенный ловелас и готов был вцепиться в любую женскую юбку. Но Саша меня в общем-то устраивает. Хотя и ревнует меня, когда я улыбаюсь парням намного младше меня.

Лев грустно вздохнул и ответил на чистосердечное признание Галины:

– Мы одного поля ягода. Но советую тебе быть мудрой, как мой отец Семен. Я слышал разговор его с племянником. И вот, что он сказал: «Зямя не воруй, а если воруешь, то не попадайся. А если попался, то не признавайся. Но если тебе придется признаваться, то признавайся в простой краже, а не в квалифицированной и хорошо продуманной краже».

Первенца своего мой брат Александр Викторович и назвал по просьбе Галины Львовны – Семеном. А сам Александр старался всячески ублажать свою Галинку, Галочку. После Семена она родила еще двух детей, но обе были девочками. Сначала появилась Наташа, а потом и Светлана.

Но когда они еще жили в Белебелке, то я ходил по выходным к молодоженам и приносил в узелке какой-нибудь гостинец Саше и Гале. И Галина всегда говорила Саше:

– Мой любимый мужинек, я с твоего позволения хочу проводить твоего братика до околицы. Ведь долг платежом красен. Он не ленится приходить к нам в Белебелку с подарком, а я провожу его до конца райцентра, чтобы все наши знакомые женщины видели как великолепно отношусь к Сашину брату к Володеньке.

А Александр только ворчал:

– Галя, ты что-то потворствуешь моему брату. Он и без тебя дорогу найдет без твоей помощи.

А Галина только посмеивалась:

– Сашенька, неужели ты ревнуешь меня к своему братику. Да мои подружки на него уже поглядывают с любопытством и интересом. И даже припевку придумали, сложили: «Володенька, Володенька, хороший, милый мой, люби пока молоденький, мой сладкий, дорогой!»

И все же Галина так смачно целовала меня в губы, что по моему телу пробегала нервная дрожь.

Она это чувствовала и читала стихотворение Сергея Есенина:

– Ну целуй меня, целуй, хоть до боли, хоть до крови. Не унять теперь мне боле кипятков горячих струй!

– Ты видишь, как пишет красиво Есенин?

– А как же не любить Сергея Есенина? – ответил я тогда Галине. Я прочитал одно лирическое стихотворение в библиотеке, которое он написал в пятнадцать лет.

– Мой милый мальчик – загорелись глаза у Гали, – так сядем мы с тобой на обочину дороги, где еще травка зеленее и я тебя с упоением послушаю.

Я от неожиданности стал собираться с мыслями, а Галя меня подбадривала:

– Мне безумно хочется услышать стихи Есенина.

– Слушай! – коротко произнес я, а она еще ближе прижалась ко мне:

Выткнулся над озером алый цвет зари...
На бору со звонами плачут глухари.
Где-то плачет иволга схоронясь в дупло
И только мне не плачется – на душе светло.

Выйдем за околицу, за кольцо дорог.
Сядем в копны свежие под соседний стог
Зацелую допьяна, изомну как цвет,
Пьяному от радости пересуда нет!
Ты сама под ласками скинешь шелк фаты
Унесу я пьяную до утра в кусты.
И пускай со стонами плачут глухари,
Есть тоска веселая в прелестях зари.

Наступила после моего монолога тишина. Но Галина пришла в себя и ее нарушила:

– Володенька, когда ты читал это лирическое и откровенное стихотворение, то мне казалось, что это не Сергей, а ты меня ласкаешь, целуешь и несешь меня обнаженную в кусты. Жалко, что за нами только чистое поле. Да и Сашенька, мой милый муженек, уже икру мечет, что я так долго задержалась с тобой. Уж очень он ревнивый у меня.

– Да многие мужчины, Галя, – ответил я ей, – ревнуют своих жен. Или бьют их кулачищами, или в запой уходят, чтобы забыть обиду.

– Володенька, я вижу в тебе уже не мальчика, а мужа – и стала меня обнимать крепко-крепко.

Но я вырвался из ее объятий и сказал ей:

– Уважаемая Галина Львовна, я так рад, что ты так страстно любишь моего братца. И я рад, что он твой муж.

– Ах, Володя, ответила Галя, – многие женщины живут по принципу: муж-то мужем, но заместитель для него тоже нам нужен.

– А это уже не мое дело, Галина Львовна. Я не хочу вмешиваться в вашу семейную жизнь. Хотя многие женщины гуляют напрапалую со своими соседями, но не мне их осуждать.

– И правильно делаешь, что не осуждаешь – кивнула Галина. – А значит я буду с нетерпением ждать тебя в следующее воскресенье и затоплю для Саши и для тебя баньку.

– Нет, Галина, в бане вы мойтесь сами, вдвоем – ответил я. – Мне и после Саши можно будет помыться в баньке. Пусть тебе он спинку потрет.

– Пусть потрет, потрет меня где следует – с восторгом произнесла Галина. – Но ты, Володенька, обязательно приходи к нам в воскресенье. Помогай нам с мужем перебиваться с хлеба на квас. Да и смывай по воскресеньям с себя все свои грехи. Ведь Сергею Есенину, ты сам говорил, что он написал стихотворение о том, что уносил свою любимую женщину до утра в кусты, а ему было тогда всего то пятнадцать лет. Так почему же ты этого сам не сможешь уже сделать?

Я покраснел, как вареный рак, а она тут же сказала еще одну фразу:

– Володенька, что естественно, то не безобразно. А любви все возрасты покорны и их порывы благотворны. Ты можешь ис-

пытать уже не раз такой восхитительный момент в своей юной судьбе. Неужели ты не понимаешь, что без любви никому еще не удалось познать радость жизни. Буду ждать тебя с нетерпением в следующее воскресенье.

Когда я пришел в Переезд, то Юрка Семенов и Витька Моисеев из Холстики зашли ко мне, чтобы поиграть в футбол на школьной площадке. С Юрой пришла и Света вместе с моей сестрой Людмилой. Они теперь всегда приходили к нам вместе и приносили полевые цветы в букетах. Если мы выиграем в футбол, то они тут же вручат нам полевые ромашки или васильки. Призы за деньги никто не покупал. Их можно всегда сорвать в поле.

Юра мигнул мне и сказал:

– Пошли на школьный стадион. Наша команда кроме тебя уже в полном составе, а ты резину тянешь.

А я ему ответил:

– Юрист (так его называли многие друзья), я еще не наносил в дом ведра с водой и не почистил картошку, чтобы сварить ее на обед.

Юра тут же отозвался:

– Да разве можно бросать друга в беде? Ты, Володя, пока носишь воду с речки, мы с Витькой Моисеевым картошечку и начистим. Может и твоя сестра Люда, и моя Света на подсобят. Ведь и мы тоже не белоручки. За полчаса управимся.

– Вот это речь, юра, уже не мальчика, а мужа. И живешь ты по принципу – сам погибай, а товарища выручай – сказал я и работа закипела. А управились мы со своей оравой за пятнадцать минут.

Матч состоялся и мы смогли его выиграть с небольшим перевесом. Нам удалось забить двадцать три гола, а наши враги-соперники забили только двадцать один гол.

Людмила подарила после игры в футбол Юре один букет полевых цветов, а Светлана второй букет подарила уже мне и чмокнула меня в щечку.

Но Вере Петровне Бульцовой, директрисе в нашей школе не повезло в этот год. Ее две учительницы ушли в декретный отпуск после рождения младенцев. Поэтому как бы не ворчала Бульцева на них, но приходу моего отца в семилетнюю школу обрадовалась. И расспросила его как он заведовал в Семеновщинской

школе библиотекой.

Выслушав его речь, Бульцева тут же попросила Виктора Александровича:

– Не смогли бы вы и у нас в школе заведовать библиотекой. Вы же преподавали в Семеновщине русский язык и литературу, так вам и флаг в руки. Для любого урока литературы вы можете подобрать в библиотеке любой необходимый материал для пояснения и разъяснения ученикам этой темы.

– Да, литература для меня самый любимый коней – согласился сразу же мой отец. – Но я попрошу вас, Вера Петровна, чтобы мой сын мог брать у меня ключ от школьной библиотеки. Он любит читать книги, а заодно будет подыскивать мне темы, которые мы должны итак проходить на уроках литературы. Ведь я считаю, что наша советская литература – кладезь мудрости и жизнестойкости нашего русского народа. Не помешает нам развивать ученикам желание и к иностранной литературе. там тоже можно будет отыскать и прочесть классиков литературы и других стран.

Бульцева согласилась с мнением Виктора Александровича. А я после уроков иногда задерживался на часок, другой в школьной библиотеке.

Но ведь впереди нас ожидало целое лето. И когда наша семья обосновалась в Переезде, то мы стали питаться грибами и ягодами, пить козье молоко, а потом и от коровы Марты. Телочка родилась у хозяйки Марты в марте и уже стала давать надои молока. Но...

Мама узнала, многие хозяйки не могут сами пасти в поле коров. Пастух уже был для личных коров, но он потребовал, чтобы каждая хозяйка коровы поочередно приходила в поле пасти буренок. И Вера Михайловна договорилась с пастухом и, разумеется, с хозяйками других коров, пасти стадо моим младшим сестрам и братьям: Людмиле, Татьяне, Васе, Серёже и Жене. Таким образом мама создала для наших ребятишек золотonosный клайдейк – золотую жилу обогащения. Кроме того, Вера Михайловна освободила наших соседских женщин «батрачить» у пастуха, а свалить груз ответственности на наших ребятишек. Они же всегда догонят блудливых коровушек и не позволят им скрыться от зоркого взгляда пастуха. А он покрикивал на наших девочек и мальчиков:

– Быстрее подгоните ребятки к стаду Пеструху, Марюху и так далее.

И ребятишки с радостью неслись подгонять к стаду очередную непослушную корову. Но почему же я вспомнил о золотоносной жиле нашей семьи? А очень просто. Мама от занятых соседок получала хороший гонорар. Только не деньгами, а натуральным и денежным вознаграждением. Ей владельцы коров давали сразу же на руки три рубля. А это по тем временам стоила бутылка водки, а точнее ее цена была два рубля восемьдесят семь копеек. А ребятишки получали бутылку... молока, а из еды пирожки, блины, по сезону и яблоки, фрукты. И такой товарообмен не был товарообманом – все были довольны этим товарооборотом.

Но ведь в стаде были не только коровы и телочки, но и бычки и даже один громадный, могучий бык. Когда же это усталое стадо побрело в Переезд, мой брат Женька хлестанул гибким ивовым прутом этого бычару и пошел подгонять в одно стадо уставших коровушек. Непонятно какую обиду получил племенной бык, но он сначала встал как вкопанный истукан, потом стал рыть сначала землю передними копытами, а потом у него глаза от злости налились кровью. И он готов был броситься на обидчика, а им был Женья. Как мама каким-то женским чутьем почувствовала беду? Она вырвала из рук моего брата гибкий прут и, загородив сына своим телом от быка, резко выкрикнула:

– Да я тебя так этим прутом отхлестаю, что на всю жизнь меня запомнишь!

И бык в недоумении от воли этой женщины встал как истукан, а потом трусливо засеменял ногами и потопал восвояси от Веры Михайловны. Вот тебе робкая и хрупкая женщина. Не зря же писал наш поэт Некрасов: «Есть женщины в русских селеньях: и коня на скаку останвят, и в горящую избу войдут...». Вот за это бесстрашие и самоотверженность и ценили крепкие и сильные мужчины своих жен, матерей и, разумеется, детей.

Зато наш брат Сережа, белобрысый и разговорчивый, докладывал суровому пастуху все женские сплетни. И когда Сережка набегался за разбредаящимися по сторонам коровами и заснул на пригорочке, то пастух не стал его упрекать, что он так умирился и заснул. А взял в руки бич и собрал беглянок опять в единое стадо.

Но и лето когда-нибудь заканчивается. И я пошел в семилетнюю школу Переезда в шестой класс. И новое дыхание влил в нашу школу еще один учитель-мужчина. В отличии от моего папы Анохин Сергей Борисович был преподавателем математики. У него была левая нога из-за травмы короче правой. Поэтому он ходил прихрамывая. Сам Анохин был родом из Старой Руссы, а в школе Переезда как раз и не было учителя математики. Но я был очень удивлен, что Сергей Борисович играл на перемене с нами в футбол. Да так азартно, что мы стали относиться к Анохину с уважением. Но удивлялись мы Сергею Борисовичу, что он умеет хорошо втолковать самому бездарному к математике ученику какие-то азы математических формул. А увидев, что я умею лихо щелкать как семечки арифметические примеры и алгебраические задачи он стал мне задавать вопросы более сложные, чем другим.

Когда я перешел в шестой класс Анохину предложили в РОНО провести в районном городке Белебелка математическую олимпиаду. А Юра Семенов уже пошел учиться в восьмой класс. Юра проживал там в школьном общежитии.

Вот на олимпиаде по математике и отметил мой математический талант Анохин Сергей Борисович. Но талант – талантом, а его напористость и умение работать с учениками так, как сказал когда-то Экзюпери: «Если звезды на небе загораются – значит это кому то в нашем мире надо!». На олимпиаде по математике в Белебелке я завоевал второе место. И мой старший брат Саша и его Жена Галина Львовна меня поздравляли и попросили заночевать у них. Анохин не возражал, и Саша мне сказал:

– Да, Володя, я только обычный счетовод, а ты уже стал хо-рошим математиком. Второе место на школьной олимпиаде это очень хороший результат. А я сольдо и бульдо только на счетах костяшками щелкаю, как в каменном веке.

– Саша, – ответил я, – немцы над концлагерем в Бухенвальде написали вот такой лозунг: «Едем ин зайн», что означает в переводе с немецкого «Каждому свое». Фашистам пришлось сжигать в крематории трупы убитых военнопленных. У нас же славян была такая поговорка: «Мы посыпаем свою седую голову пеплом...» А ведь в Древней Руси сжигали на кострах тела погибших воинов в бою. Это была почеть, а фашисты совершали гадость. Я же

читал и слышал о Нюрнбергском трибунале над фашистскими преступниками. Поэтому и тебе досталось в эту проклятую войну, и ты стал калекой.

– Ладно, Володя, – махнул рукой Шурик, – давай-ка сыграем мы с тобой в шашки. Все-таки развлечение. А пройти в дамки не каждый умеет.

– Вот видишь, Саня, – сказал я брату – даже в простенькой игре все мы стремимся превратиться в даму, дамку. А твоя жена, если бы ты играл не в шашки, а в шахматы, то Галя была бы не дамой, а Королевой.

И тут Галина произнесла в восторгом обняв Сашу:

– Ты мой король, ты мой король, а я твоя королева. Давай поиграем в шахматы муженек.

А Шурик ей ответил:

– Может быть, Галя, не станем устраивать перед младшим моим братом, который еще несовершеннолетний стриптиз?

Галя же ответила мужу:

– В старину, Сашенька, русские женщины выходили замуж в четырнадцать или в пятнадцать лет. Так почему же мужчиной не может стать и твой брат?

– Ах, Галинка, – сказал с усмешкой Саша – кто про что, а вшивый про баню. Раз Володя остается ночевать так не выгонять же его нам с тобой на улицу, чтобы самим насладиться любовью.

– Саша, Галя – ответил я, – зачем же вы меня оставили переночевать? Я мог бы уехать в Переезд из Белебелки, чтобы не стеснять вас.

Но тон в семье видимо задавала Галина. И она сказала нам обоим четко и ясно:

– Саша утомился, Володя еще больше, занял же он второе место на математической олимпиаде. Давайте-ка не сориться, а отдыхать. Я с Сашенькой лягу-прилягу, а Володя ляжет на другую кровать. Правильно я говорю Сашенька?

– Резонно – ответил Саша и глотнув остатки водки из граненого стакана отвернулся к стенке на кровати с присвистом захрапел. Под этот храп я и уснул. И мне приснился чудесный сон. Будто ко мне подходит миловидная девушка и начинает меня ласкать ладонями по спине, а потом я почувствовал нежный поцелуй на губах. Я открыл глаза и понял, что это не сон, а в моей постели

меня ласкает Галина. А она, как будто поджидала этот момент и я уже утонул в ее объятиях, а наши тела стали содрогаться мелкой дрожью как в лихорадке и я даже от вожделения застонал. Но она прикрыла мне рот ладонью и шепнула на ухо: «Милый мой мальчик, я горжусь, что благодаря мне ты стал мужчиной. Так давай же подари мне еще и еще такую радость. Сашенька же до утра не проснется. А я уже его так убаюкала, что хочу качать и тебя. Ведь у тебя произошло только извержение вулкана в один миг. А женщине необходимо наслаждаться не торопясь и почувствовать сексуальный оргазм не один раз, а многократно.

Я ничего не ответил ей, а она мне и сказала:

– Володенька, я благодарю тебя. Ведь согласие – знак молчания. Да я сейчас так заведу тебя, что ты будешь заходить к нам каждое воскресенье в гости. А теперь целуй меня, целуй хоть до крови, хоть до боли. Ведь это же сказал любитель женщин Сергей Есенин.

И Галина стала целовать меня с ног до головы, а каждый сладкий поцелуй укреплял мою позицию мужчины. Вот в этот день я и почувствовал себя настоящим мужчиной. А она мне потом сказала:

– Вот я тебя снова убаюкала. Спи милый мой и не забывай никогда про меня. И почаще, почаще заходи к своему брату в гости. Моя потайная дверка будет всегда для тебя открыта. Так давай же я поцелую тебе хозяина. Пусть он чувствует потом меня даже на самом далеком расстоянии друг от друга. Такая ласка не забудется никогда.

Но и на этом наша встреча не закончилась. Ее поцелуй опять возбудил меня, а я уже не торопился и ласкал, и ласкал ее самозабвенно под ровное дыхание мужа. Братские чувства мою душу уже терзали. Ведь каждому предназначена своя судьба. А Галля получила, что хотела она, а я, отошел от переизбытка чувств, быстренько оделся и на цыпочках скрылся в предрассветном тумане.

Из-за этого тумана я шел на ощупь, чтобы не споткнуться на булыжник или не попасть ступней в выбоину. Я как будто плыл в этом густом тумане над дорогой, не касаясь ее. Получилось, что парю над землей и над предрассудками. Тем более Галина Львовна уже забеременела Наташей. Поэтому предложила моему брату

Александрю Викторовичу поехать в Старицу. Там Шурику предложили должность счетовода на бухгалтера. А оклад бухгалтера ему понравился: почти в полтора раза выше или больше, чем в Белебелке. А это, как любят говорить одесситы: две больших разницы.

А я понравился как хороший математик Сергею Борисовичу Анохину. Он сначала взял на математическую олимпиаду в Старую Руссу, а потом мы поехали в наш господин Великий Новгород.

Это событие произошло, когда я уже заканчивал седьмой класс в конце апреля или в начале мая.

Тут, уважаемые читатели, я немного забегаю вперед. Но это знаменательное событие поразило меня настолько, что мне деревенскому мальчишке удалось пробиться на олимпиаду по математике в Великий Новгород. Даже если бы я не добился бы успеха в нем, а занял я на олимпиаде по математике второе место. Это было в 1961 году.

Анохин гордился, что никому неизвестный мальчишка занял второе место по математической олимпиаде обойдя всех городских ребят, моих сверстников. Он решил выполнить мою просьбу и посмотреть Кремль Великого Новгорода. Меня поразили не только сам Кремль, но и вечевой колокол, который созывал вольнолюбивый новгородский народ на общее собрание горожан. И это собрание и называлось этим красивым словом «вече». Тут мне вспомнилась и сказка про Садко, который посетил водное царство.

Вспомнились мне и берестяные грамоты, на которых писали не только князья и бояре, а даже простые люди Великого Новгорода. Да-да, новгородцы писали на берестяных свитках письма друг другу. При раскопках в Кремле Новгорода их и отыскивали археологи.

Но когда мы подошли с Сергеем Борисовичем к разноцветным парковым клумбам, то увидели, что на одной из них садовники выложили из разноцветных цветов на клумбе, где мы стояли с Анохиным друг против друга, надпись и прочитали вслух: «тысяча девятьсот шестьдесят первый год!»

И я с удивлением спросил Анохина:

– Сергей Борисович, а Вы умеете читать цифры на клумбе не только слева на право, а и справа налево.

И тут Анохин открыл мне великую тайну, сказав мне предварительно:

– Володя, обогни вокруг клумбу и посмотри на число на клумбе с моей стороны и ты поймешь, что от перемены мест слагаемых сумма не изменяется.

Я бестрепково подбежал к Анохину и застыл, открыв рот от изумления: на клумбе четко прочитывалось число «1961». Читай это хоть сверху, хоть снизу все равно получится только одна-единственная цифра «1961».

Вот так я и окончил седьмой класс. А Людмила, моя сестра, подружилась с Ольгой Бабановой в это лето. Олечка была младше меня на два года. Но разница у нас была не по годам, а по интеллекту. Ведь ее отец Фёдор Иванович получил в Питере высшее образование. Поэтому и Оля Бабанова для меня казалась дамой высшего света, не то, что Света Семенова. Она гордилась только достатком своей семьи. Дмитрий Павлович Семенов работал завхозом в совхозе «Починное». А Федор Иванович не где-нибудь, а в Ленинграде был знаменитым специалистом и мудрым человеком.

И тем не менее дядя Федя любил попариться на полке в бане распаренным березовым веничком. Как плеснет он ковшиком горячую воду на каменку, так надевает тут же войлочную шляпу на голову, чтобы у него уши в трубочку не свернулись. И давай себя хлестать веником слева направо, справа налево, да и крикнет мне:

– Володя, ты же крепкий русский парень и место на полке нам хватит с лихвой. Слушай мою команду: «Свистать всех наверх!». И выгоняй из своего организма всю дрянь, скопившуюся за неделю. Пока я на отдыхе научись как следует париться. И тогда я тебе пожму руку уже не мальчика, а мужа!

Вот так и с шутками и прибаутками мы парились до августа с дядей Федей.

А мне нравилась его дочь Ольга Бабанова. Но я, дубина староросовая, не мог понять, что мы могли бы подружиться с Олечкой. Но, увы и ах! Наши пути-дороги разошлись на крутом повороте. Нов моей памяти остались лишь несколько строчек моего же стиха:

Олечка Бабанова, моя любовь нежданная!
Сердце растревожила, закипела кров.
Но были мы не смелые или неумелые
И не состоялась ведь первая любовь.

Вы можете, мои дорогие читатели, упрекнуть меня, что любовь то у меня уже состоялась с Галиной Львовной. Но разве это любовь была? Конечно же нет. Это была обыкновенная похоть. Ведь как говорится в народе – это был обычный мужской эгоизм:

– Наше дело не рожать: дунул, плюнул и бежать! Но разве можно забыть мое блаженство с Галиной. Мой первый мужской опыт... Что поделаешь, ведь из песни слова не выбросишь.

Но вот какая штука эта наша память. В се мы когда-нибудь но грешили. Но уже я никогда не отказывался от интимного соблазна. Ведь как сказал один мудрый человек: «И опыт, сын ошибок трудных и гений – парадоксов друг!» Не зря же говорят в народе: «Нужно все испытать на своей собственной шкуре». Ведь не раз мне говорила мама:

– Ой, Володя, ты такой настырный, упрямый, вспыльчивый! Как же тебе будет трудно жить с таким характером.

Я отшучивался, хотя и понимал, что моя мамочка только остерегает меня от излишних ошибок и говорил ей:

– Не беспокойся, мама, буду кропотливо работать над своими ошибками и стараться их не допускать! Ты же мне всегда говорила: «Перемелется все, Володя, и будет мука!»

– Хорошо, Володя, давай-ка мы с тобой в августе съездим в Старую руссу. Ведь в вашем крольчатнике ты с папой столько наплодили их, что ты нас много раз кормил такой диетической пищей. Да еще ни я, ни папа не можем переносить вид крови, а ты их не только диетическое мясо добывал, но и шкурки снимал и высушивал на коридоре на пальцах.

Я стал собирать в мешок кроличьи шкурки и их оказалось столько много. Ведь через каждые три месяца в крольчатники появлялась новая живность. И от каждой крольчихи был приплод от семи до девяти штук.

А мама мне шепнула на ухо:

– На рынке в Старой Руссе их можно будет нам с тобой, Володя, оптом продать. А каждая шкурка так дорого стоит. Мы с тобой миллионами станем...

И я ей ответил:

– Мамочка, дорогая ты моя и милая. Я ведь тоже, как и ты хочу стать миллионером. А пока у меня в кармане вошь на аркане и блоха на цепи. Но ты права, у нас эти шкурки кроличьи быстренько разберут. Ведь всем хочется, особенно женщинам, ходить даже в пальто с кроличьим воротником.

И на самом деле, как только я стал выкрикивать: «Меховые шкурки, продаем меховые шкурки для воротников. Дешево и сердито. Пощупайте руками какой мягкий и пушистый этот мех.

Сначала подошла к нам с мамой импозантная в богатом наряде дама и спросила ее:

– А почему вы продаете эти шкурки?

Мама тут же назвала ей цену и дама быстро подсчитав в уме сумму, которая ей по карману, стала быстро перебирать несколько кроличьих шкурок и откладывать их в сторону на столе, где лежали у продавив товары.

Дама высшего света без всякой арифметики или счетов назвала сумму стоимости этих шкурок. И тут мама проявила тоже свою смекалку и сказала дочке:

– Вы только пощупайте своими пальчиками какого хорошего качества этот кроличий мех. Я же не сквалыга какая-то, но прошу вас добавить к нашей цене еще по двадцать копеек мелочью за каждую шкурку.

Покупательница, не раздумывая кивнула головой в знак согласия, а на словах произнесла:

– Беру, беру, по такой цене я не разорю свой семейный бюджет, а муж у меня не привередливый и хочет, чтобы я была нарядной и респектабельной женщиной.

– Вот и ладушки! – кивнув головой согласилась с ценой дамы мама и сделка состоялась.

Когда дама со смехом или точнее со смешком забрала мамин товар в свой ридикюль и отошла в сторону с гордо поднятой головой, мама тихо шепнула мне:

– Вот, Володя, я вижу у тебя легкая рука и правильный подход к рекламе нашего товара. Ведь у нас с тобой не было и гроша, а вдруг получили целый алтын!

Слух о не очень дорогой цене кроличьих шкурок быстро разлетелся и базарные торговки стали скупать у мамы ее товары,

чтобы потом продать эти шкурки втридорога.

Когда наша торговля окончилась, моя мама скороговоркой произнесла:

– Пойдем, сынок, по базару, посмотрим кой-какого товару!

А направилась мама в мясные и рыбные ряды. Увидев на прилавке огромную тушку копченой трески сказала продавщице:

– На сколько эта треска потянет?

Мама не стала сразу же бросаться покупать такую огромную рыбину и, пожав плечами, сказала торговке:

– Может быть сбавите хоть на чуть-чуть эту цену, то куплю у вас эту огромную рыбину.

Продавщица мотнула головой и тут же сделала переоценку своему товару. Но мама и тут проявила смекалку и добавила:

– Если вы отбросите от этой суммы мелочь, то мы с вами разойдемся спокойно, как в море корабли.

И продавщица ответила:

– Ах, не жили богато, нечего и начинать... Я же вижу какой у вас щупленький и худой сынишка.

Я тут же обиделся на эпитеты торговки, но в уме подумал: «Какой же щупленький и худенький мальчишка. Я не хочу быть жирным боровом, а на самом деле моя фигура жилистая и стройная.»

Мама заметила мою мимику на физиономии и сказал мне тихонько:

– Держись, казак, атаманом будешь!

И эта мамина фраза так крепко застряла в моей памяти, что я стремился везде и всегда стать лидером или хотя бы в авангарде... Но, как говорится, и на старуху бывает проруха. Если бы я задирали часто свой нос, то более прагматичные люди обогнали бы меня быстренько на крутом повороте.

Если же находила для меня полоса неудач, то мне мама говорила:

– Володя, если бы все твои друзья были бы в одной шеренге среди твоих друзей футболистов, то у вас всегда был один результат: нули. И это ты сам хорошо понимаешь, что при нулевом результате нет и победы. В холостую ты срабатываешь, Володенька!

Мне пришлось иронизировать:

– Елки-палки, лес густой, ходит Ванька холостой. А тройки,

двойки и колы – все товарищи твои, то есть Ванькины. Да и в жизни, мамочка, я всегда старался добиваться победы, а не нулевой ничьи. Но твою предосторожность я постараюсь зарубить у себя на носу. И откуда же у тебя столько мудрости?

– А я, Володя, предлагаю тебе сделать одно дело: около железнодорожной станции Старая русса есть не только зал ожидания, а и буфет, где можно поесть и первое, и второе, и даже третье блюдо. Поэтому до автобуса на Белебелку нам ждать долго и поэтому ты хоть в первый раз посидишь в зале-ресторане и официант принесет на наш столик все, что мы выберем для себя в меню. Торопиться нам с тобой, сынок, некуда. Да и привыкай питаться в хорошем заведении.

Для меня в Старой Руссе открылись глаза, что есть у нас две стадии жизни простого народа: деревенского уклада и городского. Вроде бы люди, как люди, но городские жители более образованнее деревенских, элегантнее и красивее одеваются, да и питаются, а это я узнал в зале-ресторане в Старой Руссе, как будто они аристократы какие-то.

Но мне не пришлось дальше развивать свои гипотезы о том, кто сильнее: «Слон или кит». Я взялся за обеденные блюда в ресторане. И даже салфеточкой губы свои вытирал.

Добрались мы до Белебелки на автомашине, в которой перевозили посылки, письма, газеты. Дорога от Старой Руссы до Белебелки, а это районный центр, а не областной, как Старая Русса. Дальше почтовка не собиралась двигаться. Около почты в Белебелке уже стояла лошадь и ее хозяин, который нас и посадил на эту тарантайку и повез нас к Переезду по выбоинам и ухабам. А мама сказала мне тихонько:

– Володя, уж лучше плохо ехать на телеге, чем хорошо шагать пятнадцать километров пешедралом.

А я ехал на телеге и сопоставлял, чем же отличается деревня от города. То ли дело Питер или Москва. Эту фразу я видимо произнес вслух, потому что мне ответила тут же мамочка:

– Володя, я уже тебе говорила как-то, что Москва бьет приезжих гостей с носка. А в Питере мы не ходим в рваном свитере. Ведь там тоже ходят городские люди более наряднее, чем мы с тобой. В Питер мы ездили уже продавать с тобой картошку. Ты там даже кинофильм посмотрел про красных дьяволят и бать-

ку Махно. А в Старой Руссе...

И тут я почему-то прервал маму и сказал:

– Мама, я запомнил, что под Старой Руссой шли ожесточенные бои. И я вспомнил песню, которая звучала и звучит в моих ушах: «Где ж вы, ребята безусые, что в сорок первом году, где-то под Старою Руссою вы заслонили беду».

И мама мне ответила:

– Я тоже, Володенька, благодарна, что под Старою Руссою наши солдаты остановили врага именно здесь. Бои здесь шли затяжные и этот город переходил из рук в руки раз двадцать. И ты же не раз читал книги писателя Федора Михайловича Достоевского «Преступление и наказание» и «Бесы». Так вот его дом-усадьба стоит на реке, и он двухэтажный, но деревянный. И он мог бы сгореть от пожаров или разрушиться от артиллерийских снарядов. Но этот дом Достоевского уцелел. Когда он писал в Старой Руссе романы, то он построил школу для ребятишек из бедных семей, а потом и православную церковь. И все эти сооружения стоят целыми и невредимыми до сих пор.

После этих слов я задумался и уже не стал говорить своей маме, что Бога нет. А как же остались эти три здания: усадьба Федора Достоевского, православная церковь и школа для детей-сирот?

А мама мне сказала вот такую фразу:

– Да, Володя, Бог есть, как есть до сих пор Святая Троица!

Но, приехав домой, мама, переговорив с моим отцом Виктором Александровичем, провели со мной вот такую беседу:

– Володя, – сказал папа – я тут с мамой посоветовался и решили...

Тут мой отец сделал большую паузу и затем стал говорить об их, с мамой, решении:

– Мой отец Александр Крайнев умер, а моя мама Александра Васильевна Крайнева еще жива, но уже стала заговариваться. Я тут как-то заезжал на пару дней в Самару, теперь этот город называется Куйбышев, и понял, что моя мама стала заговариваться. Когда я к ней приехал, то она меня ошаршила: «Витя, – сказала она мне – ты знаешь, что я поругалась со своим мужем и твоим отцом?» .

– И у меня, Володя, – продолжил свой рассказ мой отец –

похолодело в груди. Ведь его уже нет давно в живых, а она, моя мама Александра Васильевна, якобы поругалась со своим мужем. И я ее спросил: «И что же, мама, тебе сказал мой отец и твой муж?».

– Папа мне в самом деле интересно, что же тебе ответила моя бабушка? – снова я спросил, а он тут же мне ответил:

– Моя мама стала меня звать, чтобы я с ней пошел к моему отцу на квартиру, которую он получил до смерти на Базылянке и примирил их. Мол, зачем жить в новой квартире, когда есть у нас хорошо обжитая.

И тут я спросил отца:

– Папа, а при чем тут я? Если она, моя бабушка стала заговариваться, то ей нужен не я, а психиатр?

Папа криво усмехнулся и сказал:

– Моей маме Александре Васильевне нужен не психиатр Володя, а собеседник, родной для нее человек. И таким родным человеком для нее станешь ты, Володя.

Я растерялся и спросил отца:

– Папа, но я же не смогу вылечить бабушку. Да и что мне делать в Самаре если я не врач?

И он мне ответил:

– В Куйбышеве ты можешь поступить в строительный техникум и, получив среднетехническое образование, станешь руководителем. А командную жилку я уже давно почувствовал. А моей маме и тебе нужны родственные души. Будет у тебя время, и ты будешь радовать мою маму своими посещениями.

Я не стал клясться и божиться, выслушав задумку моего отца, что буду все свое время навещать бабушку, а папе ответил:

– Папа, ты же знаешь, что если я что-то обещаю, то обязательно выполню свое обещание. И даю тебе честное пионерское слово, что каждое воскресенье буду приходить к Александре Васильевне, к твоей маме. По рукам?

Глава: Быстрые провода, долгие слезы.

У моего папы была довольно большая семья и не только в отрезке моей еще очень короткой жизни. Первенцем был его старший брат Сергей, вторым сыном Александры Васильевны стал мой папа. Виктор Александрович, третьим сыном родился опять же мальчик, которому дали имя Александр, четвертым ребенком в семье Александра Павловича и Александры Васильевны стала девочка, которую назвали Людмилой.

Сергей закончил лесотехническую академию и получил распределение в городок Йошкар-Ола Марийской АССР. Благодаря своему высшему образованию дядя Сережа сумел достичь высокого поста. Он стал директором лесхоза. Вторым сыном, как я уже написал, был мой отец Виктор. Зато дядя Саша, третий сын четы Крайневых занимался литературой. Он писал стихи, поэмы, эссе, но... В отличие от старших братьев он болел страшной болезнью – астмой. Его жена, тетя Рая, помогала своему мужу, когда начинались у него приступы астмы. А когда я переехал в Самару, то частенько заглядывал к Александру Александровичу, чтобы послушать его новое лирическое стихотворение.

И преодолевая робость свою, читал и свои стихотворения. И сразу же прочитал свое самое раннее стихотворение «Речка»:

Облака белее снега
Путешествуют по небу.
Небо, чисто голубое
Отражается рекою.
Серебристая река
По камням журчит тихонько
И в глубоких омутах
Кружит листья беспокойно.
Вдруг вспенилась гладь реки
И вихрастые мальчишки
Понеслись в перегонки
Поднимая с шумом брызги.
И опять на речке тишь.
Только ветер озорной
Низко гнет сухой камыш
Над притихшею рекой.

Но папа мне рассказал и про свою младшую сестру тетю Люду, Людмилу. Она жила в квартире жилого дома на улице Народной Обороны. Во время войны тетя Люда работала в военном госпитале в Самаре.

Однажды в палату для тяжело раненных привезла в тыл одного мужчину, которого звали Иосиф Константинович Бондарюк. Осколок от артиллерийского снаряда вонзился в позвоночник его спины и его запеленали марлевыми бинтами, пропитанными разведенным в воде гипсом.

Тетя Люда и делала этот «корсет» для позвоночника. Даже подвижка на один миллиметр испортила бы весь огромный труд хирургов. Она кормила с ложечки Иосифа, которого Людмила называла Юза или Юзик. Когда его приспичивало по нужде подкладывала «утку», как в народной загадке: «Утка в море, а хвост на заборе».

Мало кто отгадывал эту загадку, а Людмила Александровна поняла сразу же и сказала мужу:

– Юза, да это же ковшик, который хозяйка положила в ведро, наполненное водой почти до краев. Ручка у ковшика загнута на конце и эта загогулина и походила на носик утки, а сам черпак ковшика смахивал на тело неуклюжей утки.

И все же медленно, но верно Юза выздоравливал. Он в первые дни не мог даже пошевелить пальцами ноги. Но массаж ног, который ежедневно делала Люда, пошел на пользу Иосифу. Зато вдруг он почувствовал, что уже без помощи его ангела Людмилы, он сам может поворачиваться как угодно – хоть на левый бок, хоть на правый.

Через месяц тетя Люда сказала своему пациенту:

– Юзик, ты видишь, что я тебе принесла?

Иосиф, приподняв голову, ответил восторженно:

– Какая же ты умница, Люсенька, ведь теперь у меня не две точки опоры. А четыре.

– Юзик, не говори гоп, пока не перепрыгнешь через канаву – погрозила пальчиком Людмила Александровна. – Ведь конь на четырех ногах и то спотыкается. Я тебя буду подстраховывать, чтобы ты ненароком не споткнулся и упал.

– Люся, я не хочу, как моряк, с печки бряк и растянулся как червяк. А руки, ноги на пороге, да голова среди дороги. Ты меня

окрыляешь, и я почувствовал, что ты вытащишь меня из этой ямы, куда я попал с надтреснутым позвоночником. Да и вспомнил книгу Бориса Полевого про Маресьева «Повесть о настоящем человеке». Ведь благодаря упорству летчика он, лишившись двух ступней, смог на протезах снова вернуться в авиацию.

– Юза, давай не будем впадать в эйфорию. Нужно тебе, как и Маресьеву, учиться ходить как маленькому ребенку или бычку из стихотворения: «идет бычок, качается, вздыхая на ходу: «Ах, досточка кончается, сейчас я упаду!»»

– Все, все Люсенька – закивал головой Иосиф, – да мы с тобой горы вверх ногами перевернем, но добьемся, чтобы я стал ходить на своих двоих. С твоей помощью и моим упорством, разумеется.

Когда Иосиф Константинович Бондарюк выздоровел, тетя Люся с ним решили зарегистрировать свой брак в ЗАГСе. Вот так и появилась на улице Обороны совсем неподалеку от Волги новая семья, но не съезжившаяся, как кожа, а увеличившаяся в несколько раз. Ведь слово-то какое красивое – семья. Если хорошенько вдуматься, то это слово говорит само о себе: «Семь Я!» А значит семь родственников: двое – отец и мать, да трое ребятишек – Галина, Сергей и Валерий.

Галина окончила педагогический техникум. И ее направили в Узбекистан преподавателем русского языка и литературы. Тогда все республики Советского союза помогали друг другу в образовании, в работе, в воспитании детей и, разумеется, в защите наших границ. Чтобы познать огромные размеры нашей страны, мне нужно было прочитать короткое, но очень емкое стихотворение Сергея Александровича Есенина:

Десять тысяч в длину государство,
В ширину тысяч около трех...
И одно здесь нужно лекарство:
Сеть шоссе и железных дорог.

Вместо дерева нужен камень,
Черепица, бетон и жель...
Города создаются руками,
Как поступками – слово и честь!

Вот и Галина Бондарюк проработала в Узбекистане, но не

только педагогом, а собирала еще на полях под жарким солнцем коробочки хлопка. Потом производили на ткацких фабриках полотно, а из него делали нашу повседневную одежду. Про труд ткачих даже песню сложили поэты и композиторы:

Городок наш ничего,
Населенье таково:
Незамужние ткачихи
Составляют большинство.

Но Галина все-таки любила работать и жить не под жарким и палящим солнцем юга, а в средне полосе нашей матушки России. И Галина пела песенку про свой город: «Эх, Самара-городок, беспоконная я, беспоконная я, успокойте меня».

Вторым у Людмилы и Иосифа родился мальчик, которого назвали Сергеем. Он поступил в училище «Трудовые резервы».

После войны было жить трудновато, а Сережка и пошел в это училище, так как не надо было хлопотать, как Гале о нарядах, а получить только добротную форму «Трудовых резервов». Тельняшку и теплую шинель черного цвета он подпоясывал широки ремне. Но на пряжке сияла у него не пятиконечная звезда, как у солдат, а две буквы «Т.Р.». Про расшифровку я, уважаемые читатели, уже вам рассказывал. Друзья Сергея дали другую более похабную расшифровку этой аббревиатуры: «Трипперный ребенок». Но Сергей плевал на эту расшифровку, а одевал кроме шинели гимнастерку и брюки такого же цвета и обувался в хорошие, крепкие и добротные ботиночки. О нижнем белье и говорить не приходится. Ему выдали белую исподнюю рубашку под гимнастерку и кальсоны такого же цвета, что и нательная рубаха.

Трудился Сергей старательно и хорошо, но втихаря покуривал на переменах, что некурящие товарищи его нос в сторону воротили: «Сергея, от тебя так табачищем воняет, что хоть всех святых на улицу выноси.»

Зато Сергей умел хорошо работать и выполнял и слесарные, и токарные работы быстро и доботно. Мастер училища брал в руки штангенциркуль и измерял габариты детали и оставался доволен Сергеем:

– У тебя руки, Сережа, золотые и не из задницы растут, а из плеч! Да и глаза у тебя зоркие, не нужно даже под микроскопом

проверять.

Зато после училища Сережа отводил себе душу на голубятне на крыше дома на улице Обороны. Серезка взбирался на чердак, где на жердочках прогуливались парами голуби и голубки. Чтобы потом поочередно они взлетали, Сергей подбрасывал их в небесную голубизну, схватывал в руки длинный шест с белой тряпкой на его конце и размахивал им, чтобы голуби нарежали круги в этом необъятном небе. А голуби, как будто понимали, что Сереге нравится их полет с кульбитами, переворотами и вращаясь, и кружась на какой-то небесной спирали, что у него дух захватывало. Но радость от их полета разве можно сразу же забыть и убежать с голубятни домой в квартиру, чтобы спрятаться в душном помещении? Нет, Сергей, хоть и хулиганистым был мальчишкой, но просматривая полет голубей, ему казалось, что его душа летает вместе с ними под облаками. И он шептал какие-то слова, которые вертелись у него в голове:

– Голуби, мои вы милые, улетайте в сказочную высь. Голуби, вы сизокрылые, уж до облаков вы поднялись.

Откуда же у Сергея появились эти лирические строчки? Его мама Людмила – русская, а отец Иосиф – украинец. И он как раз иногда и пел дома песни, а вот одни из них: «Дывлюсь я на неба, тай думку пытаю, чаму я не сокил, чаму не летаю».

Третьего ребенка Людмилы и Иосифа назвали Валерием. он был младше меня на два года. Я родился в 1947 году, а Валерка в 1949-м. Улица Обороны была выложена булыжником и около берега Волги. Поэтому играть в футбол с ребятами с его двора было трудновато. Но он подражал футболистам Самары из клуба «Крылья Советов». Название футбольного клуба произошло от того, что во время войны в пригороде Самары под броским названием Безымянка были авиазаводы, которые и поставляли на фронт самолеты. Вот откуда и появилось название футбольного клуба «Крылья Советов».

Валера стал фанатиком этого клуба. Когда он подрос, то просыпался утром рано не для того, чтобы заниматься ему гимнастикой было не лень, а тем более еще и обливаться водой из холодного крана каждый день. Нет, Валера просыпался в день футбольной игры команды «Крылья Советов» в шесть часов утра, чтобы встать в очередь в кассу по продаже билетов на трибуны стадиона

и купить этот драгоценный билет где указана трибуна для просмотра футбольного матча и номер места, откуда счастливицу будет можно смотреть игру футболистов из клуба.

Но уже в двенадцать лет Валерка сумел стать предпринимателем. На руки давали в кассе стадиона только два билета. Имелась ввиду семейная пара и Валера приобретал эти два счастливых билета. Затем, спустя какое-то время, когда очередь около билетной кассы исчезала, кассир захлопывал окошечко своей амбразуры, так как билеты расхватывали самарские фанаты и на окошечке появлялась скромная фраза: «Билетов в кассе больше нет». И наступала вторая фаза страстей: как пройти на стадион?

Валера лихорадочно обдумывал новую проблему:

– Деньги лежат у меня в кармане как блоха на аркане... Но нужно будет успеть, когда начнется музыкальный марш выхода футболистов на траву стадиона:

– Трам-па,пам,пам,пам, пам!

Под этот марш фанаты, как римские гладиаторы на арену, так в Самаре они лезли на футбольное поле мощной лавиной спускаясь по металлической ограде спрыгивали по ту сторону ограды. Так Валера когда-то смотрел фильм про штурм Зимнего дворца в Петрограде во время Великой Октябрьской революции. И в этой лавине Валера Бондарюк был в эйфории и плыл в этом бурном потоке по воле натиска фанатов.

Охранники из милиционеров даже не пытались остановить эту оголтелую толпу, а просто отвешивали своею мощной дланью какого-нибудь из «штурмовиков» по шее. На этом они уже считали, что меры были приняты и оставались верно стоять на своем посту, пока не закончится футбольный матч.

Валерка, когда матч заканчивался, шел опять в этой толпе фанатов, но уже спокойно и чинно. И был рад: посмотрел матч «Крыльев Советов», получил небольшой гонорар за проданные втридорога билеты и удовольствие от игры любимой футбольной команды. И все-таки футбольные матчи на улице Обороны проходили для него не менее интересно. Одно дело смотреть как играют футболисты и совсем другое дело, когда он сам бьется на спортивной арене из булыжников на улице Обороны.

После спустя время супруги Людмила и Иосиф поняли, что на булыжной мостовой или на асфальте фрукты и овощи не вырастут.

И они на станции Безымянка, куда ходили автобусы и пригородные поезда, купили или им выделили небольшой садовый участок. Но землю-то необходимо возделывать, а из досок, купленных на пилораме они построили небольшой и уютный домик.

Когда Людмилу Александровну спрашивали соседи: «Куда же вы друзья в выходные дни исчезаете с наших глаз?», то она им отвечала:

– Так мы же теперь все лето будем пропадать на даче. И не только загорать, хотя я и люблю полежать на солнышке, но главная наша забота это запастись на нашей плантации закатками помидоров, огурцов, да и картошечку накопаяем и в Самару ее привезем в мешках. Скоря уже будут и яблоки плодоносить, не говоря уже о смородине и вишнях.

Но с родителями ездил на дачу «отдыхать» только Валерий. Галина и Сергей нашли себе работу в Самаре. Галя оптом покупала крупную рыбу и рыбаков, а потом продавала ее с наценкой на базаре. Продавала Галина не только сушеную рыбку, а сушеную, соленую и вяленую.

Сережа тоже не терял время зря. Голуби, голубями, но когда он научился изготавливать в училище на станках детали, то ему начали руководители платить, хоть и небольшую, но зарплату.

Валерке и пришлось ездить на Безымянку на поезде. На автобусах ему приходилось платить за билеты на проезд, а если сесть в вагон поезда, то можно было проехать до Безымянки и бесплатно. Контролеры начинают проверять билеты пассажиров, когда поезд проедет станцию Безымянка, а Валерке это только и надо. На Безымянке поезд делает очень коротенькую остановку – около трех минут.

Зато родители Валерке купали проездной билет на весь летний сезон. Это дешево и сердито: купил билет на три месяца почти за бесплатно и катайся хоть весь летний сезон на «подкидыше». Так называли этот пригородный поезд для дачников. Поэтому про них нельзя было сказать, что они неудачники.

Ведь они запасались, как и родители Валерки, продовольствием на всю зиму. Но главное – это солнце, воздух и вода, которые укрепляли их здоровье.

Глава: Промоина

Но пока мой отец Виктор Александрович подготавливал меня для броска в Самару для поступления в Куйбышевский строительномонтажный техникум и произошло в конце марта это событие, которое для меня и стало промоиной.

Я собрался в воскресенье сходить к своему другу Юре Семенову в Холтинку. Моста около Переезда тогда еще не было, а если и был, то только сезонный.

В конце марта в начале апреля в сельсовете посылали бригаду рабочих снять настил моста до разлива реки Полисть. Тогда начались заторы из-за бревен настила. Вот этот настил и снимали до разлива Полисти. Поэтому я, Вовка Батаров и Колька Кандашкин тоже решили пойти со мною в Холстинку. У Коли Кандашкина была своя цель – повстречаться не только с Юркой Семеновым, а и с его сестрой Светланой. Светочка нравилась Коле, а она была к нему равнодушна. Но Николай стремился растопить лед как в сказке про Кая и Герду, и Снежную Королеву. Вот кусочек льда в сердце Светы и мешал ей оказывать знаки внимания Кандашкину. И он все равно надеялся на весеннее потепление.

Утречком мы втроем отравились по льду реки в Холстинку. Вовка Батаров пошел с нами потому что его старший брат Миша занимался со своим отцом какими-то домашними работами, а Вовка еще маленький. Вот он к нам и привязался.

Вдоль обоих берегов Полисти тянулась изгородь из жердей, чтобы летом коровы не ходили на водопой где попало. Я сказал Коле и Вовке:

– Постойте ребята на нашем берегу, а когда я почувствую, что лед еще крепок, то перейдете следом за мной на другой берег.

Кандашкин добрил мой маневр и, кивнув головой, произнес:

– Володя, я с тобой полностью согласен. Не стоит нам поступать как в одной присказке: «Цыгане шумною и толпою толкали задом паровоз». Но если почувствуешь и услышишь треск льда, то рви когти и поворачивай сразу же назад на наш берег.

Я буркнул:

– Не учи ученого – поешь пирожка печеного...

И, осторожно ступая на рыхлый снег, лежавший на ноздрева-

том льду, я двинулся на другой берег к Холстинке.

Я не ожила, что вслед за мной двинулся и Вовка Батаров. И двигался он легко и уверенно, пока не подошел до середины реки. И вдруг... Сзади за свое спиной услышал какой-то подозрительный хруст и Вовкин испуганный голос:

– Ой, ой....

Обернувшись увидел, что малыш хотел обогнать меня и, наступив на ноздреватый рыхлый лед, то не только я, а и он сам провалились в промоину.

Первое что увидел я, так это обезумевшие от страха глаза Вовки. Он уже разок окунулся в ледяной воде в проломе и его глаза вылезали из орбит. Я схватил его за шиворот и попытался вытащить из воды на обратную сторону реки Полисти, но он со льда опять скатывался ко мне в промоину.

Я крикнул Николаю Кандашкину:

– Колька, ты чего же остолбенел-то. Вырви из изгороди длинную жердину и подай конец ее Вовке Батарову и тяни его на берег, а я буду сзади подталкивать мальчишку.

– Угу-угу... - пробурчал Колька. А сам, как раки-забияки, так и пятился назад. Но усами он не шевелил, за неимением этих усов согласно своего возраста.

Я обозлился не на шутку: ведь говорят сам погибай, а товарища выручай. А Николай и пальцем не шевельнул, чтобы подать мне руку помощи. Считаю бросил он нас с Вовкой на произвол судьбы.

Хотя и говорят: «Судьба-злодейка, а жизнь – копейка». Но мне не хотелось погибнуть даже за какой-то грош. А тут еще бурное течение реки подо льдом уже потребовало от меня гонорар и утащило набухший в воде валенок на левой ноге.

Может быть от облегчения утонувшего в пучине реки валенка, а может быть из-за отчаянной злости, но мне удалось вытолкнуть на прогнувшийся лед Вовку Батарова. У меня уже на сердце отлегло. Вовка уже, считай, на твердой почве, а вообще-то на прочном льду. Но берег то Полисти был пуст. У меня в голове завертелись мысли, как на крутящейся в парке карусели:

– Неужели Николай так струсил, что считает, убежав от места катастрофы может заявить жителям Переезда: «Я не я и лошадь не моя. Я знать не знаю и знать не хочу почему же мои друзья не

вернулись с прогулки». А мой тезка уже с прочного берега реки, а не растающего льда мне кричал: «Володя, Володенька, дорогой мой человек, собери все силы и вылезай на берег. Теперь уж ты не утонешь...»

И, как говорится, устами младенца глаголет истина. Я упорно, миллиметр за миллиметром, цепляясь пальцами и ногтями стал вылезать из холоднющей воды промоины и вылез.

До наших домов в Переезде нам стоило добраться около полтора километра. Но уже на ольховых деревьях появились капельки воды и я вспомнил поговорку: «Наступил марток, одевай-ка пору порток». Я улыбнулся и подумал:

– В мокрых то портках все равно будет холодно. Остается нам с тезкой бежать домой мелкой трусцой. А пока зуб на зуб не попадает и выбивают они дробь барабанную .

– Ты чего молчишь, Володя, - спросил меня малыш, а я ему ответил:

– Чапай думает, добежим ли мы с тобой, Вовка, до дома или нет?

И впервые в это утро я увидел, хотя измученную, но улыбку моего тезки. А потом услышал и его голос:

– Теперь-то мы с тобой, Володя, и это точно будет, добежим до Переезда. Вот уже и солнышко нам улыбается.

– Да, тезка – промолвил я, – будем живы, не умрем! А чтобы скоротать нам путь давай споем что-нибудь бодренькое.

– Володенька, а я то никогда и не пел песни.

– Пока не пел, а теперь когда-нибудь, когда ты подрастешь, мы с тобой обязательно споем хорошую военную песенку, которую еще пели бойцы-красноармейцы во время гражданской войны после Октябрьской революции.

– Вот это да.... – произнес восхищенно Вовка Батаров, а мне осталось только запеть:

– Там вдали за рекой уж погасли огни. В небе ясном заря загорелась. Сотка юных бойцов из буденовских войск на разведку в поле поскакала. Они ехали молча в ночной тишине по широкой украинской степи. Вдруг в дали у реки засверкали штыки – это белогвардейские цепи! И бесстрашно отряд налетел на врага, завязалась кровавая битва. И боец молодой вдруг поник головой – комсомольское сердце разбито.

Тут я перевел дыхание и немного помолчал, а Вовка уже уходил от стресса и спросил, а вернее попросил меня:

– Володенька, а что же было дальше-то в этой интересной песне?

Я откашлялся и запел:

– Он упал возле ног вороного коня и закрыл свои карие очи: «Ты, конек вороной, передай дорогой, что я честно погиб за рабочих».

Пел-то я для бодрости духа и для Вовки и поэтому опять перевел дыхание и снова запел:

– Там вдаль за рекой загорались огни. В небе ясном заря загоралась. Но уж не сотня бойцов из буденовских войск из разведки домой возвращалась.

Тут опять я сделал передышку, а Вовка попросил меня:

– Володя, когда ты поешь песню, то мне становится не так холодно. И даже зубы перестают отбивать дробь. Спой же мне еще что-нибудь!

– Да, когда я начинаю петь – ответил я Вовке, – мне самому уже теплее становится. Так слушай еще одну песенку.

– Мы красные кавалеристы и про нас былинщики речистые ведут рассказ о том, что в ночи ясные, о том, что в дни ненастные сумеем, сумеем постоять за СССР. Веди же нас Будённый поскорее в бой. Пусть гром гремит, пускай пожар горит кругом. Но с нами Ворошилов, первый красный офицер, сумеем, сумеем постоять за СССР.

После этой припевки Вовкиной я уже уверился, что мы с ним не окочуримся. Вот и не верь после этого вот такой фразе: «нам песня строить и жить помогает. Она, как друг нас ведет и зовет. И тем кто с песней по жизни шагает, то никогда и негде не пропадет.

Мою мысль подтвердил и Вовка:

– Володенька, нам осталось бежать трусцой уже совсем немного. Спой же мне еще одну такую же задорную песенку.

И я, не раздумывая, запел:

– Дан приказ: ему на запад, а мне в другую сторону. Уходили комсомольцы на гражданскую войну. Уходили, расставались покидая милый край. А ты ж мне моя родная на прощанье пожелай. А родная отвечала: «Я желаю всей душой: если смерти – то мгновенной, а если раны – небольшой.»

– Ух, ты – произнес с удивлением Вовка. – Как же она ему пожелала-то здорово: «Если смерти – то мгновенной, если раны – небольшой». Вот это женщина, вот это подруга. Если его ранят, то побыстрее выздоровеет, а если его убьют, так мгновенно, чтобы не страдал долго, он отмучается в один миг.

Вот так мы с Вовкой Батаровым и добежали до Переезда припеваючи.

Когда я вошел в наш дом, то мама всплеснула руками и стала помогать мне снимать мое мокрое одеяние. И даже мокрый валенок с ноги стянула. А потом приказала:

– Быстро залезай на печку. Там два одеяла и подушка тебя поджидают. Одно одеяло будет матрасом, а вторым укроешься. А как приляжешь головой на подушку, то и заснешь мгновенно. Видимо попал ты в переплет, но молчи, молчи..

Мне осталось только ответить ей:

– Мамочка, я чуть ли не погрузился, как наш Садко, на дно морское. Но владычица отпустила меня на волю. Видимо отмерила она мне длинную жизнь.

А мама, пока я ей рассказывал русские народные сказки, вскипятила молоко в печке и положила в кружку с молоком кусочек сливочного масла и сказала:

– Вот тебе, Володька, масло кусочек с кобылий носочек. Это чтобы ты не простудился и не слег. Сон ведь для любого человека самое лучшее лекарство.

Выпив молоко на меня навалилась такая истома, что глаза тут же закрылись. Спал я долго и крепко. А когда пошевелился на печке, то мама воскликнула:

– Наконец ты, засоня, проснулся. Ведь я частенько подходила к тебе и прислушивалась: дышишь ты или уже уснул мертвым сном. Анастасия Батарова ко мне два раза прибегала и всегда с каким-то гостинцем. Ведь ее Вовка рассказал ей как ты его от смерти спас. Вот и благодарила тебя. Сказала мне, что она будет в церкви молиться за тебя. Вот возьми ты, сынок, эту сдобную булочку и пару пирогов с капустой, да и запей все это угощение молочком. Не зря же в сказках говорится: и в огне мы не горим, да и в воде, как ты сам прочувствовал, не тонем. Но с печки пока не слеза. Одежду я твою просушила. Так можешь и одеться. А еду я тебе на печку и подам. Поешь и снова поспи. И

вся хворь у тебя улетучится.

Я так и поступил. Затем я стал готовиться уже летом к сдаче экзаменов в Самаре. Решал задачки, примеры и писал сочинения по литературе и русскому языку. Ведь я же не знал какие экзамены мне придется сдавать в далекой Самаре. А мама меня подбадривала:

– Ах, Самара-городок, беспокойная я, беспокойная я, успокой ты меня.

У папы я спросил:

– А как пишется слово «хирург»? В первом слого пишется буква «и» или «е».

А он мне, улыбнувшись, ответил:

– Если хирург, как врач и он очень хороший, то пишется слово через «и». А если врач никудышный, то можешь написать это слово через букву «е»!.

Я сначала не врубился в смысл папиного ответа, а потом заржав, как жеребец, стал как попугай повторять несколько раз слово «херург».

Папа стал летом меня заставляя писать диктанты. Он брал в школьной библиотеке книги и зачитывал мне, чтобы я научился бегло писать отрывки из книг знаменитых писателей и поэтов. Одно стихотворение Александра Трифоновича Твардовского я не только написал под диктовку папы, а даже выучил, а скорее запомнил сразу же наизусть: «Нет, ребята, я не гордый! Не заглядывая вдаль, вам скажу зачем мне орден? Я согласен на медаль. На медаль... И то не к спеху – вот закончим мы войну, вот приеду я, приеду на родную сторону».

Тут папа прерывал фразу и затем начинал мне диктовать снова.

– Теркин, кто же он такой? Скажем про героя на карельском воевал под рекой Сестрою.

Я записал эту фразу и спросил:

– Папа, а разве мы воевали на карельском фронте? И где протекает эта река с таким именем Сестра?

И папа мне ответил:

– В 1838 году мы воевали на Карельском перешейке с белофинами. Сталин как будто почувствовал, что город Ленинград находится в нескольких километрах от станции Белоостров. Имен-

но через Белоостров Ленин приехал в Петроград на паровозе, исполняя «роль» кочегара. А машинист и не понимал, что его «помощник» – вождь мирового пролетариата. Но это, Володя, мне к слову пришлось. Твоя задача – хорошо подготовиться к экзамену в техникуме Самары.

Мы еще долго с отцом готовились к экзаменам. А ведь в августе мне придется сдавать их. И тут в начале августа у меня и родилось стихотворение с названием «Август». Вот оно как звучало: «Не прекрасно ли картина? Паутина в легком воздухе витает, тает. Августовский теплый вечер – вечен. Но уже подходит осень, восемь. Восемь месяцев минуло, скулы. Зелень яблока не сводит. В моде цвет совсем иной в природе. Сходит с дальних звезд, слетев с небес, в лес!»

Вот так я увидел августовский звездопад. Как на небосводе то одна звезда, то другая вдруг скатывается с зенита неба куда-то за далекий горизонт. Мне так захотелось в Куйбышев (Самару) и я решил прогуляться по улице вдоль реки Полюсть.

Шел спокойно, любясь водной гладью и... чуть не столкнулся нос к носу с кем вы думаете? Так точно с Колькой Кандашкины. Он вышел из переулка внезапно на эту улицу и, увидев меня, оцепенел.

У меня мелькнула в голове: чует кошка, чье сало села. А Колька отвел от меня глаза в сторону и, вжав голову в плечи, развернулся на сто восемьдесят градусов на каблуках добротных ботинком и пустился трусцой наутек от меня по этому переулку. Я только усмехнулся и вспомнил строчку Александра Сергеевича, нет, нет, не Пушкина, а Грибоедова: «Нельзя ли для прогулок вам выбрать лучше переулоч...»

Коля бежал не оглядываясь, но не быстро. И мне показалось, что Кандашкин будто хочет, чтобы я догнал его и отлупил, как сидорову козу. Но мне было противно даже заглянуть в его лицо. Уже тот факт, что Колька чувствует свою вину меня успокоил и я сказал ему вслед спокойным ровным голосом, но чтобы он услышал меня:

– Мы с Вовкой попали в промоину, а у тебя эта промоина оказалась в твоей паршивой душонке. И с этой промоиной тебе придется жить и жить...

И вдруг я увидел и услышал как Колька затрясся, как осина от легкого дуновения ветерка. Его плечи скорбно сгорбились. Ведь от себя самого невозможно убежать. Тем более никто за ним и не гнался...

Содержание

Глава: Босоное детство.	3
Глава: Мои друзья детства.	20
Глава: Открылись новые горизонты.	40
Глава: О, русская земля, ты уже за холмом	61
Глава: Вера, Надежда, Любовь	87
Глава: Переезд в Переезд.	117
Глава: Школьные годы чудесные: с светлою дружбой и песнею... ..	140
Глава: Быстрые проводы, долгие слезы.	161
Глава: Промоина	168

Отпечатано в авторской редакции с готового оригинал-макета заказчика

Подписано в печать 02.11.2021 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая. Заказ №867.
Уч.-изд. л. 11. Печ. л. 11. Тираж 25 экз.

ТИПОГРАФИЯ ООО «ГАЛАНИКА»
г. Санкт-Петербург, ул. Правды, д. 15.
Тел.: (812) 670-56-88, galanika@list.ru, www.galanika.com